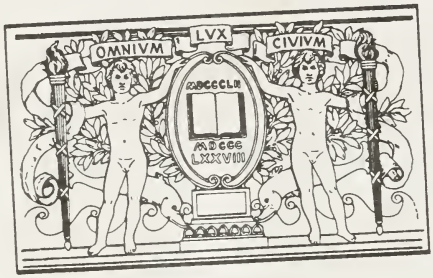
КНЯЗЬ ИЛИКО

МАЛЕНЬКІЙ КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ

РАЗСКАЗЪ

В. П. ЖЕЛИХОВСКОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО А. Ф. ДЕВРІЕНЪ
БЕРЛИНЪ



BOSTON
PUBLIC
LIBRARY

КНЯЗЬ ИЛИКО

МАЛЕНЬКІЙ

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ

КНЯЗЬ ИЛИКО

МАЛЕНЬКІЙ

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

В. П. ЖЕЛИХОВСКОЙ

5-е ИЗДАНІЕ СЪ РИСУНКАМИ

Первое изданіе этой книги одобрено Учен. Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учен. библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ.

БЕРЛИНЪ

ИЗДАНІЕ А. Ф. ДЕВРІЕНА

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

I.

Набѣгъ.

Тьма еще не окутала землю, но солнце уже склонилось къ западу. Сады и виноградники, бѣлыя городскія стѣны, зеленыя изгороди, земляныя крыши саклей и разные балясы балконовъ, — все горитъ въ его прощальныхъ лучахъ. Живописная древняя Телавская крѣпость, съ группами стройныхъ башенъ, съ зубчатымъ бастіономъ, и бойницами съ развалинами дворца, величественно рисуется на яркомъ фонѣ неба. Дворецъ этотъ, воздвигнутый въ XVII столѣтіи, — историческій памятникъ. Въ немъ предпослѣдній изъ царей Карталиніи и Кахетіи, Ираклій II-й, оплакивалъ передъ смертью свое несчастное отечество, терзаемое и внутренними усобицами своихъ князей, и кровавыми набѣгами мусульманъ.

Теперь этотъ полуразрушенный дворецъ одиноко вызвышается среди пустынной площади. Въ сторонѣ отъ суетливой нынѣшней жизни, онъ словно углубился въ прошлое и мрачно задумался о томъ времени, когда и онъ оглашался веселымъ пѣніемъ и ликованіемъ пирующихъ, гораздо болѣе многочисленныхъ, чѣмъ вонъ тѣ, которые въ настоящую минуту

выходятъ на улицу изъ того дома, что стоитъ вдали отъ крѣпостныхъ стѣнъ.

Съ громкимъ смѣхомъ, пѣніемъ и музыкой, человѣкъ двадцать, если не болѣе, высыпало изъ настежь открытыхъ дверей. Всѣ одѣтые въ яркія богатыя одежды. Всѣ въ цвѣтныхъ чохахъ[1]), обшитыхъ галунами, съ рукавами, заброшенными за плеча; въ атласныхъ архалукахъ, въ широкихъ шальварахъ изъ красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ персидскихъ матерій, шумящихъ на ходу, какъ крахмаленыя; всѣ съ богатымъ оружіемъ: — съ шашками, пистолетами и кинжалами, отдѣланными въ золото, серебро и слоновую кость; всѣ въ невысокихъ грузинскихъ шапкахъ изъ мелкой мерлушки, молодецки посаженныхъ на бекрень, такъ чтобы выигрывали и ясный соколиный взглядъ, и ласковая улыбка губъ, оттѣненныхъ темными, завитыми усами. Въ толпѣ туземныхъ костюмовъ изрѣдка выдѣляется офицерскій сюртукъ на распашку, военная фуражка, но и изъ-подъ нея мелькаютъ тѣ-же черные веселые глаза, тѣже темные усы и сверкающіе бѣлизной зубы. Это — молодежь, служащіе сыновья распировавшихся помѣщиковъ-князей. Впереди медленно движется оркестръ; визгливая зурна и гулкій барабанъ слышны за двѣ версты.

Послѣ сытнаго, долгаго пира, съ безконечными тостами тулумбаша[2]), хозяева и гости двигаются медленнѣе, развалисто, хлопаютъ въ ладоши размѣренно, лѣниво. Во главѣ ихъ приплясываетъ съ

---

[1]) Чоха — верхнее суконное платье.

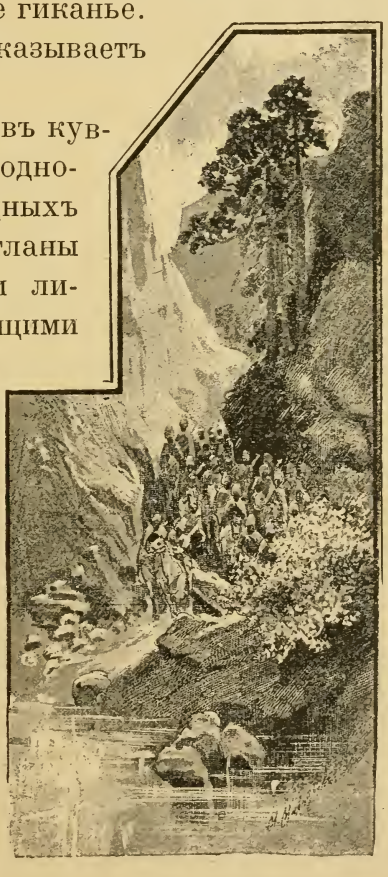
[2]) Тулумбашъ — одинъ изъ пирующихъ, которому поручено провозглашать заздравные тосты и распоряжаться разливаніемъ вина.

ужимками и характерными изворотами рукъ и головы, пожилой приживальщикъ изъ бездомныхъ дворянъ. Къ нимъ присоединяются посторонніе; мальчишки бѣгутъ въ прискочку.

Наконецъ, откуда ни возьмись, выскакиваетъ изъ среды зрителей танцоръ-любитель, и мастерски отплясываетъ лезгинку . . . Его удаль раззадориваетъ сонное общество. Слышатся возгласы непритворнаго восторга и одобренія. Между расходившимися князьями поднимается сильнѣе говоръ, смѣхъ, объятія, восклицанія и даже гиканье.

Хозяинъ громко приказываетъ угощать всѣхъ.

Домашнее вино несутъ въ кувшинахъ, въ кулахъ[1]), на подносахъ; наконецъ, въ громадныхъ кокахъ[2]). Ковры разостланы тутъ-же на улицѣ. Зрители ликуютъ за одно съ дѣйствующими лицами. Воодушевленный общими кликами восторга, танцоръ-диллетантъ превосходитъ самого себя: онъ наполняетъ стаканъ виномъ, ставитъ его на голову и — пускается снова въ плясъ, сначала медленно, потомъ быстрѣй и быстрѣй,



[1]) Кула — кувшинъ съ длинной шеей, отдѣланный въ серебро или весь серебряный.

[2]) Кока — тоже кувшинъ, но глиняный; часто огромной величины.

слѣдуя въ тактъ зурны, наконецъ, плавно пронесшись мимо всѣхъ, окончательно восхищенныхъ зрителей, не проливъ ни капли вина, ухарскимъ жестомъ схватываетъ съ головы стаканъ и выливаетъ его въ горло . . . Оглушительный залпъ аплодисментовъ покрытъ еще болѣе оглушительнымъ крикомъ похвалъ. Танцора усердно угощаютъ и награждаютъ абазами[1]), и пиръ продолжается, грозя продлиться до полуночи.

Это происходило въ срединѣ 19. столѣтія въ Телавѣ, главномъ городѣ Кахетіи. Богатый помѣщикъ, князь Чегодаевъ, праздновалъ благополучное возвращеніе единственнаго сына своего изъ экспедиціи[2]).

Но вотъ, въ верхнемъ этажѣ дома чуть-чуть пріотворили ставень. Въ открытомъ окошкѣ показывается красивый ребенокъ лѣтъ трехъ; его, очевидно, придерживаютъ сильныя руки. Онъ одѣтъ чистокровнымъ грузиненкомъ — въ желтую канаусовую рубашку и бархатную красную чоху. Мальчикъ весело хлопаетъ въ ладоши и, закинувъ назадъ курчавую головку, оглашаетъ воздухъ радостнымъ крикомъ.

— А! . . Илико-джанъ[3])! Гамарджоби! . . Моди акъ бочи! Моди чкара[4])! — раздаются привѣтливые и призывные возгласы, и вскорѣ маленькій князекъ, внукъ хозяина дома, всеобщій баловень и забавникъ, уже на улицѣ. Онъ переходитъ съ рукъ на руки, теребитъ за волосы дѣда, тянетъ отца за шелковистые,

---

[1]) Абазъ — серебряная монета въ 20 коп.

[2]) Экспедиціями называли походы противъ горцевъ.

[3]) Джанъ — милый.

[4]) «Здравствуй! Иди сюда, мальчикъ! Иди скорѣй».

не успѣвшіе еще, за молодостью лѣтъ, хорошенько отрости усы, и бродитъ, перепробовавъ, изъ нѣсколькихъ стакановъ родного кахетинскаго, пошатываясь, по ковру, лавируя между азарпешами и кулами[1]).

— Пей, Илико, пей! Не бойся кахетинскаго, — приговариваетъ сильно подкутивши дѣдъ. — Отцы твои пили и честно жили и славно умирали за дорогую Кахетію! . . Будь и ты ея вѣрнымъ сыномъ. Пей! Живи весело и честно! Люби вино, но крѣпче всего, Илико, люби свою вѣру, люби землю отцовъ своихъ!.. Эге! Ты зачѣмъ сюда, Катевана! . . Уйди, а сына оставь! Онъ — мужчина . . . его мѣсто съ отцомъ и дѣдомъ . . . а тебѣ здѣсь не слѣдъ . . . Стыдно молодой женщинѣ присутствовать на пирушкахъ!

Послѣднія увѣщанія обращались къ прехорошенькой молодой грузинкѣ, невѣсткѣ князя. Она не вытерпѣла и, зная по опыту, что свекоръ ея не прочь напоить черезчуръ безцеремонно внука своимъ возлюбленнымъ кахетинскимъ виномъ, спустилась сама за ребенкомъ.

— Я уйду, батюшка, уйду! — говорила она улыбаясь. — Только дайте мнѣ моего сынка: ему тоже здѣсь не мѣсто!

— Нѣтъ, неправда! Ему здѣсь настоящее мѣсто, — говорилъ старикъ князь, захвативъ ребенка въ свои широкія объятія. — Гиго, — обратился онъ къ сыну, — прогони жену!

Молодой князь смѣялся. Смѣялись и гости, глядя какъ мальчишка, понявъ въ чемъ дѣло и, не желая возвращаться въ домъ, гдѣ ему казалось темно

---

[1]) Азарпеши-ковшъ, въ видѣ большой суповой ложки, для питья вина. Кула — кувшинъ для того-же употребленія.

и скучно, шаловливо ухватился за шею дѣда и заливался смѣхомъ въ ожиданіи, что мать будетъ отнимать его.

— Не ходи къ матери! Не ходи! . . . Прогони ее! — приговаривалъ старый князь Чегодаевъ. — Что тебѣ дѣлать съ бабами? Вотъ такъ! Вотъ такъ!

Разшалившійся ребенокъ грозилъ и махалъ обѣими рученками на мать, дрыгая ногами и прижимаясь къ дѣду. Широкій рукавъ рубахи приподнялся у него отъ усиленныхъ движеній, а на смуглой пухленькой ручонкѣ открылось странной формы родимое пятно: оно образовало, въ серединѣ между кистью и локтемъ правой руки, совершенно правильный крестъ.

— Не бойся, мальчуганъ, не бойся; не отдамъ тебя бабамъ! — шутилъ дѣдъ. — Да ты и самъ съумѣешь защититься. Ты у меня молодецъ джигитъ[1]) . . . Смотрите, господа, — обратился онъ къ своимъ сосѣдямъ: — это-ли не христіанскій воинъ?. . Глядите, какимъ святымъ знакомъ отмѣтилъ Богъ его десницу!

Онъ захватилъ двумя мускулистыми пальцами ручку Илико и показывалъ ее присутствующимъ. И видѣвшіе раньше, и не видѣвшіе родимаго пятна на ручкѣ ребенка, считали своимъ долгомъ удивляться. Они до тѣхъ поръ теребили пухлый локотокъ, пока мальчикъ не закричалъ и не раскапризничался, чему мать его очень обрадовалась, потому что теперь она могла безпрепятственно взять его на руки и унести.

— Да, — говорили всѣ, — странный знакъ!

— Мѣченый, что говорить! Не пропадетъ, — согласился отецъ.

[1]) Джигитъ — удалецъ, наѣздникъ.

— Не бойся, мальчуганъ! Не отдамъ тебя бабамъ! — шутилъ дѣдъ.

— Не въ томъ дѣло! — вскричалъ старый князь. — Онъ будетъ этой рукой разить мусульманъ, сражаясь за крестъ! . . Самъ Господь-Богъ благословилъ его руку на бой . . . Тулумбашъ, что-же непьешь за здоровье князя Ильи Чегодаева, моего внука и наслѣдника? . .

— А вотъ сейчасъ! — съ готовностью отвѣтилъ рослый красивый князь, исполнявшій почетную роль тулумбаша.

Пиръ продолжался за полночь. Полная луна взошла высоко и осыпала серебромъ росистые виноградники, сверкающую рѣчку и угрюмыя развалины Иракліевскаго дворца, когда наконецъ утомленные гости и хозяева разошлись на покой.

Дня черезъ два послѣ этой пирушки, молодая княгиня Чегодаева собиралась со всей семьею ѣхать на богомолье въ деревню Ацхури, гдѣ находится монастырь Тетри-Георги[1]), чрезвычайно чтимый не только христіанами, но и мусульманами.

Для послѣднихъ въ образѣ «Бѣлаго Георгія» слилось двѣ личности: христіанскій святой и миѳическій Геркулесъ древняго міра, — воплощеніе силы и несокрушимаго мужества.

Снарядили нѣсколько арбъ[2]), устлали ихъ коврами, обложили мутаками (подушками), сверху покрыли легкими полосатыми палласами[3]), чтобы закрыть путешественницъ отъ знойныхъ лучей солнца, и вотъ, три или четыре такихъ арбы потянулись съ женами,

[1]) Тетри — бѣлый.

[2]) Арбы — высокія, двухколесныя повозки.

[3]) Палласы — тонкіе ковры безъ ворса, очень дешевые, выдѣлываются во всѣхъ татарскихъ и армянскихъ деревняхъ, особенно въ Эривани Шушѣ и Баку.

чадами и домочадцами князей Чегодаевыхъ, такъ какъ сами они, старый князь и старшій сынъ его, должны были догонять ихъ позже, верхомъ, съ знакомыми, мужской прислугой и другими путниками въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, отправляющихся въ Ацхури.

Неподалеку отъ города наши путешественницы въѣхали въ вереницу богомольцевъ, выбравшихся ранѣе, и безконечная цѣпь арбъ, запряженныхъ разношерстными быками или черными буйволами, скрипя тяжелыми цѣльными колесами[1]), потянулась по лѣсамъ и доламъ, къ той священной дубравѣ, гдѣ искони приносились жертвы Побѣдоносцу, чтимому равно всѣми воинами, безъ различія вѣроисповѣданій. Въ этомъ священномъ лѣсу когда-то находилась бѣлая плита съ изсѣченнымъ въ ней изображеніемъ Св. Георгія на конѣ. Потому-то народъ и назвалъ выстроенный здѣсь впослѣдствіи храмъ — церковью «Бѣлаго Георгія».

Было тринадцатое августа, — престольный праздникъ въ Ацхурскомъ храмѣ, куда сходится и съѣзжается въ этотъ день множество народа даже изъ Тифлиса, а ужъ объ окрестныхъ деревняхъ — и говорить нечего. По всѣмъ лѣснымъ тропинкамъ, по всѣмъ крутымъ спускамъ съ Лезгинскихъ высотъ толпами двигались цѣлыя семьи не только христіанскаго населенія, но и мусульманскаго: лезгинъ, дагестанцевъ, чеченцевъ и, въ особенности, осетинъ, — этихъ горцевъ полу-христіанъ, полу-мусульманъ и даже отчасти язычниковъ, вѣроисповѣданія которыхъ никто ясно опредѣлить не можетъ.

---

[1]) Въ арбахъ колеса цѣльныя, безъ спицъ, на подобіе жернововъ, только деревянныя.

За каждою арбою шли на привязи будущія жертвы святого Георгія: молодые бычки, теляты или бараны, смотря по состоянію жертвователя. Многіе бѣдняки везли даже пѣтуховъ или куръ.

Чѣмъ ближе къ мѣсту, тѣмъ оживленнѣе и многолюднѣе картина. На нѣкоторыхъ арбахъ слышались шумный говоръ, веселье и смѣхъ, — на другихъ вздохи и стоны: это значило, что на нихъ везутъ больныхъ, чающихъ исцѣленія. Многіе богомольцы, въ особенности женщины, идутъ по обѣту пѣшкомъ, съ желѣзными обручами на шеѣ; у нѣкоторыхъ вериги эти очень тяжелы; это иногда просто цѣпи, доходящія до пуда тяжести. Ихъ можетъ снять только священникъ, у входа въ храмъ, принявъ отъ давшаго обѣтъ посильную жертву и такимъ образомъ разрѣшивъ его узы.

Вотъ наконецъ, къ вечеру, дотянулись и знакомыя намъ разукрашенныя городскія арбы до деревни, надъ которой, на черномъ хребтѣ, красуется церковь Тетри-Георгія. Далеко, еще въ лѣсу, былъ слышенъ колокольный хвонъ, призывавшій народъ къ вечернѣ. Когда семья князя Чегодаева поднялась къ оградѣ, оказалось, что вокругъ ея разбитъ уже цѣлый городокъ палатокъ и балагановъ, полныхъ богомольцами, а въ самой оградѣ уже за недѣлю былъ занятъ каждый уголокъ шалашами торговцевъ евреевъ и армянъ, понавезшихъ цѣлые короба стекляшекъ, зеркальцевъ, пестрыхъ грошовыхъ платковъ и гнилыхъ ситцевъ, чтобы обмѣнять эту дрянь на шерстяные платки, войлочныя шляпы, пестрые коврики и бурки — все добротныя, хорошія издѣлія домовитыхъ горянокъ. У бѣдныхъ дикарокъ разбѣгались глаза,

когда онѣ смотрѣли на цвѣтныя бусы и яркіе узоры ситцевъ. Юркимъ продавцамъ, наперерывъ восхваляющимъ свой товаръ и зазывающимъ въ свои палатки татарокъ, здѣсь былъ полный просторъ обманывать, сколько душѣ угодно. Ярмарка устраивается на славу!

Княгиня и княжны со своими прислужницами были встрѣчены и сняты съ арбъ слугами, отправленными сюда заранѣе — для выбора мѣста и постановки палатокъ. Между этими слугами особенно выдавался плотный красноносый дворецкій Отія, очень гордившійся тѣмъ, что въ цѣлости довезъ громадную коку со старымъ виномъ, которое не хотѣли портить переливаніемъ его въ бурдюки[1]), какъ это было сдѣлано княземъ съ простымъ виномъ, не столько цѣнимымъ.

Старая княгиня Репсимія, жена старшаго Чегодаева, очень устала и не захотѣла итти въ церковь. Она знала по опыту, что толпа не допуститъ ее войти и отслушать службу, а потому предпочитала отдохнуть съ вечера, чтобы потомъ встать до разсвѣта, — къ заутрени. Она знала, что во время ночной службы въ церкви будетъ просторнѣе: многія женщины полѣнятся встать ранѣе обѣдни, а мужчины, прокутивъ всю ночь въ честь Георгія-Бѣлаго, непремѣнно всѣ будутъ спать.

Молодая-же княгиня, Кетевана, и двѣ младшія, незамужнія сестры ея мужа отправились въ церковь въ сопровожденія только-что подоспѣвшихъ мужчинъ. Маленькій Илико тоже хотѣлъ было итти съ ними, но мать, не смотря на желаніе отца и дѣда, сдѣлать

[1]) Кожаные мѣха; въ нихъ на Кавказѣ обыкновенно разливаютъ вино.

ребенку эту поблажку, настояла на томъ чтобы оставить его при бабушкѣ.

Былъ чудесный вечеръ. Жара уже спала, лѣса и горы горѣли въ заревѣ заходящаго солнца. Толпы пестраго разноплеменнаго народа все еще тянулись къ давно переполненной церкви, откуда то и дѣло слышались крики и выходили чуть не задыхавшіеся отъ духоты и тѣсноты люди. Семья Чегодаевыхъ съ трудомъ пробилась къ входу. Старый князь, передъ которымъ многіе старались сторониться, шелъ впереди, князь Гиго оберегалъ жену и сестеръ въ арьергардѣ. Вотъ они вступили подъ тяжелый портикъ; молодая княгиня держа за руки обѣихъ княжонъ, протиснулась вслѣдъ за сверкомъ въ сплошной массѣ людей, старавшихся дать имъ дорогу, какъ вдругъ, въ самыхъ дверяхъ нога ея наткнулась на что-то мягкое, и она навѣрное упала-бы, еслибы ее не поддержала живая стѣна богомольцевъ . . . Въ ту же секунду что-то всколыхнулось подъ мощной ногой князя Чегодаева и раздался стонъ, вырванный болью изъ чьей-то груди, не смотря на усиліе сдержать его. Старикъ рванулся впередъ, а невѣстка и дочери его съ ужасомъ попятились назадъ. Онѣ поняли, что отецъ ихъ нечаянно наступилъ на добровольную жертву религіознаго фанатизма, — на какую-нибудь несчастную женщину, распростершуюся заранѣе въ дверяхъ церковныхъ именно ради того, чтобы всѣ пришедшіе поклониться св. Грегорію попирали ее ногами. Такихъ несчастныхъ обыкновенно поднимаютъ съ порога церкви полумертвыхъ, избитыхъ и истоптанныхъ каблуками, какъ ни стараются богомольцы осторожно переступать и перескакивать черезъ нихъ.

Молодая женщина не могла рѣшиться итти впередъ, такъ какъ приходилось — или наступать на одну изъ такихъ лежащихъ женщинъ, или перешагнуть черезъ нее, что было невозможно въ густой толпѣ. Княгинѣ пришлось остановиться на порогѣ и только издали покреститься на сіявшій, отъ множества зажженныхъ свѣчей, иконостасъ. Впрочемъ, скоро толпа стала до того напирать, толкая семью князя изъ стороны въ сторону, а стоны и вскрикиванія жертвы, обрекшей себя на служеніе св. Георгію посредствомъ такого страннаго обѣта, сдѣлались до того непріятны и тяжелы имъ, что онѣ согласились, по просьбѣ князя Георгія, перейти отсюда въ мѣсто болѣе безопасное. Онъ провелъ ихъ къ боковымъ дверямъ, откуда хорошо было слышно служеніе, шедшее въ церкви.

Въ этомъ уголкѣ церковнаго двора, отвоеванномъ у торговцевъ армянъ и евреевъ, кипѣла оживленная дѣятельность. Здѣсь принимались священникомъ и причтомъ жертвоприношенія святому и разрѣшались отъ узъ давшіе обѣтъ носить вериги. Масса жертвователей столпилась на зеленой муравѣ двора. Ожидая своей очереди — подойти съ бараномъ или съ быкомъ, приведенными на веревкѣ, они не стѣснялись бесѣдовать между собою о домашнихъ дѣлахъ, и говоръ ихъ смѣшивался съ блеяніемъ и мычаніемъ животныхъ и съ возгласами священника въ полномъ облаченіи, окруженнаго дьякономъ и дьячками, державшими зажженныя свѣчи. Вотъ къ священнику подводятъ овцу или теленка: священникъ кадитъ, окружая будущую жертву облаками ѳиміама, поджигаетъ ей шерсть на лбу, въ знакъ того, что она

принята Бѣлымъ Георгіемъ, даетъ цѣловать жертвователю крестъ, возглашая: «Прійми, святый побѣдоносецъ, сію малую жертву раба твоего и отпусти ему всѣ прегрѣшенія его», и затѣмъ переходитъ къ слѣдующему жертвователю. Между тѣмъ тѣ изъ богомольцевъ, съ которыхъ надо снять *шарни*, т. е. вериги, иногда тяжелыя цѣпи, но чаще небольшіе желѣзные обручи, надѣтые на шеи, подходятъ къ рядомъ стоящему дьякону, который и совершаетъ эту церемонію. Почти всѣ давшіе обѣтъ, особенно женщины, одѣты въ бѣлую одежду — въ честь святого. Въ числѣ жертвователей было не мало и магометанъ. Иные бѣдняки несли въ рукахъ только домашнюю птицу, или нѣсколько лавашей[1]), но были и такіе, которые съ трудомъ тащили откормленныхъ быковъ съ двумя зажженными свѣчами, прикрѣпленными къ рогамъ. Такія жертвы были особенно торжественно принимаемы священникомъ. Цѣлый рядъ такихъ жертвъ вели на убой, и народъ дѣлалъ наблюденія надъ ними въ то время, какъ ихъ сваливали, накинувъ петлю на шею, и убивали. Если животное падаетъ сразу и умираетъ съ перваго удара кинжаломъ въ горло, то это значитъ, что жертва пріятна и принята святымъ. Тогда всѣ окружающіе хвалятъ жертвователя и величаютъ чудотворную силу Побѣдоносца. Если же ударъ неудаченъ, если быкъ вскакиваетъ, противится, въ народѣ поднимается ропотъ: «св. Георгій недоволенъ! Жертва принесена не отъ чистаго сердца»! . .

Вечерняя служба въ церкви кончилась; народъ повалилъ густой волною изъ церковныхъ дверей.

[1]) Лепешка, очень большая, длинная и тонкая, какъ листъ бумаги.

Пространный дворъ еще болѣе оживился; закипѣли торговля и мѣна. И духовные отцы, и ихъ разнообразная паства спѣшать покончить свои дѣла въ храмѣ, — возгласить послѣднія молитвы, бросить въ кружку приношенія и затѣмъ развлечься и отдохнуть до новаго ночнаго богослуженія.

Прозрачная лѣтняя ночь смѣняетъ блестящій вечеръ. Окрестности озаряются безчисленными кострами, у которыхъ пируютъ семьи богомольцевъ. Всюду такъ щедро льются ароматныя кахетинскія вина, слышится такой искренній смѣхъ, что человѣку, незнакомому съ простосердечно-веселымъ, равно искреннимъ въ проявленіи всѣхъ чувствъ своихъ, грузинскимъ народомъ, трудно было бы повѣрить, что вся эта ликующая, беззавѣтно преданная веселью масса людей стеклась сюда съ религіозною цѣлью, а не затѣмъ только, чтобы покутить и повеселиться всласть. Отовсюду слышны звуки зурны, гортанныхъ переливчатыхъ пѣсенъ, взрывы дружнаго смѣха и возгласы тароватыхъ тулумбашей. По мановенію ихъ, прислуга и сами пирующіе едва успѣваютъ наполнять кубки и турьи рога, которые неустанно ходятъ по рукамъ, въ круговую. Въ иной изогнутый аршинный рогъ, отдѣланный въ серебро подъ чернью, помѣщается до трехъ бутылокъ кахетинскаго, а между тѣмъ тулумбашъ неумолимъ: кто взялся пить изъ рога — долженъ осушить разомъ какъ простой стаканъ, и перевернуть его на ладонь, въ знакъ того, что здравица выпита до дна.

Зная нравы своей родины, княгиня Репсимія была совершенно права, заранѣе разсчитывая на просторъ въ церкви во время заутрени. Въ ожиданіи

ея, старушка улеглась въ глубинѣ палатки, возлѣ сладко спавшаго внука, и глядитъ, ворча и улыбаясь въ одно и то же время, чрезъ приподнятый край полотна на оживленную картину народнаго веселья. Спать она и не думаетъ. При такомъ шумѣ и гамѣ, при стрѣльбѣ, обычной спутницѣ всякаго грузинскаго торжества, развѣ возможно думать о снѣ! . . Она ворчитъ только на новые, непріятные ей порядки: — на недостатокъ скромности у молодыхъ женщинъ, на непочтительность и своеволіе молодежи. Свои упреки она высказываетъ передъ испытанной полувѣковою ей преданностью служанкой, старой Шекари, и ея внучкой, Пепелой, своей двѣнадцатилѣтней крестницей, которую старая княгиня держитъ такъ строго, что даже здѣсь, въ палаткѣ, приказываетъ ей кутаться въ чадру[1]) и не отпускаетъ никогда отъ себя даже на десять минутъ. И теперь бѣдняжка крѣпко просилась отпустить ее погулять съ молодыми княжнами, посмотрѣть «тамашу»[2]), но безуспѣшно.

Княгиня Репсимія ворчитъ на невсѣтку и младшихъ дочекъ; она пеняетъ, что тѣ ушли въ такую поздную пору съ мужчинами, — съ молодымъ братомъ, у котораго съ той поры, какъ онъ одѣлся въ русскую военную форму, да промѣнялъ красивую папаху на этотъ блинъ съ краснымъ околышемъ, вѣтеръ въ головѣ еще сильнѣе загулялъ. Ушли себѣ среди ночи, въ толпу пьяныхъ мужчинъ, съ непокрытыми лицами, и вотъ скоро уже полночь, а ихъ все нѣтъ, какъ нѣтъ! . .

---

[1]) Покрывало, фату.

[2]) Тамаша — суета, праздничное оживленіе или волненіе въ толпѣ по случаю какого либо происшествія.

— Ужъ времена! . . Таковы ли мы были? . . Смѣли ли думать о прогулкахъ въ ночную пору, рѣшились ли въ обществѣ, хотя бы въ присутствіи однихъ мужей и братьевъ, открывать лица? Вай-ми, деда-джанъ[1])! Скорѣе бы я дала себѣ палецъ на правой рукѣ отрубить, чѣмъ сняла бы чадру! . . А нынѣшнія молодыя женщины и дѣвушки ихъ теперь даже и совсѣмъ не носятъ; русскіе ихъ вывели! Стыдно, говорятъ, — мы не невольницы, не турчанки и не персіянки, чтобы кутаться по мусульманскому обычаю въ простыни. Чего добраго, и тасакрави[2]) и катибы[3]) поснимаютъ, да разодѣнутся въ русскія платья; надѣнутъ на голову колпаки, покрытые цвѣтами, какъ тѣ наши княгини модницы, что изъ Тифлиса пріѣхали недавно въ Цинондалы[4]) . . . Не дай Богъ! . . . Стыдъ какой . . . Не глядѣли бы мои глаза на такое посрамленіе! . .

Такъ жалуется старуха, вздыхая о прежнихъ, канувшихъ въ вѣчность временахъ, а между тѣмъ вотъ и молодежь возвращается съ веселымъ говоромъ и смѣхомъ. Княгиня Кетевана наклоняется къ своему мальчику, заботливо глядя въ его красивое, разгорѣвшееся личико, а княжны бросаются наперерывъ разсказывать матери, какую они страшную вещь видѣли сейчасъ на церковномъ дворѣ. Они ходили туда смотрѣть *избранницу Бѣлаго Георгія*, —

---

[1]) Вай-ми — восклицаніе удивленія, жалобы или восторга. Деда-джанъ — мать милая. Обыкновенный грузинскій возгласъ.

[2]) Тасакрави — головной женскій уборъ.

[3]) Катиба — верхнее платье, вродѣ кафтана, съ откладными рукавами; бархатное или атласное, обшитое по краямъ мѣхомъ, на груди вышитое жемчугомъ съ крупными золотыми пуговицами.

[4]) Цинондалы — имѣніе князей Чавчавадзе.

молодую, красивую женщину всю въ бѣломъ, которую окружала цѣлая толпа зрителей. Всѣ стоятъ въ недоумѣніи и страхѣ, съ непокрытыми головами и смотрятъ, какъ она танцуетъ безъ устали лезгинку въ честь святаго Побѣдоносца. Часъ, два пляшетъ красавица, стройно, граціозно летая и изгибаясь по широкому двору. То освѣщаемая заревами костровъ, то исчезая въ сумракѣ ночи, едва разсѣваемомъ мерцаніемъ звѣздъ, она лишь изрѣдка пріостанавливается, невольно нарушая размѣръ танца, потому что ее схватываютъ конвульсіи. Все чаще и чаще передергиваютъ они бѣдную избранницу, пока наконецъ она не свалится окончательно, въ судорогахъ, на землю. Вмѣсто помощи, всѣ съ ужасомъ сторонятся и разбѣгаются отъ несчастной, видя въ страданіяхъ ея священную волю святого.

Пока княжны разсказываютъ это матери, за палаткой раздается голосъ дворецкаго:

— Батоно[1])! — возглашаетъ Отія, ужъ совсѣмъ не тѣмъ увѣреннымъ голосомъ, какимъ говорилъ въ началѣ вечера.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? — откликнулись женщины.

— Князья приказали мнѣ доложить вашимъ милостямъ, что они часика на два отлучатся. Моуравъ[2]) изъ Ацхури пріѣхалъ и лошадей имъ привелъ: къ себѣ проситъ.

— Къ себѣ? Время-ли теперь, ночью, — ворчливо отозвалась старая княгиня.

— Ахъ, нѣтъ, Отія! Скажи князю Гиго, что я

[1]) Батоно — барыня.

[2]) Моуравъ — старшина, староста.

боюсь! — воскликнула Кетевана. — Какъ можетъ онъ насъ оставлять однѣхъ, съ Илико, въ такой толпѣ! . .

— Скажите! Васъ съ Илико?! . . — огрызнулась Репсимія на невѣстку. — Ужъ когда онъ мать родную оставляетъ, то нечего вамъ бояться! Да и какая опасность? . . Толпа? . . Да вѣдь это все же свои, грузины! . . Да и людей сколько съ нами! . .

— Здѣсь всякіе есть, сколько татаръ, горцевъ!.. Нѣтъ, я боюсь!

— Пустяки, нечего бояться! . . Что за манера у васъ, молодыхъ женщинъ, перечить мужьямъ? . . Ихъ воля! На то они мужчины . . . Не въ томъ дѣло, а какая имъ охота по ночамъ ѣздить? . . Еще, пожалуй, и обѣдню проспятъ! . . Грѣхъ одинъ съ ними . . .

— Баринъ сказывалъ, что къ утрени назадъ будутъ.

— Къ утрени? . . Какъ-же! Жди ихъ! . . Дай Богъ, чтобы къ обѣднѣ, — хоромъ заговорили женщины.

— Они еще не уѣхали? — спросила молодая княгиня.

— Чего еще? Ужъ не бѣжать ли къ мужу при народѣ? . . Безстыдница! — прикрикнула старуха.

— Да когда я боюсь!

— Да они ужъ уѣхали, — рѣшилъ дѣло дворецкій, — я самъ молодому князю коня подавалъ, при мнѣ и уѣхали . . . А ужъ потомъ я сюда пришелъ.

— Ну, что это, право! Какъ ему не стыдно ребенка на одну меня здѣсь бросать? . . — горестно вскричала княгиня Кетевана, придвигаясь ближе къ сыну.

— На одну тебя!? И поумнѣй тебя найдутся ему хранители! — не могла не поворчать старшая Чегодаева.

Старуха въ сущности очень любила невѣстку и сама раздѣляла ея неудовольствіе на сына и мужа, но никакъ не могла отказать себѣ въ удовольствіи прочесть ей наставленіе.

— Что-жъ! — продолжала она. — Моуравъ Ацхурскій хорошій малый, крестникъ мужнинъ; а ты знаешь, какъ священно это духовное родство?! У насъ, въ Кахетіи, посѣщенія крестнаго отца считаются честію и счастіемъ. Его принимаютъ съ почетомъ, чествуютъ не менѣе отца родного, и если бы крестный отецъ прошелъ мимо двора своего духовнаго сына, не зайдя на порогъ его, это считалось бы безчестіемъ и обидой всему дому. Нехорошо вотъ только, что такъ поздно пригласилъ онъ князя Сандро! . . Раньше бы лучше . . . Ну, да ужъ нечего дѣлать . . .

— Да онъ рано пришелъ изъ Ацхури — просить господъ на ужинъ, — вмѣшался Отія, да князья уже позвали къ себѣ гостей и не могли оставить ихъ.

— Еще бы! Когда-же кто нибудь въ Кахетіи клалъ такой на себя позоръ — оставлять гостей своихъ, да еще званыхъ . . .

— Ну, вотъ, потому и запоздали они отъѣздомъ, и моурава съ собой усадили . . . Распили коку изъ того вина, что въ день рожденія князя Георгія зарыто было, да и отправились всей компаніей, и съ гостями своими, въ Ацхури.

— Ну, Богъ ихъ храни! Они — мужчины: съ нихъ не такъ взыщется, а намъ надо теперь ложиться, чтобъ не проспать заутрени . . . Иди, Отія, прикажи

тушить костеръ, и ложитесь всѣ спать, — приказала княгиня Репсимія.

Дворецкій подмигнулъ стоявшему по близости молодому парню, и они вмѣстѣ отошли отъ палатки. Теперь и для прислуги было самое время погулять: князья уѣхали, княгини уснутъ, всѣ дневныя ихъ заботы покончены: впереди, до самой зорьки, нѣсколько часовъ веселаго пированія съ знакомыми и кунаками[1]) у яркихъ костровъ, гдѣ всю ночь не умолкнетъ зурна и круговая чаша не перестанетъ переходить изъ рукъ въ руку . . .

Часъ, два, три часа идетъ пиръ вокругъ старинной церкви Бѣлаго Георгія . . . Давно пѣтухи прогорланили полночь; наконецъ шумъ и говоръ стихаютъ; усталыя руки проливаютъ вино на землю; усталыя вѣки слипаются; вмѣсто взрывовъ хохота, все чаще и чаще раздаются богатырскія всхрапыванія и сонный бредъ. Все успокаивается . . . Предразсвѣтная тишь и сумракъ спускаются на опьянѣвшій сонный лагерь богомольцевъ. Предразсвѣтная свѣжесть вѣетъ надъ долами и горами, покрываетъ землю холодной росой, заставляетъ женщинъ въ палаткахъ крѣпче кутаться въ одѣяла, охлаждаетъ разгоряченныя виномъ лица беззаботно раскинувшихся у потухающихъ костровъ своихъ парней, юношей и сѣдыхъ стариковъ, теперь всѣхъ равно обезоруженныхъ силой сна и сокомъ виноградныхъ лозъ благодатной Кахетіи . . .

Мирно раскинулся надъ спящими звѣздный куполъ; мирно сіяетъ на востокѣ звѣзда зари, мигая сквозь приподнятый уголъ палатки, прямо въ лицо

[1]) Кунакъ — пріятель, свой человѣкъ.

Илико Чегодаева и его красавицы матери, крѣпко обнявшей сына. Мирно спятъ, раскинувшись вокругъ палатки на травѣ, вѣрные слуги князей Чегодаевыхъ . . . А князья ? . . Они еще не вернулись изъ деревни, гдѣ въ честь ихъ откупорена завѣтная бочка, десятъ лѣтъ тому назадъ зарытая въ виноградникѣ моурава Ацхурскаго . . . Скоро долженъ проснуться церковный сторожъ, чтобъ ударить въ колоколъ и поднять на ноги прежде всего богобоязненныхъ старушекъ, духовенство, потомъ — торгашей, мечтающихъ о предстоящей наживѣ, а наконецъ и весь лагерь. Но теперь и сторожъ еще крѣпко спитъ на церковныхъ ступеняхъ. Въ эту пору отдохновенія природы все, кажется, спитъ непробудно . . .

Но такъ ли это? Всѣ ли спятъ? . .

Нѣтъ! Вотъ, между палатками и арбами, между группами спящихъ въ повалку, показываются какія-то черныя тѣни . . . Онѣ шныряютъ туда и сюда, то прилегая къ землѣ, когда кто-нибудь во снѣ зашевелится, то быстро мелькая между кострами, еще тлѣющими кое-гдѣ красноватымъ, слабымъ свѣтомъ. Ихъ все больше прибываетъ, — этихъ черныхъ, зловѣщихъ тѣней . . . Онѣ отдѣляются группами отъ перелѣска, исчезающаго въ сумракѣ ночи, и тихо, молча, расходятся по всему лагерю. Всего больше ихъ у церковной ограды, въ разныхъ мѣстахъ ея, и въ тѣни простѣнковъ и портиковъ у самаго храма. У иныхъ палатокъ, которыя побольше и въ которыхъ, очевидно, спятъ семьи княжескія или богатыхъ торговцевъ, тоже кроется по нѣскольку человѣкъ; не мало ихъ и между шалашами лавочниковъ, — шалашами, сбитыми изъ досокъ и рогожъ, за которыми

хранятся товары. Вотъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу эти таинственныя тѣни зашевелились . . . Послышался продолжительный, но сдержанный, не рѣзкій свистъ и — вдругъ въ сотнѣ разныхъ мѣстъ, по всему лагерю замелькали красныя искры . . . Во мглѣ и тишинѣ ночи, прерываемой лишь людскимъ храпомъ, грузными вздохами быковъ и буйволовъ, фырканьемъ лошадей, да отдаленнымъ лаемъ и пѣтушинымъ крикомъ, быстро разгорались эти искры въ огоньки, въ свѣтлое пламя . . . Съ легкимъ трескомъ взвивались вверхъ по досчатымъ балаганамъ огненные языки, дымокъ отъ нихъ струился все чернѣе, огни колыхались и выростали, все больше и дружнѣе охватывая всю ярморочную площадь. Но вотъ и внѣ ограды, между палатками и навѣсами, устроенными подъ арбами, вспыхиваютъ огоньки . . . Черезъ нѣсколько минутъ пламя охватываетъ весь лагерь и, вмѣстѣ съ раздавшимися ружейными выстрѣлами, будитъ всѣхъ, кто можетъ проснуться: всѣхъ женщинъ, дѣтей и очень мало мужчинъ . . . Нѣкоторые изъ нихъ силятся сбросить узы сна, подняться, но большая часть въ ту же секунду падаетъ подъ ударами кинжала или просто приклада по головѣ, не успѣвъ сообразить, что такое дѣлается, кто наноситъ имъ смерть? Раздаются отчаянные крики, плачъ, вопли, ругательства . . . Громадная толпа всадниковъ несется изъ ближняго лѣса.

Она ринулась въ церковный дворъ — разбивать двери храма, грабить обезумѣвшихъ отъ страха армянъ и евреевъ, поднявшихъ гвалтъ неописанный, думавшихъ не о защитѣ, а только о бѣгствѣ. Старый церковный сторожъ, бросившійся было къ колоколь-

нѣ, чтобъ ударить въ набатъ, падаетъ съ раскроеннымъ черепомъ. Двери церкви выбиты, алтарь открытъ настежь, у престола работаетъ нѣсколько десятковъ рукъ. Небольшой домикъ, гдѣ ночевало духовенство, весь въ огнѣ: тамъ еще ранѣе покончена работа грабителей надъ беззащитнымъ священникомъ и причтомъ.

Въ лагерѣ — адъ кромѣшный. Борьба дикарей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, съ опьянѣлыми мужчинами и беззащитными женщинами не можетъ быть продолжительна. При яркомъ свѣтѣ пожара, лезгины работаютъ неутомимо. Они убиваютъ мужчинъ, связываютъ женщинъ, берутъ въ плѣнъ тѣхъ, которые сдаются, обезумѣвъ отъ страха, прикалываютъ строптивыхъ, тащатъ изъ палатокъ все, что поцѣннѣе, нагружаютъ арбы и навьючиваютъ лошадей. Нѣсколько десятковъ грабителей заняты въ коновязи: на лучшихъ лошадяхъ уже сидятъ новые хозяева; другія лошади сами поскачутъ за ними въ горы, перепуганныя пожаромъ и крикомъ. Черезъ часъ, два, когда помощь прискачетъ изъ Ацхури, все уже будетъ кончено. Плѣнники, награбленное добро, лошади, быки и буйволы — все уже будетъ въ горахъ, все будетъ нестись по разнымъ тропкамъ и лѣснымъ просѣкамъ, извѣстнымъ лишь этимъ дикарямъ, взросшимъ среди своихъ дебрей и скалъ; все будетъ на пути въ ихъ аулы, подъ прикрытіемъ непроходимыхъ лѣсовъ и недосягаемыхъ вершинъ. Въ лагерѣ и на церковномъ дворѣ останутся лишь обгорѣлыя груды избъ и балагановъ, тѣла убитыхъ; да можетъ быть, нѣсколько раненыхъ, въ попыхахъ свалки, не добитыхъ до смерти . . .

Въ палаткѣ Чегодаевыхъ проснулись ранѣе другихъ. Княгиня Репсимія вскочила съ первымъ выстрѣломъ и, ослѣпленная огненной струйкой, бѣжавшей вверхъ по полотну палатки, вскрикнула, задрожавъ при мысли о пожарѣ. Княгиня Кетевана проснулась въ ту же секунду и, схвативъ на руки Илико, бросилась вонъ изъ палатки, еще ничего не понимая. Ужасъ охватилъ ее при видѣ пылавшаго лагеря, и она бросилась бѣжать прямо въ церковь. Незамѣченная ею, за ней бѣжала маленькая дѣвочка Пепела.

— Люди! Отія! . . — кричала княгиня Репсимія. — Отія, Вано, гдѣ вы? . .

— Старуха! — закричалъ надъ нею незнакомый голосъ по-лезгински: — долой ее!

И старая княгиня Чегодаева опрокинулась назадъ, на свою постель, умолкнувъ на вѣки . . .

— Дурень! — закричалъ другой голосъ. — Это богатыя княгини: за нихъ царскій выкупъ дадутъ! Вяжи ихъ!

Старая Шакарь, понимавшая ихъ говоръ, вцѣпилась ногтями и зубами въ руку говорившаго, схватившаго младшую княгину. Ударъ кулакомъ въ голову свалилъ преданную женщину на трупъ ея госпожи . . .

Сестеръ Чегодаевыхъ связали. Ихъ слуги и дворецкій давно плавали въ своей крови. Отія даже не проснулся, — онъ прямо отъ сна перешелъ въ иной міръ . . .

Что нашла бѣдная княгиня Кетевана на церковномъ дворѣ, гдѣ она думала укрыться, — трудно и описать. Она потеряла сознаніе, очутившись среди

еще сильнѣйшаго пламени и свалки грабителей съ богомольцами и продавцами. Вбѣжавъ въ церковь и думая, что видитъ въ алтарѣ своихъ, она закричала:

— Спасите! . . О! спасите моего сына! . .

Ее окружили незнакомые вооруженные люди. На лицахъ ихъ было не состраданіе, а любопытство. Она поняла, что это враги, лезгины, и упала на колѣни, прижимая къ себѣ Илико.

Съ нею заговорили ободрительно, ее начали успокаивать. Одинъ погладилъ мальчика по головкѣ, другой, овладѣвъ ея рукой, снялъ дорогіе перстни, но старался объяснить, что они ей не сдѣлаютъ вреда. Они поняли, что имѣютъ дѣло съ женщиной и ребенкомъ изъ богатаго дома, за возвращеніе которыхъ дадутъ хорошій выкупъ. Пепела не много понимала ихъ рѣчи; она тоже начала успокаивать княгиню. Одинъ изъ горцевъ протянулъ къ ней руки, чтобъ взять у нея сына. Она дико, пронзительно закричала и съ силой оттолкнула отъ себя дикаря.

Что было потомъ — Кетевана не знала. Она, вѣроятно, лишилась чувствъ, потому что не могла припомнить, какъ взяли у нея ребенка.

Когда, на зарѣ, князья Чегодаевы прискакали съ своими спутниками изъ Ацхури, они не нашли никого изъ своихъ. Подъ пепломъ палатки и всего ихъ добра лежало нѣсколько обугленныхъ труповъ, которые, впрочемъ, еще можно было признать. Они убѣдились, что между ними не было ни княженъ, ни молодой княгини. Послѣдняя, однакожъ, скоро нашлась. Одинъ изъ прислуги прибѣжалъ сказать, что княгиня Кетевана возлѣ церкви. Князья бросились туда.

Церковь, ограбленная внутри, одна уцѣлѣла отъ пламени. Окруженная дымившимися постройками и толпой народа, который бросался изъ стороны въ сторону, оглашая воздухъ воплями, она стояла мрачная, разграбленная до-тла, обагренная кровью, съ открытыми настежь дверями. Возлѣ церкви, на травѣ, съ подложенной подъ голову чьей-то папахой лежала молодая княгиня. Взоръ ея еще издали отчаянно устремился на мужа, а побѣлѣвшія губы, съ запекшейся кровью, беззвучно лепетали: «Илико! Илико! Гдѣ Илико? . . Они его взяли!»

Князь Гиго, отчаянно рыдая, припалъ къ ногамъ жены. И онъ, и старый князь, на десять лѣтъ постарѣвшій за эту ночь, поняли, что бѣдняжка уже не жилица на свѣтѣ. Она не была ранена, а только вся разбита и измята, вѣроятно, въ жару свалки, а быть можетъ и поспѣшнаго бѣгства толпы грабителей, спѣшившихъ окончить грабежъ въ церкви.

Послѣднія слова Кетеваны были о сынѣ, послѣдняя мольба къ мужу и его отцу — найти Илико и вы-

купить его. Онъ не убитъ, — трупъ его былъ бы найденъ. Онъ въ плѣну; онъ живъ! Эта надежда облегчила страдалицѣ послѣднія минуты.

— Георгій, батюшка, не забудьте . . . Его легко найти . . . Крестъ на правой рукѣ поможетъ вамъ узнать его всегда, вездѣ, между тысячами . . . Да сохранитъ и помилуетъ Всемогущій Богъ моего сына, моего бѣднаго Илико! . .

Таковы были послѣднія слова Кетеваны Чегодаевой.

На другой же день сильный отрядъ выступилъ изъ Телава въ погоню за грабителями. Нѣсколько ауловъ хищниковъ было разорено, было перебито и взято въ плѣнъ множество народу, но найти и отбить плѣнниковъ — отряду не удалось. Только черезъ полгода, послѣ многихъ хлопотъ и расходовъ на лазутчиковъ и переговоры, старику князю посчастливилось узнать о дочеряхъ и цѣною почти всего своего состоянія выручить ихъ изъ плѣна. Княжны вернулись больныя, измученныя лишеніями, хотя съ ними обращались лучше, чѣмъ съ другими плѣнницами, за которыхъ не ждали хорошаго выкупа.

Оказалось, что молодыя дѣвушки ничего не знали объ участи своего маленькаго племянника.

Много хлопотали о немъ дѣдъ и отецъ, долго горевали и, наконецъ, убѣдились, что Илико утраченъ для нихъ навсегда. Они рѣшили, что онъ, вѣроятно, убитъ хищниками или умеръ, не перенеся своей тяжкой доли.

Молодой князь Чегодаевъ такъ сильно тосковалъ по женѣ, что отецъ согласился отпустить его на службу въ Петербургъ, куда онъ вскорѣ послѣ возвращенія сестеръ изъ плѣна и уѣхалъ, и затѣмъ много лѣтъ не возвращался на родину.

II.

Во вражьихъ горахъ.

Я перенесу васъ теперь изъ солнечныхъ виноградниковъ Кахетіи въ такую глушь и дичь, что съ перваго взгляда кажется, что сюда не заходилъ и никогда не могъ зайти человѣкъ. Куда ни глянь — вездѣ недосягаемыя вершины, покрытыя лѣсными дикими дебрями, скалы, уходящія въ облака; пропасти и темныя ущелья, гдѣ синій туманъ клубится надъ потоками, которые съ ревомъ и грохотомъ рвутся съ камня на камень, съ утеса на утесъ. Не видать и слѣда построекъ, дорогъ, какихъ нибудь признаковъ человѣческой жизни; не видать даже животныхъ, кромѣ нѣсколькихъ орловъ, которые парятъ такъ высоко въ солнечномъ сіяніи, что кажется, будто они тамъ застыли и неподвижно висятъ въ воздухѣ, чуть не въ уровень съ сіяющими снѣговыми вершинами. Свѣжій горный воздухъ тамъ такъ чистъ и прозраченъ, что зеленая листва, даже дальнихъ деревьевъ, ярко выдѣляется на черныхъ массахъ хвойнаго лѣса.

По временамъ порывы рѣзкаго вѣтра гуляютъ, посвистывая, между лѣсными вершинами, стройными волнами пригибая къ землѣ высокія, сочныя, никѣмъ еще некошенныя травы на полянахъ, по откосамъ горъ; завывая врываются въ пещеры, между скалистыхъ грядъ, подъ самой снѣжной цѣпью. Играя брызгами и пѣной водопадовъ внизу, въ глубокихъ ущельяхъ, а вверху, въ поднебесьи, гоняя стаи бѣлоснѣжныхъ облаковъ, этотъ вольный вѣтеръ летаетъ далеко по горамъ и доламъ, распѣвая свои заунывныя пѣсни, быть можетъ, оплакивая ими все зло, все горе, которое онъ видитъ, облетая землю. Вотъ и тутъ, неподалеку, за зелеными горами, въ томъ лѣсу, что теперь такъ таинственно молчитъ, покачивая лишь верхушками своихъ могучихъ деревьевъ-великановъ, вольный вѣтеръ только-что видѣлъ много страшныхъ картинъ. Онъ видѣлъ мертвыхъ и умирающихъ людей, разбросанныхъ по просѣкамъ и въ чащѣ лѣса, слышалъ ихъ вопли и стоны и — улетѣлъ поскорѣй подальше и разнесъ по бѣлу-свѣту эти безпомощные, горькіе стоны, повторяя ихъ на тысячу ладовъ въ своихъ тоскливыхъ завываніяхъ . . .

Да, теперь этотъ густой, столѣтній лѣсъ молчитъ, дымясь тамъ и сямъ надъ потухающимъ пожарищемъ, а нѣсколько часовъ тому назадъ въ немъ кипѣла ожесточенная битва. Съ гикомъ и побѣдными криками носились по опушкѣ его всадники, громкими дружными «ура» оглашались его непроходимыя дебри, и всѣ вражьи засады и завалы рушились предъ дружнымъ напоромъ русскаго солдата.

Кончилось дѣло, очищенъ лѣсъ, обреченный безжалостнымъ топорамъ саперовъ, и неутомимые ка-

заки погнали дальше горцевъ, уцѣлѣвшихъ послѣ боя. И бѣгутъ женщины, старцы и дѣти изъ ауловъ, прослышавъ объ избіеніи своихъ мужей, отцовъ и братьевъ, — бѣгутъ они въ-разсыпную, захвативъ что попало, угоняя скотину, навьючивъ лошадей и буйволовъ домашнимъ скарбомъ; бѣгутъ зря, безъ опредѣленной цѣли, безъ путей и дорогъ, куда глаза глядятъ, чтобы попрятаться въ свои дикія горы, въ свои непроходимые лѣса. Но скоро, скоро уже не останется въ ихъ недосягаемыхъ дотолѣ горахъ такого мѣста, куда бы не проникъ русскій солдатъ. Горцы знаютъ это, предвидятъ неизбѣжное будущее и тѣмъ съ большею злобой вымещаютъ свое безсиліе на тѣхъ изъ своихъ враговъ, которые попадаются къ нимъ. Много такихъ несчастныхъ! Въ глубинѣ горъ и ущелій, въ тѣ времена, были цѣлые аулы, населенные взятыми въ плѣнъ грузинами, армянами и кахетинцами, обращенными въ магометанство. А сколько страданій приходилось имъ выносить до этого обращенія! Сколько ихъ погибало отъ голода и холода, сидя въ темныхъ ямахъ, вырытыхъ въ землѣ, томясь въ цѣпяхъ и въ страшно-тяжкой работѣ! . .

Вернемся однако къ нашимъ одинокимъ, пустыннымъ вершинамъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ только-что смолкшаго боя. Онѣ теперь уже не такъ пустынны; во многихъ мѣстахъ видны люди, стада и лошади, спѣшно уходящіе изъ родного аула. Среди своей дикой, величественной природы эти группы горцевъ очень живописны. Посмотрите на этихъ женщинъ, навьюченныхъ дѣтьми, которыхъ онѣ несутъ на груди, на спинахъ, тащатъ за руки — на этихъ старухъ, отягченныхъ всякимъ домашнимъ

скарбомъ, изъ-подъ котораго выглядываютъ ихъ сморщенныя, обозленныя лица, поднимаются руки, безсильно грозящія невидимымъ врагамъ. Полюбуйтесь на ловкость этихъ дѣтей-подростковъ, перепрыгивающихъ по утесамъ, сбѣгающихъ, какъ ихъ родныя козы, съ такихъ отвѣсныхъ скалъ, куда бы мы и близко не подпустили нашихъ сыновей! Полюбуйтесь и — пожалѣйте ихъ! Взгляните и пожалѣйте также этихъ сѣдовласыхъ, длиннобородыхъ старцевъ, изгнанныхъ вмѣстѣ съ дѣтьми и внуками отъ родныхъ очаговъ своихъ. Многіе изъ нихъ съ такимъ величавымъ спокойствіемъ слѣдуютъ за своими разоренными семьями, что невольно напоминаютъ изображенія древнихъ патріарховъ. Въ особенности вотъ этотъ высокій, бѣлобородый, въ бѣлой чалмѣ старикъ, что опирается одной рукой на посохъ, а другою на плечо десятилѣтняго красиваго мальчика. Онъ плохо видитъ отъ старости, и ноги уже плохо служатъ ему. Онъ видимо пережилъ всякій личный страхъ смерти и боится не за себя, а идетъ вслѣдъ за ввѣренными ему близкими, дорогими существами, которыхъ не можетъ покинуть и которые не оставятъ и его въ часъ опасности. Съ нимъ только четверо: его маленькій вожакъ, очень молоденькая женщина съ ребенкомъ на рукахъ и мальчикъ лѣтъ шести, который крѣпко держится за конецъ ея спустившейся чадры[1]). Личико ребенка смотритъ недоумѣло и испуганно; красивое лицо молодой женщины полно ужаса и горя; черты старшаго мальчика дышатъ отвагой и сдержанной злобой, и видно, что если бы отъ него зависѣло, его бы не было здѣсь; всѣ его помыслы

[1]) Покрывало.

летятъ назадъ, къ покинутому аулу, гдѣ изъ послѣднихъ силъ борются его товарищи постарше.

Вотъ они спустились на дно узкаго овражка, скрытаго за лѣсомъ и грядой скалъ, и пріютились у ручья, подъ натуральнымъ каменнымъ сводомъ. Весенніе разливы этого ручья, изъ года въ годъ подмывая берега, образовали въ нихъ множество углубленій и промоинъ, въ которыхъ удобно было скрываться бѣглецамъ. Ихъ уже много расположилось здѣсь, по обѣимъ сторонамъ оврага, и наши пришельцы присѣли между ними. Старику тотчасъ же дали мѣсто столпившіяся здѣсь женщины, но на спутницу его онѣ смотрѣли непріязненно и многія косились и ворчали, пока она, утомленная, располагалась отдохнуть и покормить своего грудного ребенка. Одна пожилая женщина быстро встала при ея приближеніи и, отвела отъ нихъ своихъ дѣтей, начала поспѣшно отодвигать и всю свою рухлядь, громко ворча, что если наберутся въ ихъ убѣжище поганые гяуры[1]), то къ нимъ скоро найдутъ дорогу и ихъ братья, и быть здѣсь имъ, правовѣрнымъ, всѣмъ перерѣзанными русскими...

Высокій благообразный старикъ опирался на плечо мальчика.

[1]) Собаки, — такъ мусульмане называютъ христіанъ.

Молодая женщина не обратила никакого вниманія на брань. Она укачивала сына одной рукой, а другой рылась въ мѣшкѣ, отыскивая что-нибудь съѣстного для ребенка постарше, пріютившагося на землѣ возлѣ нея. Но за то ея десятилѣтній спутникъ свирѣпо стиснулъ зубы, схватившись за кинжалъ, не по росту большой для него, и злобно прикрикнулъ расходившуюся татарку.

— Оставъ, Рагимъ, — равнодушно замѣтила ему молодая женщина по-лезгински и затѣмъ тихо шепнула: — скорѣе бы узнать!

— Мнѣ не долго! Обѣщалъ, такъ узнаю . . . Только бы дѣдъ не хватился, такъ же тихо, угрюмымъ голосомъ отвѣчалъ мальчикъ. — А ты безъ меня не ссорься съ ними, Пела, не отвѣчай этой старой воронѣ.

— Развѣ я когда-нибудь обращаю вниманіе на ихъ рѣчи? — презрительно возразила молодая женщина.

— Я теперь схожу назадъ, въ лѣсъ, — громко сказалъ Рагимъ, обращаясь къ безмолвно опершемуся на посохъ старику, — схожу и посмотрю, нѣтъ ли гдѣ Юсуфа съ нашими коровами? Не дать же имъ пропасть!

— Никто и ничто не пропадетъ безъ воли Аллаха! — отвѣчалъ старый татаринъ. — Зачѣмъ уходить тебѣ, сынъ мой? Ты слишкомъ молодъ, чтобы принимать участіе въ бою. Довольно того, что братъ твой тамъ сложитъ, быть можетъ, голову . . .

— Такъ что же такое? — прервалъ мальчикъ — Не онъ одинъ готовъ умереть въ бою съ гяурами . . . Ахъ, хотѣлъ бы я быть на его мѣстѣ!

— Успѣешь, дитя! Русскіе сильны, но и наши горы — преграда не легкая, а сыны этихъ горъ такъ

же тверды, какъ и онѣ . . . Успѣешь и ты, и быть можетъ этотъ младенецъ, — и онъ указалъ на спящаго ребенка, — обагритъ свои руки въ крови ихъ.

— И дай, Боже, скорѣе дождаться этого! — вскричалъ Рагимъ.

— Дай, Боже, всѣмъ намъ скорѣй примириться и не обижать, не мучить другъ друга, — горячо возразила Пела.

— Не мучить этихъ проклятыхъ собакъ?! Примириться съ врагами Аллаха и его пророка?! . . — съ негодованіемъ закричали другія женщины. — Кто смѣетъ этого желать, кто можетъ произносить такое богохульное желаніе, кромѣ дочерей и сестеръ этихъ самыхъ проклятыхъ гяуровъ?! . .

— Этого можетъ и должна желать всякая добрая жена и мать, любящая мужа и дѣтей своихъ, — гордо отвѣчала Пела.

— Никогда правовѣрная мусульманка не скажетъ этого! — кричали ей въ отвѣтъ со всѣхъ сторонъ. — Это — слово поганой гяурки! . . Мы всегда знали, что ты не наша, что ты не вѣруешь въ законъ Магомета, что ты была бы рада, еслибы проклятый, нечистый народъ твой выгналъ отсюда всѣхъ насъ и поселился бы въ нашей землѣ . . .

— Я была бы рада, если бы нашъ народъ, особенно женщины, стали добрѣе и перестали носить во рту кинжалы вмѣсто языковъ, — отвѣчала, не поднимая на нихъ глазъ, красавица Пела.

— Вотъ, вернется братъ, такъ притупитъ эти кинжалы, — вмѣшался сердито старшій мальчикъ.

— Придержи лучше свой языкъ, змѣенышъ! — закричала на него безобразная старуха, все время

кричавшая громче всѣхъ остальныхъ. — Эта грузинская собака всѣхъ васъ околдовала и всѣхъ васъ погубитъ!

— Замолчишь ли ты, вѣдьма? — яростно занося на нее кулакъ, вскричалъ Рагимъ, но старикъ-дѣдъ отвелъ его руку, привставъ съ камня, на которомъ сидѣлъ, и сказалъ:

— Не стыдно ли вамъ? Теперь не время ссоръ и раздоровъ; уймись, Гурнабъ-Ханумъ, и ты отойди, Рагимъ! Довольно бѣдъ у насъ и безъ вашихъ ссоръ.

— А откуда всѣ бѣды, какъ не отъ твоихъ любимцевъ, русскихъ, Ибрагимъ-Ага? — завопила пуще прежняго старая Гурнабъ. — Перебили бы всѣхъ христіанскихъ собакъ, которыхъ слишкомъ много завелось у насъ, такъ лучше бы было.

— Такъ ты бы хотѣла, чтобы русскіе били и стрѣляли нашихъ сыновей и братьевъ, попавшихся въ ихъ руки? — хладнокровно отвѣчалъ старикъ. — Вотъ ты сейчасъ назвала русскихъ моими любимцами, потому что я помню ихъ доброе обращеніе съ нами, когда мы были ихъ плѣнниками. Да, я помню ихъ добро. Помню, что ихъ заботами мнѣ, врагу ихъ, возвращена была жизнь и свобода. Помню и — не хочу забыть . . . Я помню все это и считалъ бы стыдомъ не заступиться за тѣхъ несчастныхъ, которые попадаютъ къ намъ въ плѣнъ, и стыжусь того, что они, христіане, гораздо великодушнѣе насъ мусульманъ . . .

— То-то ты и внуку своему позволилъ взять въ жены христіанку . . .

— Ты лжешь! Я — мусульманка, — краснѣя, перебила ее Пела.

— И этотъ мальчишка тоже, не-бойсь, мусульманинъ? — злобно фыркнула Гурнабъ, ткнувъ пальцемъ въ мирно сосавшаго кукурузу маленькаго мальчика.

— Али-Коджанъ — мой братъ.

— Да?! . . То-то у него и имя такое, что никто и не слыхивалъ . . .

— Что за дѣло до именъ? — прервалъ Ибрагимъ-Ага. — Стыдно тебѣ, Шуанета! Что тебѣ сдѣлалъ ребенокъ?

— Ничего онъ мнѣ не сдѣлалъ, а только онъ такой-же правовѣрный мусульманинъ, какъ и его сестра, жена твоего внука . . .

— Оставьте ее въ покоѣ! — строго возвысилъ голосъ старикъ. — Еслибы Пела не была доброй мусульманкой и хорошей женой Казаръ-Бека, никто не мѣшалъ-бы ей отъ насъ уйти. Вы знаете, что ей не разъ, еще до свадьбы ихъ, предлагали вернуться въ Кахетію, идти на обмѣнъ нашихъ плѣнниковъ, и что она сама не захотѣла.

— Зачѣмъ ей уходить, когда ей и у насъ хорошо? Перваго богача въ мужья себѣ захватила . . . Лучшаго жениха изъ десяти ауловъ у нашихъ дочерей отбила . . . — затараторили женщины.

— Да еще приворожила такимъ зельемъ, что онъ и второй-то жены взять не хочетъ! — вырвалось у одной изъ нихъ, молоденькой Шуанеты.

Пела, упорно молчавшая, только презрительно на нее глянула.

— Тише! Тише! . . — раздался вдругъ голосъ сверху, и мальчикъ, лѣтъ четырнадцати, ловко спрыгнулъ съ высоты двухъ-саженнаго утеса въ средину

расходившихся женщинъ. — Тише! замолчите, ради Аллаха! . . Русскіе недалеко . . . Бѣда, если нападутъ на нашъ слѣдъ! . .

Всѣ притихли.

— Ты изъ аула? — спросило нѣсколько сдержанныхъ голосовъ.

— Да! тамъ все кончено . . .

— Какъ кончено?!

— Аулъ горитъ; послѣдніе завалы у старой башни взяты! Всѣ сакли заняты непріятелемъ.

— Аллахъ! Аллахъ! — завопили женщины.

— Ты не видалъ Казаръ-Бека? — спросила помертвѣвшая Пела.

— Я видѣлъ его въ началѣ битвы, у передовыхъ заваловъ, — отвѣчалъ пришедшій, — но послѣ не видалъ. Врядъ-ли онъ живъ! . .

— О Боже мой, Господи! — вскричала бѣдная женщина, забывшись, на своемъ родномъ, грузинскомъ, языкѣ.

— Татарка! . . Мусульманка! . . — злобно укорила ее, и тутъ не воздержавшись, Шуанета.

— Значитъ, намъ здѣсь не безопасно? Надо уходить дальше? — спрашивали у юноши.

— Аллахъ, Аллахъ! Да поможетъ намъ пророкъ! Да разсѣетъ онъ силы гяуровъ! Да окаменитъ Аллахъ руки ихъ! Да обезоружитъ, поразитъ смертью и отдастъ тѣла ихъ на съѣденіе нашимъ псамъ! — вопили, поспѣшно сбирая пожитки, сгоняя своихъ козъ и барановъ и навьючивая быковъ и ословъ, многія женщины. Другія-же молчали, блѣдныя, и невѣрными, дрожащими руками укладывали и унимали расходившихся дѣтей, устраивая младенцевъ на

своихъ спинахъ, а тѣхъ, что постарше, навьючивая въ хурджины[1]) и сапетки[2]) на спины ословъ и лошадей. Въ десять минутъ всѣ были готовы и передовые уже двинулись.

— Что же ты, Пела? — обратился къ ней Ибрагимъ-Ага. — Вставай-же, пойдемъ!

— Иди, отецъ, тебѣ найдутся провожатые, а я обѣщалась мужу дождаться его здѣсь и не уйду отсюда.

— Ты не уйдешь? Такъ зачѣмъ-же и куда итти мнѣ?! Я бы не ушелъ даже изъ аула, если бы не ты и не дѣти . . . Но что, если русскіе найдутъ насъ и разлучатъ тебя съ Казаромъ? . .

— Врядъ-ли могутъ они найти насъ въ этой трущобѣ. Гораздо хуже будетъ, если мы разойдемся съ нимъ: онъ не будетъ знать, гдѣ искать насъ, и подумаетъ, что насъ убили . . . Притомъ-же, надо дождаться Рагима.

— А гдѣ же онъ? Куда ушелъ? — спохватился дѣдъ.

— Вѣдь онъ сказалъ же, что пойдетъ искать Юсуфа.

— Юсуфа?! Нѣтъ, не затѣмъ пошелъ Рагимъ! Я знаю этого мальчика: это — вылитый отецъ его, чуть не съ восьми лѣтъ рвавшійся въ бой! Душа его не снесетъ ожиданія — онъ пойдетъ туда, къ брату, въ аулъ, и можетъ погибнуть . . . — отчаянно говорилъ старикъ. О! Пела, Пела, зачѣмъ ты пустила его? Зачѣмъ не сказала мнѣ, что онъ идетъ? . .

— Успокойся, отецъ! — сама взволнованная до глубины души, отвѣчала ему Пела. — Русскіе не

[1]) Хурджины — переметныя сумки.

[2]) Сапетки — глубокія корзинки изъ хвороста.

убиваютъ дѣтей. Рагимъ сейчасъ вернется. О! только далъ-бы Богъ, чтобы и братъ его вернулся къ намъ изъ боя! . .

— Да развѣ Рагимъ будетъ тамъ, гдѣ дѣти? Онъ ворвется въ самый бой, а пули не разбираютъ . . . О! Аллахъ всемогущій! Чуетъ душа моя горе великое...

Залпъ выстрѣловъ, раздавшійся невладекѣ, словно подтвердилъ опасеніе стараго татарина. Молоденькая женщина крѣпче прижала къ груди ребенка и невольно перекрестилась . . .

Хорошо, что некому было замѣтить и осудить ее за это. Всѣ ихъ спутники уже скрылись изъ виду, а Ибрагимъ-Ага былъ слишкомъ сокрушенъ своими мрачными опасеніями, чтобы обращать на нее вниманіе.

Пальба, прежде долетавшая издалека, теперь все приближалась, учащаясь. Бѣглецы сидѣли молча, забившись подъ скалу, и тяжкія мысли и страхъ за отсутствующихъ заставляли ихъ забывать личную опасность . . . Наконецъ стали слышны не только выстрѣлы, но топотъ лошадиныхъ копытъ, боевые крики и даже отдѣльные голоса. Молодая женщина, уложивъ спавшихъ дѣтей поглубже подъ нависшій берегъ, между камнями, вся блѣдная, съ крѣпко бьющимся сердцемъ, то оглядывалась на нихъ, крестясь и мысленно творя молитву на своемъ родномъ грузинскомъ языкѣ, то отходила ближе къ ручью, прислушиваясь къ шуму битвы, соображая и напрягая слухъ, чтобы различить среди этихъ залповъ и боевыхъ кликовъ родные голоса, — не братьевъ ея по вѣрѣ и рожденію, христіанъ, а избранныхъ ею вольною волею новыхъ, иновѣрныхъ друзей ея . . .

«Живъ-ли онъ? . . Живы-ли оба? Вернутся-ли невредимы, или ужъ нѣтъ ихъ обоихъ»? . . — мелькали у нея обрывки мыслей. А сердце ныло, — ныло такъ больно, такъ тоскливо, и вся она холодѣла отъ ужаса, вполнѣ сознавая, что возвращеніе ихъ, особенно мужа ея, было-бы чудомъ.

«О! сотвори это чудо, Боже милостивый»! — вдругъ вырвалась молитва изъ глубины ея наболѣвшей души. — «Святая Дѣва Аллавердинская! Святой Тетри-Георгій, сохраните его! Оградите моего Казара отъ вражьихъ пуль и вражьихъ мечей»! . .

Вдругъ она остановилась. Слова замерли на побѣлѣвшихъ губахъ, а передъ черными глазами, только-что блиставшими одушевленіемъ, пронеслось какое-то кровавое облако: — она вспомнила, что молила о чудѣ тѣхъ, отъ кого отступилась, отреклась . . .

«Нѣтъ, нѣтъ, не бывать этому»! . . — шептала она, припавъ лицомъ къ землѣ. — «Не для меня, измѣнницы, богоотступницы, свершится чудо Божье! Нѣтъ, нѣтъ, онъ убитъ! . . Они оба погибли, я знаю... Святая Дѣва, Бѣлый Георгій хранили не ихъ, а враговъ ихъ»! . .

Страшный громъ пальбы и топотъ конницы, пронесшійся вверху, надъ головами ихъ, прервалъ ея мысли и заставилъ броситься къ дѣтямъ. Старшій мальчикъ проснулся и припалъ къ ней, съ плачемъ спрашивая, что это за стукъ и зачѣмъ они здѣсь? . .

— Пойдемъ домой, Пепело! Я хочу домой! гдѣ Рагимъ? . . — со слезами кричалъ онъ.

— Тише, тише; молчи, Илико! Молчи, Бога ради! . . Это — враги! Это — русскіе! Если они услышать, они убьютъ тебя! Молчи!

— Неправда! — кричалъ ребенокъ. — Рагимъ говорилъ, что русскіе не придутъ сюда, что Казаръ ихъ убьетъ, прогонитъ!.. Пойдемъ домой, я хочу ѣсть...

— На тебѣ чурека... Вотъ лаваши, ѣшь, но только молчи, Илико! Молчи, ради Аллаха!

— Не бойся, дочь моя, — обратился къ ней Ибрагимъ-Ага, — его плачъ не можетъ быть услышанъ тамъ, въ разгарѣ битвы. Успокойся!

Пела сѣла возлѣ дѣтей и, взявъ на руки своего младенца, проснувшагося отъ крика старшаго мальчика, успокоила его грудью, а старшаго лавашами и ласками.

Али Коджанъ скоро задремалъ, положивъ голову ей на колѣни, а наша бывшая грузинка, быстроглазая дѣвочка, Пепела, — теперь магометанка и жена татарина Казаръ-Бека, исконнаго врага ея родины, — поникла надъ нимъ головою и горько задумалась. Ее мучила совѣсть за этого ребенка. Зачѣмъ она погубила его? Зачѣмъ она скрыла его происхожденіе и имя? Она отняла у него отечество, отца, родныхъ, друзей, богатство, и, ради своихъ личныхъ разсчетовъ, изъ страха, чтобы ее не потребовали обратно, не разлучили съ любимымъ ею человѣкомъ, оставила этого беззащитнаго, неразумнаго ребенка въ неволѣ!.. Правда, она его любила, она старалась замѣнить ему мать, и мужъ ея былъ къ нему добръ и ласковъ, но все это не прочно... Что, если ея Казара убьютъ?.. Старикъ-дѣдъ не переживетъ этой потери, и тогда она сама останется безпріютной, беззащитной, среди людей ей враждебныхъ и чуждыхъ, несмотря на всѣ ея старанія сродниться съ новымъ отечествомъ, увѣрить всѣхъ, что мать ея — плѣнная мусульманка,

уроженка этихъ горъ . . . Что она тогда сдѣлаетъ для бѣднаго маленькаго князя? Какъ защититъ и спасетъ его? . . Да, лучше было-бы ему попасть обратно въ плѣнъ . . .

«Еслибы знать, что Казара нѣтъ болѣе въ живыхъ, — мелькнуло въ умѣ ея, — я бы сама свела его къ русскимъ! Я бы сказала, кто онъ, и вернула бы его роднымъ!» При мысли о смерти мужа сердце бѣдной молодой женщины такъ сжалось, что она забыла все и зарыдала.

Старикъ, сидѣвшій все время безмолвно и неподвижно, опершись на свой посохъ, въ тяжкомъ раздумьи повернулся къ ней и сказалъ:

— Не плачь, дочь моя! Надѣйся на Бога, молись ему.

— Я не могу молиться: — отчаянно вскричала Пела. — У меня нѣтъ Бога! . . Я отреклась отъ своего, а вашего я не знаю!

— Аллахъ единъ! — торжественно произнесъ старикъ. — Луна и Крестъ одинаково его славятъ! Молись, не сомнѣваясь.

Но Пела продолжала горько рыдать и за рыданіями не слышала приближенія торопливыхъ шаговъ.

— Рагимъ! Ты ли это, сынъ мой? . . — вскричалъ Ибрагимъ-Ага. — Ты раненъ? Что съ тобой? . .

— Рагимъ! Милый мой! — вскричала, бросаясь къ нему, Пела. — Гдѣ ты былъ? Не видалъ ли ты Казара? Гдѣ онъ? Что съ нимъ? . .

Весь окровавленный, черный отъ порохового дыма, ободранный и блѣдный десятилѣтній ребенокъ-воинъ, еле держась на ногахъ, обратилъ не нее дикій, блуждающій взглядъ и прохрипѣлъ:

— Воды . . . Не могу . . .

Пела бросилась къ ручью и, зачерпнувъ воды, поднесла къ пересохшему рту Рагима. Дѣдъ въ это время ощупывалъ его, разыскивая рану. Мальчикъ горько покачалъ головою.

— Нѣтъ, я не раненъ, — сказалъ онъ, оторвавшись отъ воды. — Ужъ какъ я ни старался умереть, какъ ни бросался на нихъ съ кинжаломъ, — никто не хотѣлъ меня убить! Такъ только, царапины . . . да упалъ я, вотъ тутъ, со скалы, когда шелъ вамъ сказать . . .

— Какъ не раненъ?! Что ты? . . А это что? . . — старикъ указывалъ на лохмотья его рукава повыше локтя, всѣ залитые кровью.

— Это чужая! . . Это ихъ, — гяуровъ . . . Я тутъ добивалъ раненыхъ . . . Одинъ схватилъ меня, да обезсилѣлъ, умеръ, собака! . . Это его кровь.

— Сынъ мой, сынъ мой! . . Зачѣмъ ты ходилъ туда!

— Зачѣмъ?! Затѣмъ, чтобы любоваться, какъ славно умираютъ наши, затѣмъ, чтобы услышать предсмертныя слова брата, затѣмъ, чтобы отомстить за него, затѣмъ, чтобы самому умереть такъ, какъ умеръ Казаръ! . . .

Раздирающій душу вопль вырвался изъ груди молодой женщины . . . Она выронила изъ рукъ своего сына, сама падая на землю. Младенецъ громко вскрикнулъ; онъ головой упалъ на камень . . . Ибрагимъ Ага бросился къ правнуку, не обращая никакого вниманія на крикъ Пелы и Илико.

За то ихъ крики привлекли на несчастную семью вниманіе другихъ.

Ибрагимъ-Ага безъ стона опрокинулся навзничь, покрывъ собою младенца правнука.

— Кой тутъ чортъ голоситъ? — раздалось въ двухъ шагахъ отъ нихъ, и нѣсколько солдатъ, разгоряченныхъ боемъ, показались изъ-за выступа камня. Они было припали къ ручью испить, но, услышавъ крики, пошли на нихъ и, увидавъ чалму татарина и окровавленное лицо мальчика, не долго думали.

— Ахъ, вы чортовы дѣти! Окаянное племя, куда забрались! . . Ну, тутъ и оставайтесь.

Блеснувъ огонь грянуло тяжелое солдатское ружье и — Ибрагимъ-Ага безъ стона опрокинулся навзничь покрывъ собою младенца-правнука.

— Куда, дьяволенокъ! . .

— Не трожь, — мальчишка! Гляди: чего онъ подѣлаетъ?

— Чего подѣлаетъ? Смотри, какъ руку мнѣ кинжаломъ хватилъ!

— И то! Ахъ, ты пострѣлъ окаянный! . . Ну, такъ на-жь тебѣ сдачи! . .

И окровавленный солдатскій штыкъ вновь обагрился кровью Рагима . . .

Желаніе мальчика исполнилось.

— Ну, буде! . . Пойдемъ.

— Испить, да и къ мѣсту. Пора! Наши-то во ужъ гдѣ! — переговаривались хладнокровно солдаты.

— Постой! . . А это-то что-жь?

— Э! ну тебя! Не видишь, что-ли? Баба да ребенокъ . . . Оставь! Не трожь, — ну, ихъ! . .

И безчувственная Пела съ помертвѣвшимъ отъ ужаса Илико Чегодаевымъ и тремя трупами была оставлена на произволъ судьбы.

III.

Отъ Тифлиса до Ганжи.

ъ тѣ времена, т. е. добрыхъ десятковъ семь, восемь лѣтъ тому назадъ, мало было безопасныхъ дорогъ въ Закавказьѣ. Чуть не подъ самымъ Тифлисомъ разъѣзжали грабители, разбойничали такъ называемая мирная татарва, которая и теперь не прочь при случаѣ *пошалить*. Станціи же за три-четыре къ Елизаветполю, или къ Телаву, проѣзжихъ и почту всегда сопровождалъ сильный конвой казаковъ и чапаровъ. Конвой тогда былъ нуженъ не изъ боязни простыхъ воровъ, а настоящихъ враговъ нашихъ, лезгинъ да татаръ, не только грабившихъ, но и уво-

дившихъ въ плѣнъ попадавшихся въ ихъ лапы путешественниковъ. Со станціи, гдѣ была маломальская опасность, смотрители ни за что не выпускали проѣзжающихъ до восхода и послѣ заката солнца; поэтому путь, который теперь беретъ дня три, четыре времени, въ сороковыхъ годахъ отнималъ, по крайней мѣрѣ, недѣлю.

Алексѣй Ильичъ Снорьинъ, прельстившись, какъ и многіе русскіе чиновники, большими льготами, предоставленными въ то время служащимъ въ Закавказьи, долженъ былъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Тифлисъ, переѣхать на жительство въ Шемаху, гдѣ получилъ очень хорошее мѣсто. Тогда этотъ городъ, несмотря на то, что его почти ежегодно разрушаютъ землетрясенія, былъ главнымъ въ губерніи, а Баку, нынѣшній губернскій городъ, считался уѣзднымъ.

Снорьинъ везъ съ собою всю семью: жену, дочь Любу, — дѣвочку болѣзненную, едва пережившую раннее дѣтство и вслѣдствіе этого казавшуюся гораздо моложе своихъ тринадцати лѣтъ, — и сына — здоровеннаго мальчугана, года на три моложе сестры, но цѣлою головою выше ея. Николай былъ весь въ отца, тогда какъ Любочка походила и лицомъ, и характеромъ на мать, Людмилу Васильевну Снорьину. Съ ними ѣхала также, но не на постоянное житье, а только погостить, двоюродная сестра Снорьиной, Ида Павлона Зарицкая, — веселая, богатая дѣвушка, ужъ не первой молодости, умная и оригинальная въ высшей степени. Людмила Васильевна любила ее всей душой, а Зарицкая выражала ей свою привязанность тѣмъ, что только отъ нея одной во всемъ свѣтѣ терпѣла противорѣчія и даже, иногда, слѣдовала ея совѣтамъ.

Ида Павловна взросла въ деревенской глуши одна съ брюзгливымъ старикомъ отцомъ, раздраженнымъ противъ цѣлаго свѣта неудачами по службѣ и болѣзнью, съ пятидесятаго года жизни приковавшей его къ креслу. Грустное, тяжелое дѣтство и молодость ея протянулись такъ вяло и однообразно, что ей нечѣмъ было и помянуть ихъ. Отецъ любилъ ее по своему и заботился о ея воспитаніи; въ гувернанткахъ и учителяхъ недостатка не было. Былъ только сильный недостатокъ въ любви и благотворномъ вліяніи материнской или хотя бы дружеской привязанности. Красивая, богатая наслѣдница росла одиноко и привыкла со словъ отца, не ждать ничего хорошаго отъ людей, считать ихъ лживыми эгоистами, врагами, всегда готовыми на ложь и обманъ ради своихъ корыстныхъ цѣлей и расчетовъ. Еслибы она не была одарена крѣпкимъ здоровьемъ и добрымъ веселымъ характеромъ, изъ нея могла бы выйти брюзга, злая и желчная старая дѣва, но, при здоровьи и врожденной доброжелательности, изъ нея вышелъ престранный человѣкъ.

Избавившись, когда ей было уже подъ тридцать лѣтъ, отъ отцовскаго ига, выбравшись въ первый разъ въ жизни изъ деревни, она такъ обрадовалась свободѣ, возможности жить, какъ угодно, ѣхать, куда вздумается, что лѣтъ пять провела какъ въ чаду, въ безпрестанныхъ переѣздахъ и непрерывныхъ удовольствіяхъ. Для нея свѣтъ былъ полонъ пріятныхъ сюрпризовъ: она такъ была предубѣждена отцомъ противъ людей, такъ увѣрена въ злобѣ и коварствѣ людскомъ, что малѣйшее проявленіе добра и правды въ ближнихъ удивляло ее и искренно восхищало. Сама же она то

и дѣло, въ началѣ, боролась съ собою, воздерживая себя отъ излишней чувствительности, — сентиментальности, какъ она безъ разбору называла всякое проявленіе живаго чувства. Впослѣдствіи ей показалось, что для нея будетъ спокойнѣе не бороться, а только скрывать свои чувства и въ особенности свои добрыя дѣла. О своихъ добрыхъ дѣлахъ она положительно не могла слышать и выходила изъ себя при малѣйшемъ намекѣ на ея доброту. На словахъ, Ида Павловна была злая и даже ехидная женщина: на дѣлѣ же являлась самой кроткой, справедливой и довѣрчивой особой. Безпечная доброта часто даже вводила ее въ просакъ, но Зарицкая этимъ не смущалась и тотчасъ же опять была готова попасться на удочку; она только очень сердилась если ей объ этомъ напоминали. Со Снорьиными она познакомилась нечаянно, уже послѣ смерти отца, и, къ удивленію своему, такъ сошлась съ кузиной и такъ полюбила дѣтей ея, что вскорѣ пріѣхала вслѣдъ за ними на Кавказъ. По истинѣ, путешествія были ея страстью. Въ послѣднія пять лѣтъ она объѣхала всю Европу, захватила кусочекъ Африки, теперь расчитывала познакомиться съ Азіей, а въ будущемъ готовилась непремѣнно побывать и въ Новомъ свѣтѣ. Племянникъ ея, Коля, умолялъ Иду Павловну дождаться пока онъ выростетъ, и не иначе какъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхать въ Америку, чего она ему никакъ не хотѣла обѣщать, увѣряя, что пока изъ него выйдетъ путешественникъ, пригодный для переѣзда океана, она ужъ раза два успѣетъ совершить кругосвѣтное плаваніе.

Во всю дорогу Зарицкая приходила въ восторгъ отъ всего окружающаго. Ее восхищали — дичь и

глушь этихъ мало заселенныхъ равнинъ и горъ, и ловкая джигитовка ихъ чапаровъ, и пестрыя орды кочевниковъ, съ ихъ высокими двухколесными, скрипучими арбами, съ навьюченными коровами и быками, перевозившими на спинахъ цѣлыя семьи татарчатъ не хуже любого коня. Она то и дѣло высовывалась изъ экипажа и ахала и кричала, гораздо больше дѣтей. Послѣднихъ можно было укротить, тогда какъ на нее не существовало «ни грозы, ни узды», по замѣчанію Алексѣя Ильича.

— Какъ это вамъ не надоѣстъ? Я вамъ удивляюсь, право, — замѣтила ей на второй день пути Снорьина, которая все время лежала въ глубинѣ кареты, ни мало не трогаясь восторгами своей безпокойной сосѣдки.

— А я вамъ удивляюсь, — отвѣчала ей кузина, — какъ можно не обращать вниманія на такія оригинальныя вещи! Ну, посмотрите, посмотрите на эту вереницу верблюдовъ и черныя фигуры ихъ погонщиковъ на этомъ полуразрушенномъ мосту! . . Вѣдь это прелесть! Это напоминаетъ библейскія времена, картины изъ ветхозавѣтной жизни.

— Да, — замѣтилъ Снорьинъ, — жаль только, что эта рыжебородая, звѣрская рожа, что торчитъ на горбу передоваго верблюда, далеко не напоминаетъ, патріарха . . .

— Что это за рѣка? — спросила Люба.

— Это рѣка Храмъ, и на ней древній Красный мостъ, — замѣчательный мостъ: его постройку приписываютъ Александру Македонскому, за три вѣка до Рождества Христова, — отвѣчалъ Снорьинъ.

— Ну, можетъ ли быть? Развѣ можетъ мостъ прослужить болѣе двухъ тысячъ лѣтъ? — спросила

Людмила Висильевна, приподымаясь, чтобы тоже посмотрѣть на древнія арки.

— Я и самъ думаю, что это вздоръ, — отвѣчалъ ей мужъ. — Здѣсь, въ краѣ, принято постройкой всѣхъ древнихъ мостовъ награждать Александра

Македонскаго, а возведеніе всѣхъ замковъ и старыхъ башень приписывать царицѣ Тамарѣ. Одинъ знакомый, съ которымъ я въ первый разъ ѣхалъ въ Шемаху, большой знатокъ древности, увѣрялъ меня, что Красный мостъ построенъ въ исходѣ XVI столѣтія грузинскимъ царемъ Ростомомъ. Это вѣрнѣе . . . Хотите остановиться и осмотрѣть его? Подъ сводами его, внутри, цѣлыя комнаты.

— Ахъ! пойдемте, пойдемте, пожалуйста! — сейчасъ же согласилась Зарицкая. — А вы, Людмила?

— Нѣтъ, ужъ я лучше останусь — лѣниво улыбаясь, отвѣтила Снорьина, располагаясь поудобнѣе на подушкахъ. — Я васъ подожду, а вы мнѣ разскажете все потомъ . . . Только скорѣй, пожалуйста, а то мы еще опоздаемъ на станцію и на насъ нападутъ изъ-за вашего Краснаго моста . . .

— У — у трусиха какая! . . Вотъ я — такъ ужъ нисколько не боюсь вашихъ татаръ, да горцевъ! . . И на мысль мнѣ опасность нейдетъ, — говорила Ида Павловна, спускаясь подъ арку моста.

— Вы — герой, что и говорить, — замѣтилъ Алексѣй Ильичъ.

— Да, тетя такая храбрая . . . изъ пистолета стрѣляетъ, — сказала Люба.

— Большая храбрость! — вскричалъ Николай. — На Кавказѣ нельзя жить и не выучиться стрѣлять! Вотъ, папа обѣщалъ мнѣ купить ружье, такъ тогда ты посмотришь, какъ я буду стрѣлять . . .

Наши путешественники, однако, не долго осматривали вѣковые своды и арки моста. Оказалось, что они отданы во владѣніе пастуховъ, которые, безъ всякаго уваженія къ памяти великаго завоевателя, строителя ихъ, загоняли туда барановъ и буйволовъ.

На слѣдующій день путешественники пріѣхали на Шамхорскую станцію еще далеко до захода солнца, но ѣхать дальше — нечего было и думать. Чтобы убить время, отправились разыскивать знаменитый Шамхорскій столбъ и развалины крѣпости. Но, увы! ни того, ни другого не оказалось почти и слѣда. Одна груда камней свидѣтельствовала о высочайшемъ минаретѣ, когда-то безмолвномъ свидѣтелѣ многихъ славныхъ подвиговъ нашихъ кавказцевъ въ войнѣ съ

персіянами. Тутъ, по близости, князь Мадатовъ съ небольшимъ отрядомъ разбилъ и обратилъ въ бѣгство огромную персидскую армію съ Мухамедомъ Мирзой во главѣ. Тутъ маіоръ Карягинъ, съ горстью драгунъ и гренадеръ, отстрѣлялся отъ въ десять разъ превосходившаго ихъ силы отряда. Персіяне напали на транспортъ, который они провожали. Карягинъ выстроилъ баррикаду изъ арбъ подъ самымъ Шамхорскимъ столбомъ, и всѣ единодушно рѣшили защищаться до послѣдняго человѣка. «Умремъ, но не сдадимся»! — рѣшили храбрецы въ отвѣтъ на предложенія врага сдаться, и впродолженіи нѣсколькихъ часовъ отстрѣливались отъ персіянъ, которыхъ было до двухъ тысячъ.

— Я думаю, здѣсь нѣтъ клочка земли, не обагреннаго кровью русскихъ! — вскричала Ида Павловна выслушавъ этотъ разсказъ отъ старика станціоннаго смотрителя, когда-то дѣйствующаго лица въ этой кровавой трагедіи.

— Эхъ, сударыня! — отвѣчалъ старый воинъ, прихлебывая чай, которымъ его подчивали Снорьины. — Не токма здѣсь, во всей странѣ-то этой азіатской, всѣ горы, лѣса и поля напоены христіанской кровью. Это еще что! — подъ ружьемъ, въ бою-то умирать легче, чѣмъ ежели отъ кинжала ихъ воровского, гдѣ ни есть въ балкѣ сгибнуть ни за что, ни про что, какъ сплошь да рядомъ въ этихъ нашихъ мѣстахъ христіанскія души гибнутъ . . .

— А развѣ у васъ частые разбои? — спросила Людмила Васильевна.

— Часто таки случаются, сударыня. То почту ограбятъ, то на товарный обозъ нападутъ, перерѣ-

жутъ всѣхъ. Добро-то заберутъ, а тѣла-то христіанскія побросаютъ на съѣденіе волкамъ . . . А то бываетъ, что людей и въ плѣнъ, въ горы, утащатъ! . . Да вотъ, нонѣшней зимой полковника одного семейство забрали . . . Отца-то на мѣстѣ уложили, ямщиковъ обоихъ, а барыню-то съ дочкой и съ сынкомъ небольшимъ на лошадей перебросили да въ горы . . .

— Господи, твоя воля! — въ ужасѣ вскричала Снорьина. — Такъ неужли-жъ они такъ и погибли? Неужли ихъ не вернули? . .

— Не могу вамъ точно доложить. Слышно было, что сродственники хлопочутъ, но привелъ ли Господь выручить ихъ, — не знаю. Врядъ ли! Къ этимъ кровопійцамъ и подходу нѣтъ . . . Трудно разыскать! . .

— Ухъ! еслибы я былъ на мѣстѣ этого мальчика! — стиснувъ зубы промолвилъ Николай.

Мать посмотрѣла на дѣтей и пожелала въ тайнѣ, чтобы станціонный смотритель прекратилъ свои разсказы.

— Но, Боже мой, гдѣ не случается несчастій! — понявъ ея мысль, замѣтилъ Алексѣй Ильичъ. — Конечно, надо быть осторожными . . . не запаздывать ... Вѣдь, я думаю, такія нападенія бываютъ только ночью? Днемъ, разумѣется, не опасно? — обратился онъ внушительно къ смотрителю, хладнокровно допивавшему стаканъ.

Но тотъ, не понявъ, чего отъ него хотятъ, отвѣчалъ:

— Ну нѣтъ, ваше-скородье. Оно, конечно, что днемъ они не такъ смѣлы; одначе бываютъ . . . Вотъ и недавно еще . . .

— Но что же дѣлаютъ конвойные? — прервала его Зарицкая. — Зачѣмъ же ѣздятъ безъ конвоя?

— Помилуйте! Завсегда казаковъ конвойныхъ отпущаемъ! — возразилъ старикъ. — Только что малый ихъ конплектъ, казаковъ-то. А съ чапаровъ этихъ какой же прокъ? Да они и сами-то разбойники . . .

— Какъ?! Вѣдь это земская стража?!

— Эхъ, сударыня! Ну какая это стража? Вѣдь та же татарва проклятая, анаѳемы семисоборные! . . отвѣчалъ старый воинъ. — Разъ, что нѣтъ имъ резону своихъ братьевъ бить за враговъ христіанъ, а куда сподручнѣе вмѣстѣ ограбить и добромъ подѣлиться; а другое, что ежели который изъ нихъ самъ и не злодѣй, такъ почто же имъ, какъ бы ни было, свои головы класть за чужихъ людей? . . Онъ видъ-то сдѣлаетъ, что защищаетъ — загалдитъ по своему, пожалуй стрѣльнетъ разъ-другой на воздухъ, да и былъ таковъ! . . А не то сдастся, связать себя дастъ, да и лежитъ, пока тѣ, антихристы, свое дѣло справятъ . . . А какъ все стихнетъ, онъ и учнетъ кричать, на помощь сзывать, какъ добрый! . . Ему что! . . Нѣтъ, сударыня, этотъ конвой чапарскій — одинъ отводъ. Казачки наши, — вотъ это другое дѣло! Ужъ онъ постоитъ за своихъ, ужъ не дастъ въ обиду, то-ись до послѣдней капли крови долгъ присяги исполнитъ. Во-какъ! . .

Николай даже со стула спрыгнулъ отъ восторга. Каріе глаза его такъ и блистали удовольствіемъ и отвагой.

— Вы намъ завтра казаковъ дайте! — вскричалъ онъ. — Мы съ ними, чуть-что, — зададимъ имъ перцу! . . *анаѳемамъ* этимъ! . .

Это слово и вся воинственная, вызывающая поза мальчика заставили всѣхъ расхохотаться.

— Ты ужъ поймалъ словцо? . . смѣясь сказалъ отецъ.

— Анаѳемы этакіе семисоборные!! . еще съ большимъ азартомъ повторилъ Коля, топая и оглядывая всѣхъ самымъ веселымъ взглядомъ.

— Ну, что это, Николя? — укоризненно замѣтила мать.

— Понравилось ему ваше слово, — обратилась Ида Павловна къ смотрителю, — теперь заладитъ такъ татаръ называть.

— А это самое имъ подходящее, сударыня, — смѣялся старый солдатъ: — потому они, вѣдь, точно, на семи вселенскихъ соборахъ клятые . . . Азія-то эта самая! . .

Людмила Васильевна, улыбаясь, предложила по-французски не возражать старику, а по-русски замѣтила, что дѣтямъ пора спать и что она надѣется, что смотритель дастъ имъ завтра хорошій конвой, который ихъ благополучно доставитъ въ Елизаветполь.

— Постараюсь, сударыня, съ моимъ удовольствіемъ . . . Богъ милостивъ, доѣдете благополучно . . . Благодаримъ за ласку, сударыня.

И, крякнувъ, старый вояка вышелъ изъ комнаты. За то молодой воинъ началъ неистово шалить и кричать, ратуя съ невидимыми врагами, и черезъ девять на десятое слово всѣхъ и вся честя анаѳемами.

Очень неспокойно продолжала Людмила Васильевна свой путь на другой день; да нельзя сказать, чтобы мужъ ея по временамъ тревожно не выгляды-

валъ изъ экипажа. Что касается до Любы, то глаза ея болѣзненно расширялись и сердце крѣпко билось при каждомъ появленіи какихъ нибудь встрѣчныхъ всадниковъ или даже пѣшеходовъ, а на двухъ чапаровъ-татаръ она смотрѣла рѣшительно подозрительно и враждебно. Николай тоже хмурилъ сердито брови,

глядя на ихъ смуглыя суровыя лица. За то лицо его мгновенно прояснилось и онъ дружески улыбался, какъ только взглядывалъ на двухъ донскихъ казаковъ, понуромъ ѣхавшихъ по обѣимъ сторонамъ кареты. Сравнительно съ чапарами, они сидѣли на своихъ высокихъ лошадяхъ какъ-то неловко: одинъ — сгорбившись своимъ худымъ болѣзненнымъ тѣломъ, раскачиваясь при каждомъ шагѣ коня; а другой — какъ-то на бокъ, держа свою длинную пику на перевѣсѣ поперекъ сѣдла. Видъ у нихъ былъ далеко не молодцоватый, по замѣчанію Снорьина.

— Да, — недовольнымъ голосомъ возразилъ Коля, — а ты бы спросилъ его, сколько онъ лезгинъ и черкесовъ этой своей пикой на тотъ свѣтъ отправилъ . . . Онъ весь израненъ! Въ плѣну даже былъ, и убѣжалъ отъ нихъ . . . Недѣлю, говоритъ, цѣлую по лѣсамъ плуталъ, съ голоду чуть не умеръ, пока не набрель на своихъ.

— Откуда ты все это знаешь? Когда успѣлъ разузнать? — въ нѣсколько голосовъ спросили его удивленные родные.

— Когда! — тѣмъ же недовольнымъ тономъ, словно обиженный, продолжалъ мальчикъ. — А я какъ рано всталъ! Пока вы чай пили, а я на конюшнѣ, у ихъ пикета, съ ними разговаривалъ . . . Они мнѣ разсказывали . . . Вонъ у него, — и онъ указалъ рукою на сгорбленнаго донца, — рана въ грудь, на вылетъ . . . Полгода, бѣдный, въ лазаретѣ пролежалъ. И теперь все кашляетъ . . . Семенъ! — улыбаясь, крикнулъ онъ казака, обмѣнявшагося съ нимъ взглядомъ.

— Что угодно, баринъ?

— Ты нездоровъ, братецъ, кашляешь? — спросилъ Снорьинъ.

— Лихорадка замаяла, ваше высокородіе . . . Мѣста здѣсь такія, что ли? Совсѣмъ измучился: каждый день трясетъ.

— Да ты бы просился въ госпиталь.

— И-и сударь! Надоѣлъ мнѣ, пуще болѣсти, гошпиталь-то этотъ! Вылежалъ я въ ёмъ! Знаю! . . Ну его къ Богу! . . Все одно не вылечусь . . . а на легкомъ воздухѣ легче помирать.

— Ну, ужъ и помирать! Что ты, Богъ съ тобой! Человѣкъ ты не старый, еще оправишься.

— Давай Богъ! . . Я бы точно-что оправился, кабы мнѣ къ своимъ, на Аксай, вернуться . . . Тамъ воздухъ совсѣмъ другой, пользительный . . . — отвѣчалъ вздохнувъ казакъ, мысленно перенесясь въ свою станицу, къ хозяйкѣ и ребетенкамъ, которыхъ пять лѣтъ не видалъ.

— Ты раненъ въ грудь, зачѣмъ же не просишься на родину по болѣзни?

— Какъ, ваше-скородье, проситься? Не пустятъ ранѣ срока . . . Да и противу товарищей зазорно: не я одинъ раненъ-то . . . Мало-ль до прежде меня ранены, а не жалятся . . . Ужъ надо до срока всѣмъ терпѣть. На то она и служба наша . . .

— А когда же срокъ твоей службы? — спросилъ Коля.

— А вотъ, дастъ Богъ, дотяну до вешняго Николы, баринъ, такъ и пойду въ чистую, къ себѣ на Донъ. Помоложе насъ сюда придутъ на смѣну, а мы отдохнемъ, пока-что . . .

— Какъ пока-что? . . Вѣдь ты же службу свою кончишь?

— Кончить-то кончу, баринъ, да вѣдь у насъ, казаковъ, служба не та, что у солдата. Мы-вотъ, свой срокъ кавказской службы отбудемъ, а въ случаѣ какой другой войны, мы всѣ должны подыматься, какъ одинъ человѣкъ . . .

— Ну, въ случаѣ большой войны, Россія вся какъ одинъ человѣкъ поднимется! — сказалъ Снорьинъ.

— Какъ въ двѣнадцатомъ году, папа? — вскричалъ, уже приходя въ азартъ, Николай. — Ахъ, ужъ хоть бы мнѣ къ тому времени вырости!

— Не дай, Господи, такой войны! — сказала мать, кладя ему на плечо руку.

— Пока до войны такъ ты мнѣ всѣ ноги отдавишь, Колька! — сдержалъ его восторги Алексѣй Ильичъ. — Чего ты егозишь? Садись!

Ямщикъ поѣхалъ скорѣе по гладкой дорогѣ, и разговоръ прекратился.

Елизаветполь (въ то время еще не губернскій, а уѣздный городъ Тифлисской губерніи) стоитъ на очень скучномъ, плоскомъ мѣстѣ, среди безконечныхъ равнинъ. Его нѣсколько скрашиваютъ только сады и виноградники, въ которыхъ совсѣмъ скрывается городъ. Елизаветпольскій виноградъ славится на весь край; но во время проѣзда Снорьиныхъ его еще не было. Зато базарная площадь, куда они отправились, чтобы осмотрѣть мечеть и великолѣпные чинары, была завалена чудесными черешнями — бѣлыми, розовыми и черными, по копейкѣ за фунтъ.

— Что это за прелесть! — восхищалась Зарицкая. — Что, если бы эти черешни перевести въ Петербургъ? Ихъ бы тамъ на вѣсъ золота покупали?

— Нѣтъ, ужъ если что переносить въ Россію, такъ это эти деревья, Ида Павловна, — сказалъ Снорьинъ. — Посмотрите, какая роскошь!

Большая четырехугольная площадь, заваленная грудами ягодъ, абрикосовъ алычи[1]) и другихъ раннихъ фруктовъ и овощей, на которые было гораздо болѣе продавцовъ, чѣмъ покупателей, была окружена исполинскими деревьями, изъ которыхъ многія были до двухъ сажень въ обхватѣ. Могучія вѣтви этихъ столѣтнихъ чинаръ давали тѣнь и прохладу всей

[1]) Круглая слива.

площади. Тутъ же, на вымощенномъ дворѣ главной мечети, Снорьины увидали дерево еще великолѣпнѣе и больше. Это было дерево очень рѣдкое и считающееся у мусульманъ священнымъ, потому что растетъ въ Меккѣ надъ гробомъ Магомета. Оно осѣняло пространный бассейнъ воды, вѣчно окруженный правовѣрными, совершающими омовенія. Мечеть очень большая и красивая. Особенно всѣмъ понравился высокій минаретъ, нѣчто въ родѣ нашей колокольни, весь выложенный пестрымъ узоромъ, равноцвѣтными изразцами. Кругомъ двора шли постройки все больше открытыя мусульманскія медресэ, — школы, — въ которыхъ, поджавши ноги на полу, сидѣли, въ виду у всѣхъ прохожихъ, по нѣскольку бритыхъ, оборванныхъ мальчишекъ, съ бородатымъ, важнымъ муллою-учителемъ въ чалмѣ и, нараспѣвъ, качаясь всѣмъ тѣломъ, твердили фразы изъ корана. Снорьинымъ показывали тутъ же комнату, которую занималъ въ 1804 году, князь Циціяновъ, главнокомандующій русскими войсками, когда Ганжинская крѣпость была взята штурмомъ. Персіяне называли Елизаветполь Ганжою; многіе туземцы и теперь называютъ его не иначе.

Въ крѣпости, уже тогда приходившей въ разрушеніе, что и не мудрено, такъ какъ она почти вся строена не изъ камней, а изъ одной глины, — хорошо сохранилась только та башня, въ которой былъ убитъ послѣдній ганжинскій ханъ, Джаватъ, и сынъ его, Гуссейнъ Кули-ага. Тутъ же показывали чудный чинаръ или, лучше сказать, пять чинаровъ, разросшихся, на подобіе гигантскаго букета, изъ одного корня. Ихъ такъ и зовутъ «пять братьевъ». Въ вѣко-

выхъ стволахъ еще видны были нарѣзы, въ которыхъ лѣтомъ утверждалась кровать насчастнаго Джаватъ-хана, любившаго отдыхать въ знойные дни подъ непроницаемой тѣнью «пяти братьевъ».

Очень усталые возвратились въ этотъ вечеръ наши путники въ единственную елизаветпольскую гостинницу, скромно называвшуюся «Нѣмецкимъ трактиромъ». Толстая, больная нѣмка, съ подвязанной щекой, подавая имъ ужинъ, все жаловалась на дурной климатъ, на невыносимые жары, лихорадку и прегадкую мѣстную болѣзнь, называемую *годовикомъ*, потому что она продолжается цѣлый годъ и оставляетъ на всю жизнь неизгладимый шрамъ.

— У насъ, въ Эленендорфской колоніи, его нѣтъ, — говорила нѣмка, — хотя она и недалеко отсюда, но тамъ прохладнѣе, и вода всегда чистая. А тутъ — бѣда жить! . . Нехорошее мѣсто! Только хорошаго и есть, что фрукты.

— Развѣ одни фрукты! А вотъ эти птички? — возразила ей Зарицкая, съ большимъ аппетитомъ кушая жаренаго турача.

— Дичи здѣсь пропасть . . . Фазановъ, курочекъ, турачей, даже джейрановъ и кабановъ — цѣлыя стада. Мы увидимъ множество дичи по дорогѣ, — отвѣчалъ ей Снорьинъ.

— Да мы уже видѣли, папа! — прервала Люба. — Помните, мама, на станціи у рѣки сидѣло такое множество птицъ . . . большихъ такихъ, . . . куропатки, кажется? . .

— Нѣтъ, тетерева! — поправила ее тетка.

— О—о—о! закричалъ порицательно Коля, даже привскочивъ отъ избытка негодованія. — Куропатки!

Тетерева! . . Тоже! . . То — маленькія птицы, а это громадныя дрофы, съ добрыхъ индюшекъ величиною.

— Не горячись, пожалуйста, — остановила его мать.

— Чего-же Любка вздоръ городитъ!

— Ты совсѣмъ сталъ уличнымъ мальчишкой-грубіяномъ, — строго обратился къ нему Алексѣй Ильичъ. — Здѣсь есть и тетерева, и куропатки.

— А то были дрофы, я навѣрное знаю.

— O, liebes Fräulein! — остановила старая нѣмка Любочку, наливавшую себѣ стаканъ воды, — прошу васъ не пейте воды безъ вина, а то еще наживете этотъ скверный годовикъ.

— Да что за годовикъ такой?

Нѣмка открыла немного платокъ, которымъ у нея была завязана щека, и показала едва подживший большой круглый шрамъ.

— Вотъ скоро годъ я этимъ мучаюсь, — сказала она. — Это отъ воды.

— Бѣдная женщина! Неужели это общая болѣзнь?

— Почти всегда она нападаетъ на пріѣзжихъ.

— Ахъ! такъ надобно какъ можно скорѣе уѣхать. Не пейте воды, ради Бога, дѣти!

— Я думаю, что эта почтенная швабка ошибается, — сказалъ Снорьинъ. — Если это и дѣлается отъ воды, то непремѣнно отъ стоялой, нечистой, и вслѣдствіе мытья, а никакъ не потому, что ее пьютъ. Я гдѣ-то читалъ, — въ тифлисской новой газетѣ, кажется, — что годовикъ дѣлается отъ неопрятности. Это какія-то мошки или крошечныя насѣкомыя кладутъ свои яички въ накожныя поры, и вслѣдствіе

этого дѣлается рана. Чаще всего болѣютъ годовикомъ дѣти бѣдняковъ, которыхъ рѣдко умываютъ свѣжей водою . . .

Снорьинъ ушелъ на ночлегъ въ карету вмѣстѣ съ сыномъ, а дамы и Люба улеглись въ комнатѣ. Нѣмка хотѣла-было постлать для нихъ цѣлыя горы своихъ взбитыхъ перинъ, но онѣ отказались. Зарицкая устроилась на диванѣ, а Людмила Васильевна легла съ Любой на кровати, на своемъ дорожномъ тюфячкѣ.

Ида Павловна вытащила изъ своего дорожнаго мѣшка кучу разныхъ вещей, безъ которыхъ, какъ она увѣряла, никакъ не могла бы заснуть, и, между прочимъ, французскій романъ. У нея была привычка читать на сонъ грядущій, пока не слипались глаза и книга не вываливалась изъ рукъ: тогда только она тушила свѣчу и засыпала.

Но раньше, чѣмъ это случилось, Люба, глядя на нее въ полглаза, шепнула, улыбаясь, на ухо матери:

— Мама, я сегодня видѣла, какъ тетя казаку Семену подарила цѣлыхъ десять рублей. Онъ такъ удивился: снялъ шапку и во всѣ глаза смотритъ. А она ему говоритъ: «возьми себѣ, спрячь! это тебѣ на дорогу домой пригодится!» — а сама покраснѣла, такъ покраснѣла, точно что-нибудь дурное сдѣлала, и поскорѣе отъ него ушла и, какъ ни въ чемъ ни бывало, притворилась! Хитрая! . . А казакъ такъ удивился и обрадовался! Даже перекрестился. Право! . .

— О чемъ это вы шепчетесь? — громко спросила Ида Павловна.

— Такъ, Люба вздоръ болтаетъ, — отвѣчала Людмила Васильевна и шепнула на ухо дочери:

— Не надо говорить объ этомъ. Ты знаешь, что тетя не любитъ.

— Я знаю, мамочка, я не буду . . . А какъ ты думаешь, папа ему что-нибудь далъ?

— Конечно, далъ, душа моя, но немного. Мы не богаты и не можемъ исполнять всѣхъ своихъ желаній.

— Счастливая тетя! — вздохнула Люба.

— Да, моя милая . . . Ну, впрочемъ, не разговаривай: спать пора! Спокойной ночи, дитя мое.

Раздался поцѣлуй, и мать, и дочь заснули обнявшись . . .

IV.

Страшный случай.

— Ай! папа, неужели мы переѣдемъ рѣку на этой штукѣ? Вѣдь это очень страшно! — говорила на другой день Любочка, выходя изъ экипажа на Мингичаурской переправѣ.

— Какая здѣсь Кура широкая! — замѣтила Людмила Васильевна. — Совсѣмъ не похожа на тифлисскую, быструю, шумливую рѣчку.

— Неужели это Кура, та самая Кура, что въ Тифлисѣ такая бурная и узенькая? — удивлялись дѣти.

— Оттого-то она и бурлитъ, что ее стѣсняютъ скалы, а тутъ она разлилась привольно, — поясняла имъ Зарицкая:

— Ну, нѣтъ, тетушка! — пошутилъ Снорьинъ, сводя жену къ парому, вслѣдъ за спустившейся на него каретой. — Плохо изволите знать географію здѣшняго края . . . Сколько притоковъ Кура приняла до сихъ поръ? Ужъ такихъ три рѣчки, какъ Храмъ, Алгетка да Алазань, чего стоятъ? Понятно, что она здѣсь шире, потому что воды въ ней вдвое больше. Съ этого мѣста ее теперь замышляютъ ужъ обратить въ судоходную рѣку.

— Что же, здѣсь очень можетъ пройти небольшой пароходъ.

— Объ этомъ очень хлопочутъ, но врядъ ли это возможно. Она не вездѣ течетъ такъ плавно, и на одну очистку ея дна потребовались бы огромныя суммы. Намъ и безъ того Закавказскій край слишкомъ много стоитъ, ничего не принося. Вотъ какъ, дастъ Богъ, кончится эта разорительная война да Кавказъ и Грузія оперятся, сами станутъ на ноги, пустивъ въ ходъ свои собственныя богатыя средства и силы, тогда другое дѣло: тогда можно будетъ и о пароходствѣ, и о желѣзныхъ дорогахъ подумать.

— Боже мой! вскричала Ида Павловна: — о желѣзныхъ дорогахъ, когда ихъ и въ Россіи-то еще нѣтъ[1])!

— А что же такое? Можетъ, мы и матушку Русь опередимъ? — улыбаясь, предположилъ Алексѣй Ильичъ — Ну, а пока не угодно ли вамъ довольствоваться этимъ паромомъ-душегубкой!

Дѣйствительно, паромъ въ Мингечаурѣ былъ очень неказистъ въ тѣ далекіе годы. Это былъ просто плотъ, утвержденный на трехъ лодкахъ вродѣ бабьихъ корытъ, въ которыхъ сидѣли гребцы и перевозили проѣзжихъ по канату, гребя какими-то лопатами вмѣсто веселъ. Тяжелые экипажи переправлялись даже съ опасностью, такъ что Снорьины переждали на берегу, пока перевозили ихъ карету, а потомъ уже отправились и сами.

За Курой дорога пошла по опушкѣ очень разнообразнаго, густого лѣса, часто служившаго при-

[1]) Разсказъ, какъ помнять читатели, относится къ началу сороковыхъ годовъ.

тономъ разбойничьимъ шайкамъ. Но Богъ хранилъ нащихъ путешественниковъ, и на другой день они пріѣхали въ Ахъ-су такъ рано, что рѣшились, не смотря на отговариваніе станціоннаго смотрителя, ѣхать дальше.

Ахъ-су — очень большая деревня, почти городъ, богатый водою и фруктовыми садами, у подошвы высокаго хребта живописныхъ горъ. Теперь черезъ перевалъ идетъ прекрасная шоссейная дорога, но тогда подъемъ на эти высоты, особенно въ дождливую погоду, былъ чрезвычайно затруднителенъ. Въ карету Снорьиныхъ впрягли черыте пары буйволовъ, и подъ однообразные, дикіе крики погонщиковъ, они медленно потащались въ гору. Дѣти тотчасъ же выскочили и вмѣстѣ со своей подвижной тетушкой пошли пѣшкомъ, набирая цѣлые пуки прелестнѣйшихъ цвѣтовъ, которыми они буквально завалили Людмилу Васильевну. На всякомъ поворотѣ дороги они останавливались, любуясь чудной картиной, дѣлавшейся все великолѣпнѣе и величественнѣе по мѣрѣ подъема на гору.

Безконечная равнина, залитая свѣтомъ и пещренная множествомъ рѣчекъ, блиставшихъ, какъ золото, садами, деревушками и перелетными пятнами тѣней отъ облаковъ, заслонявшихъ то здѣсь, то тамъ яркіе лучи солнца, разстилалась на сотни верстъ. Вправо возвышались южныя отрасли кавказскаго хребта; влѣво — туманно рисовались карабахскія высоты, а прямо, на западѣ, горѣвшемъ какъ въ пожарѣ, отчетливо вырѣзывались далекія вершины Ишакъ-Мейданскихъ и Дилижанскихъ горъ. Съ каждой минутой вся эта необъятная равнина загоралась ярче и ярче;

рѣчки по ней вспыхивали краснымъ заревомъ заката; даль была ослѣпительна, пока наконецъ красивые клубы облаковъ не приняли спустившагося къ нимъ солнца и, скрывъ его, сами передъ тѣмъ только-что ярко-бѣлыя, не засинѣли; разукрасившись по краямъ причудливой золотой бахромою, изъ-за которой, смѣло прорывая свой покровъ, возносились къ небу огненные лучи. Нѣсколько секундъ картина была необычайно величественна. Потомъ лучи солнца начали гаснуть, небо поблѣднѣло, и синее, туманное покрывало, сначала прозрачное, потомъ становившееся все гуще и темнѣе, скрыло отъ глазъ и землю, и небо . . .

Все измѣнилось, какъ по мановенію волшебника въ сказкѣ. Сразу стало не только темно, но и холодно, и Любѣ показалось даже, что все кругомъ ихъ стало такое печальное, грозное . . . Только, вотъ слава Богу, загорѣлась звѣздочка, да тоненькій серпъ молодой луны выяснился на западѣ. Онъ только мелькнулъ, какъ надежда на возвращеніе свѣта, и снова скрылся въ темныхъ облакахъ . . .

— Ида Павловна, дѣти, — крикнулъ Снорьинъ, — садитесь въ карету, становится темно и холодно.

Усталыя дѣти усѣлись въ экипажъ безропотно. Имъ даже пріятно было укрыться отъ свѣжаго вѣтра, все рѣзче и сильнѣе дувшаго имъ въ лица на крутыхъ поворотахъ дороги.

— Амо-о-! . . Го-о-о а!! — йя! . . — снова раздались то рѣзкія, то заунывныя восклицанія погонщиковъ.

Черные буйволы еле передвигали ноги. Сумракъ сгущался. Въ тучахъ, застлавшихъ весь западъ, по блескивали молніи и грохоталъ громъ.

— Скоро выѣдемъ на гору? — высунувшись изъ окна кареты, спросилъ своихъ провожатыхъ Снорьинъ уже давно безпокойно поглядывавшій на небо и тучи.

— Половинъ дорога будетъ, — отозвался одинъ изъ чапаровъ.

— Какъ половина дороги! Только половина! Не можетъ быть! До станціи, быть можетъ, половина?

— Половинъ гора! — хладнокровно подтвердилъ конвойный.

— Вотъ тебѣ разъ! . . Нехорошо! Гм! . . Запоздали мы . . .

— Надо было слушаться знающихъ людей и оставаться на станціи, — переговаривались Снорьины.

— Кто же могъ думать? — сказала Ида Павловна.

Она первая настаивала на томъ, чтобы ѣхать, что еще слишкомъ рано останавливаться на ночлегъ.

— А тутъ еще эта гроза, — безпокойно замѣтилъ Алексѣй Ильичъ.

Людмила Васильевна молчала. Она тревожно думала, что не въ грозѣ главная опасность.

Стемнѣло окончательно. По каретѣ забарабанилъ дождь, и вѣтеръ загудѣлъ такой рѣзкій, что пришлось надѣть теплые бурнусы и шали.

Сначала въ каретѣ шелъ говоръ; Зарицкая особенно старалась поддерживать веселыми разсказами общее спокойное настроеніе духа; но когда гроза ихъ нагнала, дождь полилъ, какъ изъ ведра, и вѣтеръ, никогда почти не умолкающій на такихъ высотахъ, вдругъ будто бы съ цѣпи сорвался, сотрясая, за одно съ громомъ, всю карету, словно пытаясь разнести ее на части, — всѣ разомъ примолкли. Въ этомъ хаосѣ было не до разговоровъ . . . Снорьинъ тихонько ощу-

палъ свои пистолеты, лежавшіе наготовѣ возлѣ него, и каждый разъ, какъ молнія ярко разрывала темноту, освѣщая испуганныя лица его семьи, онъ высовывался въ окно по поясъ, пытливо оглядывая окрестности. Онъ говорилъ, что смотритъ, скоро ли конецъ горѣ, но на самомъ дѣлѣ его тревожный взглядъ обѣгалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и проводниковъ, и чапаровъ, и двухъ казаковъ, ѣхавшихъ возлѣ самыхъ дверецъ кареты, закутавшись въ свои лохматыя бурки.

— Ахъ, еслибы Семенъ былъ теперь съ нами! — раздался вдругъ голосъ Николая, выдавшій его тайную мысль.

— Это что? — весело отозвался отецъ. — Нашъ храбрый воинъ ужъ не вздумалъ ли трусить? . .

Темнота скрыла яркій румянецъ смолкшаго Коли, какъ скрывала давно слезы его пугливой сестренки, тихо плакавшей и молившейся, припавъ къ колѣнамъ матери . . .

Въ этомъ гористомъ краѣ погода такъ же перемѣнчива и капризна, какъ и мѣстность. Здѣсь на каждой сотнѣ верстъ вы встрѣтите самые разнообразные климаты, смотря по положенію мѣстностей. Точно также вы часто можете видѣть съ высоты большихъ горъ, на одномъ горизонтѣ — ненастье и ведро грозу и яркіе лучи солнца. Погода здѣсь такъ быстро и неожиданно мѣняется, что даже, сидя дома, вы не можете ручаться, что жаркій день не превратится къ вечеру въ холодный, а проливной дождь, повидимому, надолго затянувшій сѣрымъ туманомъ всѣ окрестности, черезъ часъ не уступитъ мѣста веселому солнечному блеску. Въ дорогѣ эти перемѣны еще рѣзче бросаются въ глаза.

Въ эту ночь Снорьинымъ пришлось испытать всѣ неудобства этой перемѣнчивости. Нечего и говорить, что дѣйствительность далеко не была бы такъ ужасна, если бы каждаго изъ нихъ втайнѣ не мучилъ страхъ опасности гораздо худшей, чѣмъ громъ, холодный вѣтеръ и потоки дождя, превратившіе и безъ того трудную дорогу въ совершенно невозможную. Буйволы еле вытаскивали ноги изъ глубокой, липкой грязи; карета то и дѣло ныряла въ лужи, переваливаясь съ боку на бокъ, и ежеминутно грозила опрокинуться или сломаться. Проводники и слуга Снорьиныхъ выбились изъ силъ, погоняя буйволовъ; съ усталыхъ, покрытыхъ грязью несчастныхъ животныхъ валилъ паръ, а горѣ, казалось, и конца не будетъ . . .

Наконецъ гроза начала стихать, но зато холодъ сдѣлался нестерпимый. На верху горы нашихъ бѣдныхъ путниковъ встрѣтилъ ледяной вѣтеръ и вмѣсто лѣтняго ливня, на нихъ посыпался частый снѣгъ пополамъ съ дождемъ. Громъ еще слабо грохоталъ, и при свѣтѣ почти неперемежавшихся дальнихъ молній Снорьины печально поглядывали на окрестности, исполосованныя бѣлыми крупинками снѣга, на мрачно насупленныя фигуры верховыхъ, двигавшихся въ туманѣ на подобіе тѣней, на длинную вереницу тяжело ступавшихъ буйволовъ, везшихъ ихъ экипажъ, на бурливые потоки, со всѣхъ сторонъ шумѣвшіе вокругъ нихъ . . .

«И вдругъ, среди всего этого хаоса, раздадутся крики, выстрѣлы! Насъ окружаютъ эти звѣри . . . Свхатятъ дѣтей! . . О, Господи Боже мой! Спаси насъ и помилуй, Боже милостивый!» — вотъ мысли, которыя роились въ головѣ и леденили кровь бѣд-

ныхъ родителей, а Зарицкую заставляли мучиться раскаяніемъ и проклинать глупую отвагу, съ которой она уговаривала ѣхать, не смотря на предупрежденія объ опасности . . .

Коля крѣпко спалъ; дремала и Люба, вдоволь наплакавшись. Вдругъ — трахъ! Сильный толчекъ заставилъ карету крѣпко покачнуться, переднія колеса совсѣмъ увязли, буйволы остановились . . . Чьи-то сильныя руки дергали дверцы кареты.

— Господи, Боже мой! Что случилось? . . Что вамъ нужно? Кто это такіе?! . .

— Не отворяй, Алексѣй! . . Держи дверь! — кричала Людмила Васильевна, съ отчаяніемъ прижимая къ себѣ проснувшуюся отъ толчка Любу.

Ида Павловна поднялась, заслоняя ихъ собою, и опустила руку въ карманъ — за маленькимъ пистолетомъ, не покидавшимъ ее въ дорогѣ.

Снорьинъ тоже вскочилъ, держа пистолеты наготовѣ, и тихо промолвилъ: — «Молчите, дѣти! Ради Бога, сидите всѣ смирно!» и затѣмъ опустилъ окно кареты и твердо спросилъ:

— Кто это? Что надо? . .

Русскій голосъ отвѣчалъ ему:

— Отворяйте! Скорѣе выходите, ваше благородіе, и скорѣе давайте сюда дѣтей! Опасность большая, скорѣе выходите! . .

Снорьинъ распахнулъ дверцы кареты.

— Выходите, выходите скорѣе, коли хотите живыми остаться! — кричали казаки, и прежде чѣмъ Людмила Васильевна успѣла опомниться, изъ ея рукъ уже выхватили Любу, и она исчезла въ темнотѣ. Другія сильныя руки одного изъ чапаровъ вытащили

«— Выходите, выходите скорѣе, коли хотите живыми остаться!»

дрожавшаго отъ страха Колю и, протянувшись затѣмъ къ Зарицкой, обхватили ее и, какъ ребенка, тотчасъ-же поставили на большой камень въ сторонѣ дороги. Бѣдную Людмилу Васильевну, въ обморокѣ, вынулъ изъ кареты самъ Снорьинъ, теперь понявшій, въ чемъ дѣло.

— Ида Павловна — сказалъ онъ, опуская жену на мокрую землю, — посмотрите за нею, а мнѣ надо выручать карету.

— А дѣти?! Гдѣ-же дѣти? — еще не совсѣмъ опомнившись отъ охватившаго ее ужаса, закричала Зарицкая.

— Я здѣсь, тетя! — отвѣчалъ голосъ Любы изъ-подъ бурки одного изъ казаковъ. — А Коля, вотъ, сидитъ на лошади чапара.

— Вы извольте ихъ около себя посадить, — сказалъ подъѣхавшій казакъ. — Вотъ такъ, и съ буркой: теплѣе имъ будетъ; а мнѣ она теперича мѣшаетъ . . . Вотъ только бы лошадь куда привязать . . .

— Я подержу, — храбро вызвалась Любочка и тотчасъ же схватила поводья.

— И то! Держите, барышня! Она смирная!

И казакъ бросился на помощь къ работавшимъ около экипажа людямъ.

Снорьиныхъ спасло какое-то чудо! Оказалось, что сильный дождевой потокъ, въ который провалились переднія колеса кареты, не только размылъ дорогу, но и унесъ часть ея за собою въ пропасть. Если бы колдобина не задержала передняго кузова, какъ въ тискахъ, то весь экипажъ слетѣлъ бы вслѣдъ за рыхлой землею дороги; лѣвыя колеса уже почти висѣли надъ бездной . . .

Увидавъ въ чемъ дѣло, отъ какой страшной опасности они избавились, Алексѣй Ильичъ мысленно поблагодарилъ горячей молитвой Господа Бога и принялся дѣятельно распоряжаться. Не легко было поднять тяжелую карету! Люди и животныя выбились изъ силъ, пока имъ не удалось ее приподнять и отодвинуть отъ обрыва. Все это время, добрые полчаса, женщины и дѣти мокли подъ снѣгомъ, на вѣтру, пронизывавшемъ ихъ до костей. Менѣе всѣхъ страдалъ Николай. Закрытый буркою чапара, онъ сидѣлъ верхомъ на его лошади съ нѣкоторой гордостью, нацѣпилъ на себя ружье, и, если бы не безпокойство за исходъ этого происшествія, онъ былъ бы совершенно счастливъ. Хуже всѣхъ пришлось Зарицкой. Все, что было на ней и въ каретѣ теплаго, она навалила на Людмилу Васильевну и Любу, а сама стояла надъ ними промоченная насквозь, засыпанная снѣгомъ, трясясь отъ холода.

До станціи оставалось не болѣе трехъ, четырехъ верстъ, но пришлось ѣхать чуть не до свѣту. Снорьинъ не садился совсѣмъ; онъ все время шелъ, держась за дверцу кареты со стороны обрыва.

За-то какимъ раемъ показалась нашимъ голоднымъ и полузамерзшимъ путешественникамъ низенькая, жарко натопленная, по случаю снѣга, станціонная комнатка! . . Переодѣвшись въ сухое бѣлье и платье, напоивъ горячимъ чаемъ измученную Людмилу Васильевну и полусонныхъ дѣтей, Ида Павловна приготовила постели для всѣхъ на соломѣ, коврахъ и одѣялахъ. Дѣти, какъ только покончили чаепитіе и окончательно согрѣлись, опомнились и успокоились, вмѣсто того, чтобы поскорѣе лечь спать,

принялись болтать и хохотать. Теперь имъ все происшествіе казалось смѣшнымъ и забавнымъ. Чѣмъ сильнѣе вылъ на дворѣ вѣтеръ, стуча въ окна и заметая ихъ изморозью, тѣмъ веселѣе имъ становилось въ сухой, теплой комнатѣ, гдѣ имъ даже и на мысль уже не приходила возможность какой-нибудь опасности: о страшныхъ разбойникахъ или нападеніяхъ горцевъ они и думать забыли . . . Только съ разсвѣтомъ всѣ заснули такъ крѣпко, что проспали до полудня и едва къ вечеру доѣхали послѣднія двадцать верстъ до Шемахи.

V.

Иные люди—иные и нравы.

Той же весною, только мѣсяцемъ ранѣе въ Шемаху въѣхалъ, со звономъ и грохотомъ, обычнымъ такого рода экипажамъ, высочайшій, скрипучій и тряскій фургонъ, до самыхъ верхнихъ перекладинъ своей рѣшетки покрытый грязнымъ полотномъ, набитый поклажей и людьми. Люди эти, пассажиры татарскаго фургона, принадлежали къ бѣднѣйшему туземному населенію и остановились въ татарской части города, возлѣ одного изъ самыхъ старыхъ и грязныхъ караванъ-сараевъ.

Пріѣхавшіе тотчасъ же разбрелись по городу, кромѣ хозяина фургона, — высокаго, уродливаго татарина съ бѣльмомъ на правомъ глазу, и худенькаго мальчика, лѣтъ десяти, — смуглаго, болѣзненнаго на видъ, одѣтаго въ какіе-то ло мотья ситцеваго архалука и вытертую папаху изъ рыжаго бараньяго мѣха.

Мальчикъ присѣлъ на грязное каменное крыльцо караванъ-сарая и бузучастно смотрѣлъ впередъ, подперши щеку худенькой рукою. Передъ нимъ былъ вымощенный, но грязный дворъ съ огромными, за-

плѣсневѣлыми лужами, тѣсно уставленный фургонами, арбами, лошадьми, буйволами и высокими двугорбыми верблюдами, которые важно ворочали уродливыми шеями, пережевывая свою жвачку. Между колесами и животными толкались люди, бранясь и, крича на нихъ и другъ на друга, переговаривались по-татарски и по-армянски. Огромный бѣлый баранъ съ закрученными рогами, весь въ ярко-малиновыхъ пятнахъ, вслѣдствіе мѣстнаго обычая красить животныхъ, стоялъ въ одномъ углу двора, на соломѣ. Онъ былъ привязанъ желѣзной цѣпью къ деревянному столбу, и къ тому же столбу, тоже на тоненькой желѣзной цѣпочкѣ, былъ прикрѣпленъ большой желтоглазый ястребъ, очень часто садившійся къ барану на спину и съ важностью оглядывавшій оттуда всѣхъ входившихъ во дворъ. Дружба крашенаго барана съ птицей заняла наконецъ пріѣзжаго мальчика: онъ улыбался, глядя на нихъ, какъ вдругъ грубый голосъ возницы-татарина заставилъ его вздрогнуть и встать. Кривой татаринъ подошелъ къ нему и такъ сильно толкнулъ его въ спину, что бѣдный ребенокъ едва не упалъ.

— Ты это что-же, щенокъ, усѣлся: — закричалъ онъ на него по-татарски. — Не можешь мнѣ помочь? Кормилъ всю дорогу даромъ, а какъ довезъ, такъ ты ужъ и служить не можешь!

— Что надо дѣлать? — тихо спросилъ мальчикъ, поднимая свою рваную шапченку, свалившуюся съ бритой головы.

— Что дѣлать? Теперь нечего дѣлать, когда я самъ лошадей отпрегъ и корму имъ задалъ. Сиди здѣсь, пока я поѣмъ . . . Тогда отведу тебя къ

Мамадъ-Унану-Оглы; раздѣлаюсь, благодареніе Аллаху, съ тобой совсѣмъ! . .

Мальчикъ снова грустно усѣлся на каменныя ступени и, ужъ не глядя ни на что, а закрывъ глаза и прислонившись къ периламъ крыльца, тяжело задумался. Между тѣмъ хозяинъ его вошелъ въ грязную комнату караванъ-сарая, гдѣ уже было много народу. Всѣ ѣли и громко разговаривали. Кто закусывалъ просто чурекомъ; кто заказывалъ себѣ плову или люли-ке-бабъ[1]); бритый прислужникъ-персіянинъ съ засученными рукавами, изъ-подъ которыхъ его вымазанныя хиной оранжевыя руки казались еще безобразнѣе и длиннѣе, подавалъ эти кушанья на деревянномъ лоткѣ. Каменнаго пола и штукатурки на стѣнахъ не было видно изъ-за грязи, копоти и отвратительно-безобразныхъ рисунковъ углемъ. Изъ отворенныхъ дверей виднѣлось нѣсколько такихъ же большихъ, пустыхъ и грязныхъ комнатъ. Это были номера для пріѣзжающихъ. Въ нихъ почти никогда не бывало жильцовъ, потому что останавливавшіеся во дворѣ караванъ-сарая извощики и погонщики верблюдовъ совсѣмъ не нуждались въ отдѣльномъ помѣщеніи, а довольствовались общей комнатой, которая вмѣстѣ съ тѣмъ была и кухней. Тутъ можно было и поѣсть, и побесѣдовать и даже выспаться, безъ церемоніи растянувшись на широкой деревянной тахтѣ или просто на полу.

Во дворъ вошелъ старикъ-татаринъ съ обезьяной на плечѣ, а за нимъ дѣвочка подростокъ, одѣтая уличной плясуньей. На ней были желтыя шальвары, до того широкія, что казались юбкой; на нихъ ниспа-

[1]) Кушанье изъ рубленой баранины съ лукомъ.

дала безъ всякаго пояса, коротенькая рубашка изъ краснаго канауса, обшитая галуномъ, а сверху была надѣта синяя шелковая же курточка, вся обшитая монетами, какъ бахрамой, внизу и вдоль по разрѣзнымъ рукавамъ. Подрѣзанные спереди, сине-черные волосы лежали гладко, спускаясь на смуглыя щечки, а сзади падали на плечи и спину множествомъ мелкихъ косъ, перемѣшанныхъ съ бусами и золотыми цѣпочками, спускавшимися изъ-подъ круглой парчевой шапочки. На плечѣ ея висѣлъ обручъ, который она иногда снимала, играя имъ, какъ мячикомъ, и потрясая звонкимъ бубномъ. Огромные черные глаза дѣвочки блистали изъ- подъ длинныхъ рѣсницъ, бросавшихъ тѣнь на блѣдныя щеки; черныя тонкія брови были словно наведены кистью; взглядъ у нея былъ смѣлый, всѣ движенія гибки и граціозны, а въ поворотахъ шеи и выраженіи тонкаго прелестнаго личика проявлялось столько гордости и воли, что маленькая плясунья не скоро выходила изъ памяти тѣхъ, кто ее видѣлъ. Не менѣе замѣчателенъ былъ и ея проводникъ. Это былъ старикъ, хотя довольно еще бодрый, но сильно сутуловатый, съ широкими плечами, на которыхъ неловко болтался какой-то выцвѣтшій тулупъ изъ разноцвѣтныхъ бараньихъ мѣховъ, и съ огромной бритой головою, покрытой тоже бараньей папахой изъ длинношерстаго мѣха, окрашеннаго въ огненный цвѣтъ. Нависшія брови старика были такія же огненныя; и черные глаза его еще мрачнѣе смотрѣли изъ-подъ нихъ. Лицо его, изрытое глубокими морщинами, было угрюмо и сурово; бурый цвѣтъ его еще рѣзче оттѣнялся широкой сѣдой бородой, поражавшей каждаго тѣмъ, что и

она, будто подъ масть его тулупу и шапкѣ, была трехъ цвѣтовъ: совершенно бѣлая у лица, она снизу еще была черная, а концы ея, окрашенные хиной, были красны, такъ-же, какъ и брови. Изъ-подъ тулупа и нижняго архалука видна была открытая грудь; изъ-за синяго кушака поверхъ широкихъ шальваръ торчала рукоятка кинжала. Въ рукахъ старикъ держалъ два инструмента: одинъ струнный чунгури, подъ который танцовала дѣвочка, другой вродѣ волынки, изъ мѣха; подъ звукъ послѣдняго выучена была кривляться и кувыркаться его обезьяна; очень уродливое и злое созданіе изъ породы персидскихъ маймуновъ. Она или шла на цѣпи, прикрѣпленной къ кушаку вожака, или сидѣла на плечѣ его, огрызаясь, и поминутно скаля свои длинные бѣлые зубы. Эта компанія, войдя во дворъ, раздѣлилась. Дѣвочка бойко стуча по плитамъ красными сафьяновыми кошами прошла на дальній конецъ галлереи, прямо къ ихъ каморкѣ, гдѣ она жила съ своимъ дѣдомъ съ самаго прихода ихъ въ Шемаху, а старикъ, привязавъ маймуна къ периламъ, вошелъ въ общую комнату.

— О! — привѣтствовали многіе голоса изъ дверей и оконъ, залѣпленныхъ сальной бумагой вмѣсто стеколъ, танцовщицу, пока она проходила по балкону. — А-а! Астара! Звѣздочка яркая, здравствуй! . . Что не войдешь повеселить насъ? Астара, покушай: вотъ кебабъ, шашлыкъ, далма[1]) . . . Чай, заморозилъ тебя жадный дѣдъ танцами да пѣніемъ? . .

Но Астара даже не удостоила ихъ взглядомъ. Нахмуривъ брови, она прошла и быстро заперлась въ своей каморкѣ. Войдя туда, она тотчасъ-же сѣла

[1]) Рисъ съ бараниной, обернутые въ виноградные листья.

у стола на деревянный сундучекъ, опустила руки и голову и — замерла съ такой горькой улыбкой на тонкихъ губахъ и съ такимъ выраженіемъ скуки и утомленія на хорошенькомъ смугломъ личикѣ, что казалась теперь совсѣмъ другою дѣвочкой.

Посидѣвъ такъ немного, она медленно приподнялась, потянулась и подойдя ко вдѣланной въ углу полкѣ, отломила кусокъ чурека и принялась лѣниво его жевать. Но ѣсть ей не хотѣлось. Она бросила чурекъ, и закинувъ худенькія руки за голову, растянулась на тахтѣ, покрытой вытертымъ коврикомъ, и закрыла глаза . . . Нѣтъ, и не спится! Она встала и въ раздумьи сдѣлала нѣсколько шаговъ къ своему маленькому сундучку, раскрашенному яркими цвѣтами въ персидскомъ вкусѣ . . . Открывъ сундучекъ, она начала перебирать хранившіяся въ немъ сокровища: новую красную куртку, ожерелья и золотыя, настоящія золотыя, серьги съ большими кольцами, что купилъ для нея у кстати подвернувшагося еврея разнощика раскутившійся купецъ, восхищенный ея танцами. Но скоро и это занятіе ей наскучило.

Астара подошла къ окну и перевѣсилась въ него. Перевѣсившись, она увидала мальчика, сидѣвшаго на крыльцѣ и горько плакавшаго.

«Вотъ еще такой-же бѣдный мальчикъ, — подумала Астара. — Вѣрно, и у него нѣтъ ни отца, ни матери, какъ у меня . . . Чего онъ? Ужъ не ѣсть ли хочетъ?» И дѣвочка, захвативъ недоѣденный чурекъ, вышла на галлерею и, прямо подойдя къ мальчику, спросила у него по-татарски:

— Хочешь ѣсть? . . На!

Тотъ поднялъ голову удивленно, но, увидавъ

хорошенькое личико танцовщицы, несмѣло улыбнулся и взялъ хлѣбъ.

Астара оперлась на перила балкона и начала что-то тихонько напѣвать, поглядывая иногда на жадно кусавшаго чурекъ мальчика.

— Ты вѣрно давно не ѣлъ?

— Вчера утромъ съѣлъ кусокъ хлѣба.

— Бѣдный! Съ кѣмъ ты здѣсь? . .

— Одинъ.

— Какъ одинъ! Что же ты тутъ одинъ дѣлаешь?

— Тутъ Машади-Оглы; онъ привезъ меня изъ Нухи къ какому-то здѣшнему жителю Мамадъ-Унанъ-Оглы въ услуженіе . . . Обѣщалъ отвести меня, да вѣрно забылъ, разговорившись съ пріятелями . . .

— Да самъ-то ты кто такой?

— Я Али-Коджанъ.

— Татаринъ?

— Да . . . нѣтъ . . . не знаю . . .

— Какъ не знаешь? Развѣ ты не знаешь, кто были твой отецъ и мать? Ну, вотъ, мои отецъ съ ма-

терью были персидскіе цыгане. Вотъ я и знаю, что я цыганка, мусульманка . . . А ты какому Богу молишься?

— Да никакому . . . Мнѣ все равно . . .

— Значитъ, ты такъ и не знаешь, кто ты такой?

— Не знаю . . . Всѣ говорятъ: татаринъ; а Пела говорила — христіанинъ, князь . . .

— Князь?! — засмѣялась дѣвочка. — Развѣ князья не ѣдятъ по два дня, развѣ они такъ одѣты, какъ ты? Князья сидятъ на мягкихъ коврахъ, да играютъ алмазами и червонцами, каждый день ѣдятъ по три, по четыре плова съ фруктами; а когда куда нибудь ѣдутъ, то нукеры[1]) подаютъ имъ бѣлую лошадь съ серебряной сбруею, съ краснымъ, вышитымъ золотомъ чепракомъ, и ѣдетъ съ ними цѣлая свита... Ты никогда не видалъ? . . Я видѣла разъ князя, русскаго князя, такъ у него вся грудь блестѣла отъ украшеній; а за нимъ ѣхало человѣкъ двадцать солдатъ съ перьями на шляпахъ.

Мальчикъ слушалъ равнодушно и доѣдалъ свой чурекъ.

— Кто это тебѣ говорилъ, что ты князь? — снова спросила Астара.

— Сестра моя, Пела.

— А гдѣ же она?

— Ея нѣтъ! — съ глубокимъ вздохомъ отвѣчалъ мальчикъ. — Она умерла еще тамъ, дома, въ горахъ . . .

— Такъ ты горецъ! Лезгинъ или дагестанецъ? Я видѣла тѣхъ и другихъ. Молодцы! Жаль только, что очень бѣдны.

[1]) Конюхъ.

— Да, и мы были очень бѣдны . . . Когда убили мужа Пелы, Казаръ-Бека, мою сестру отдали въ услуженіе къ муллѣ[1]), въ другой аулъ. Намъ очень трудно было жить. Мы часто голодали по цѣлымъ днямъ и ужасно мерзли зимою . . . А работать насъ заставляли отъ зари до самой ночи.

— Что же вы работали?

— Все. Таскали дрова, воду, собирали и сушили кизяки на постройку . . . Въ полѣ работали: жали, молотили . . . Все дѣлали . . . Труднѣе всего было зимою ходить за водой въ ущелье. Тропка узенькая, обледенѣетъ вся, скользко; кока[2]) большая, тяжелая, а итти босому такъ больно . . . Комки мерзлой грязи ноги въ кровь, бывало, исцарапаютъ . . . Да ужъ тутъ не до крови, когда, того гляди, въ пропасть оборвешься или кувшинъ разобьешь . . .

— Ну, это еще не такая бѣда!

— Какъ не бѣда?! Разъ я очень спѣшилъ вернуться, когда сестра уже больна была, поскользнулся да разбилъ коку, да еще и небольшую, такъ меня чуть не убили . . . Сколько дней я боленъ былъ: такъ меня Шуанета избила . . .

— Негодная! Кто же была эта Шуанета?

— Это жена его сына, муллы сына, нашего хозяина . . . Она насъ больше всѣхъ мучила; гяурами все называла . . .

— Гяурами? Такъ она думала, что вы христіане?

— Да, думала, — со вздохомъ подтвердилъ Али. — И сестра, когда умирала, говорила мнѣ это; просила не забывать.

---

[1]) Мусульманскому священнику.

[2]) Кока — кувшинъ.

— Такъ ты бы пошелъ къ русскимъ и сказалъ. Они бы тебя не позволили обижать.

— Нѣтъ, я боюсь . . . Они не повѣрятъ . . . Я разъ сказалъ одному солдату, когда меня русскіе взяли, а онъ говоритъ: «врешь!», и крѣпко меня по головѣ ударилъ.

— Зачѣмъ же тебя русскіе взяли?

— Солдаты взяли. Они пришли и сожгли весь нашъ аулъ, и всѣхъ убивали . . . Я думалъ и меня убьютъ, и спрятался въ саманъ[1]). Я цѣлый день пролежалъ тамъ, пока не перестали совсѣмъ стрѣлять. Я думалъ — ушли, и вылѣзъ, ѣсть хотѣлъ, а тутъ меня русскіе взяли и увидали.

— Ну что же, они тебя били?

— Нѣтъ, не били. Они меня накормили и повели къ какому-то старику, — не простому, а такому, что золото на плечахъ носитъ.

— Знаю, къ сардарю[2]), — объяснила Астара.

— Нѣтъ, солдаты его не такъ звали . . . Ну, онъ велѣлъ меня въ татарское войско отдать . . . милиція у нихъ называется . . . Они, — тѣ, что въ этой милиціи служатъ, татары, — они мнѣ говорили, что онъ имъ такъ сказалъ: «этотъ плѣнный мальчикъ въ вашего Аллаха вѣруетъ, такъ вы его и сберегите».

— А Пела гдѣ же была тогда?

— Пела еще зимою умерла. У нея все кровь лилась изъ горла, она и умерла . . .

— Ну и привели тебя русскіе сюда?

— Нѣтъ, не сюда, а въ Нуху. Тамъ меня отдали къ одному купцу служить, а онъ меня своей сестрѣ

[1]) Рубленая солома.

[2]) Сардарь — царь и вообще всякій начальникъ.

сюда прислалъ . . . Мнѣ, говоритъ, работника не нужно, а сестрѣ моей надо, такъ ты и поѣзжай въ Шемаху.

— А ты говорилъ къ какому-то Мамадъ-Унану-Оглы пріѣхалъ?

— Ну да; моего хозяина сестра замужемъ здѣсь за нимъ.

Въ эту минуту раздался страшный визгъ обезьяны. Кувыркаясь и вертясь вокругъ столба балкона, она такъ крѣпко обмотала цѣпью свою шею, что чуть себя не удушила. На крикъ ея выбѣжалъ старикъ Фейзулла, дѣдъ Астары, выпуталъ ее и сталъ нещадно колотить плетью. Несчастный маймунъ извивался, визжалъ и скрежеталъ зубами подъ ловкими ударами плетки, къ великой потѣхѣ окружавшихъ, покатывавшихся со смѣху. Тутъ же стоялъ и Машади-Оглы.

— Ну, щенокъ, собирайся, пойдемъ! — обратился онъ къ Али-Коджану, когда Фейзулла бросилъ бить обезьяну. — Вотъ слугу хорошаго я привезъ Мамаду-Унанъ-Оглы . . . Чудо! Поблагодаритъ онъ родственника своего за такой подарокъ! Пить и ѣсть умѣетъ, а что до работы, такъ развѣ, вотъ, какъ этотъ маймунъ: изъ-подъ плети.

— За этимъ дѣло не станетъ, — отвѣчали слушатели.

— Мамадъ-Унанъ-Оглы шутокъ не любитъ; я его знаю, — прибавилъ одинъ купецъ-персіянинъ.

Путь Машади-Оглы и мальчику лежалъ довольно далекій. У богатаго купца татарина было много лавокъ въ Шемахѣ, но самъ онъ жилъ на одной изъ окраинъ города, въ собственномъ домѣ; а такъ какъ

время было уже къ вечеру, то нельзя было надѣяться застать его въ лавкахъ.

Унанъ-Оглы былъ мусульманинъ строгихъ правилъ, шіитъ и даже нѣсколько фанатикъ. Въ многочисленной роднѣ своей онъ насчитывалъ много духовныхъ лицъ, и нѣсколько сеидовъ, т. е. прямыхъ потомковъ Магомета, а потому мусульманами сунитскаго толка, т. е. послѣдователями не Магометова зятя Алія, а халифа Омара, онъ гнушался только немного менѣе, чѣмъ христіанами. Въ домѣ его даже всѣ слуги и приказчики въ лавкахъ были шіиты и никто изъ правовѣрныхъ въ цѣломъ городѣ не жертвовалъ ежегодно на празднество Могарема столько, какъ Мамадъ-Унанъ-Оглы. У него были три жены: Шаги совсѣмъ старуха, занимавшаяся хозяйствомъ, старшая въ домѣ по названію, но на дѣлѣ не болѣе, какъ ключница. Она однако пользовалась уваженіемъ, потому что была очень богата. Двѣ ея дочери были давно за мужемъ, одна за очень вліятельнымъ духовнымъ лицомъ. Вторая жена, Сулеймина, когда-то очень любимая за красоту, теперь пользовалась почетомъ только потому, что ея два сына были единственными наслѣдниками Мамада. Эта была старая кокетка, только и мечтавшая о румянахъ, драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, да сплетняхъ и пересудахъ съ сосѣдками. Истинною хозяйкою и распорядительницею въ домѣ была Амилета, молодая красавица, на которой Мамадъ женился не болѣе года, когда ѣздилъ въ Нуху — скупать коконы и сырцовый шелкъ. Двѣ старшія жены, Шаги и Сулеймина, жили вмѣстѣ въ одномъ домѣ съ мужемъ. Амилета же имѣла совсѣмъ отдѣльное помѣщеніе въ концѣ сада, окружавшаго

домъ, и жила своимъ хозяйствомъ. Эта прихоть соперницы стоила не мало слезъ и досады старшимъ женамъ, но онѣ не смѣли противорѣчить мужу.

Вотъ этой-то избалованной мужемъ Амилетѣ и захотѣлось имѣть въ услуженіи мальчишку-плѣнника, котораго она видѣла въ Нухѣ у брата, и ради ея прихоти Али-Коджанъ попалъ въ Шемаху.

Когда, послѣ продолжительнаго стучанія желѣзной скобкой въ дверь, низенькая, плотная калитка была отворена Али и его проводнику, ихъ провели по саду къ широкой галлереѣ одноэтажнаго дома, построеннаго, какъ и большая часть домовъ въ Шемахѣ, на случай землетрясенія, больше изъ дерева и глины, чѣмъ изъ кирпича. Здѣсь на разостланномъ стеганомъ тюфякѣ, положенномъ сверхъ циновки на полъ, сидѣлъ, поджавъ ноги, хозяинъ дома, невозмутимо наблюдая за бурлившей водой въ кальянѣ, который стоялъ передъ нимъ, обмотанный своимъ длиннымъ гибкимъ чубукомъ изъ проволоки и краснаго сафьяна. Голубой дымокъ вылеталъ изо рта и ноздрей правовѣрнаго; огонекъ ярко вспыхивалъ въ глиняной трубкѣ на верхушкѣ кальяна. Мамадъ-Унанъ-Оглы казался совершенно счастливъ. Это былъ мужчина лѣтъ сорока съ умнымъ и серьезномъ лицомъ, опушеннымъ небольшой, подстриженной, какъ щетка, черной бородою. Одѣтъ онъ былъ довольно опрятно — въ черный, обшитый галуномъ архалукъ поверхъ канаусовой рубашки и широкихъ шальваръ и опоясанъ широкимъ кушакомъ изъ персидской пестрой матеріи. Жаркій лѣтній вечеръ заставилъ его снять высокую шапку изъ черныхъ мерлушекъ; на его бритой головѣ была надѣта бѣлая ермолка, простеганная шелкомъ.

Важнымъ наклоненіемъ головы отвѣтилъ купецъ на докладъ Машади-Оглы. Лѣниво распросивъ его о здоровьи нухинскихъ родственниковъ, о состояніи дороги и объ исторіи Али-Коджана, насколько зналъ ее фургонщикъ, онъ заплатилъ и отпустилъ его. Затѣмъ, выкуривъ кальянъ, онъ всталъ и, сдѣлавъ знакъ мальчику слѣдовать за нимъ, пошелъ важной развалистой походкой по саду.

Съ плоской крыши дома за ними ревниво слѣдили злые, зеленые глаза старой Шаги, перебиравшей мотки грубаго шелка, который лежалъ предъ ней на большихъ разостланныхъ кускахъ бязи[1]). Она разбирала его для окраски въ разные цвѣта и все время прислушивалась къ разговору мужа съ пришельцами.

— Веди, — ворчала она, — веди новаго дармоѣда-нищаго, вора, быть можетъ, въ домъ, по приказанію этой глупой Амилеты! Пляши по ея дудкѣ, пока ты не разоришься и всѣ мы изъ-за нея по міру пойдемъ! . . И мальчишка-то какой дрянной! Больной какой-то, зеленый, будто его лихорадка заколотила...

Между тѣмъ Али со своимъ новымъ хозяиномъ дошли до небольшого домика Амилеты, полускрытаго высокими кустами розъ въ полномъ цвѣту и разцвѣтавшихъ ярко-красныхъ гранатъ. Тамъ, у широкаго, поднятаго отъ самаго пола окна, на коврахъ и богатыхъ парчевыхъ мутакахъ, лежала красавица Амилета, вся въ яркомъ атласѣ и золотѣ, а передъ нею на корточкахъ сидѣло старое, безобразное созданіе, закутанное въ обрывки какихъ-то пестрыхъ тряпокъ. Это была цыганка Шушана, которая гадала ей по

[1]) Бумажная ткань.

ладони лѣвой руки. Амилета то смѣялась, то хмурила брови, а завидя мужа весело закричала:

— Уходи, Шушана, Скорѣе бѣги прочь! . . Знаешь, Мамадъ обѣщался тебя поколотить, если опять застанетъ. Улепетывай же скорѣе! . . — И она забила въ ладоши, звонко смѣясь и торопя поспѣшно сбиравшую свои пожитки старуху. Татаринъ едва замѣтно улыбался, глядя на продѣлки любимой жены.

— Опять эта старая ворона здѣсь! Смотри она опять тебя напугаетъ, какъ прошлый разъ, — сказалъ онъ.

— О! тогда я боялась за тебя: ты уѣзжалъ, а теперь — чего мнѣ бояться? — весело вскричала Амилета. — А это что за мальчикъ? Ахъ! это Али! . .

И она бросилась къ мальчику и обняла рукой его голову, заглядывая ему въ лицо.

— Да, вотъ тебѣ другая забава, вмѣсто этой старой вѣдьмы, — сказалъ Мамадъ, опускаясь на коверъ и подушки.

— Али-Коджанъ, что ты такъ похудѣлъ, бѣдняжка? Или былъ боленъ? — допрашивала Амилета. — Ну, разскажи про Нуху! . . Что братъ, здоровы ли дѣти его? . . Да что ты такой задумчивый? Можетъ, ты нездоровъ?

— Нѣтъ, это вѣроятно съ дороги, а можетъ быть голоденъ, — отозвался мужъ.

— Голоденъ?! Ѣлъ ты что-нибудь, Али?

— Ѣлъ . . .

— Что ѣлъ, когда?

— Чурекъ ѣлъ . . . вчера и сегодня утромъ.

— Одинъ чурекъ, Али-Коджанъ? Ахъ ты бѣдный? Надо покормить тебя скорѣе . . .

И Амилета ударила три раза въ ладоши. На этотъ зовъ въ дверяхъ показалась прислужница.

— Уведи мальчика и накорми его, — сказалъ Мамадъ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — вскричала Амилета. — Принеси ему поѣсть сюда! . . Вотъ, на балконъ . . . Скорѣе, Татела! . . Бѣдный ребенокъ умираетъ съ голоду . . . И съ кѣмъ это онъ ѣхалъ? Неужели его не кормили? Развѣ братъ тебѣ не далъ на дорогу денегъ?

— Далъ, но я очень усталъ, заснулъ крѣпко и въ первую же ночь у меня ихъ украли изъ кармана.

— Ахъ, бѣдняга! . . Ну, вотъ я тебя откормлю, Али-Коджанъ! Погоди! . . Ты славный мальчикъ! Мы съ тобой хорошо заживемъ.

— Что за странное имя: Али-Коджанъ? . . Али — это такъ . . . но *Коджанъ?* это не татарское имя. Я никогда не слыхивалъ . . . разсуждалъ Мамадъ.

— Мало ли именъ на свѣтѣ! Вѣдь онъ горецъ, — безпечно отвѣчала ему жена. — На, Али! Вотъ тебѣ пловъ съ бараниной; вотъ сыръ, огурцы . . . Ѣшь, бѣдный мальчикъ, ѣшь скорѣе . . .

— Шіитъ ли онъ? — заботливо продолжалъ татаринъ.

— Ну, разумѣется! — увѣренно сказала Амилета, сама, впрочемъ, не понимавшая ясно, въ чемъ разница двухъ религіозныхъ мусульманскихъ сектъ.

Итакъ, наслѣдникъ древняго рода князей кахетинскихъ поселился прислужникомъ у купца-татарина и былъ чрезвычайно счастливъ въ своей судьбѣ. Со времени смерти Казаръ-Бека и стараго дѣда Ибрагимъ-Ага, т. е. уже лѣтъ пять тому назадъ, бѣд-

ному мальчику, никогда не приходилось ни досыта поѣсть, ни отдохнуть отъ тяжелой работы. Теперь онъ блаженствовалъ. Прислужникъ только по названію, онъ былъ скорѣе гостемъ, товарищемъ веселой, молоденькой госпожи своей. Не прошло и мѣсяца со времени переселенія Али, какъ онъ уже поправился, выросъ, повеселѣлъ. Куда дѣвались его угрюмая застѣнчивость и молчаливость. Онъ сталъ разговорчивъ и до того измѣнился, что первая его шемахинская знакомая, танцовщица Астара, не узнала его при встрѣчѣ. За то онъ тотчасъ же узналъ ее, и, хорошо зная вкусы своей госпожи, привелъ ее, съ дѣдомъ Фейзуллой и маймуномъ, къ калиткѣ сада и велѣлъ имъ играть на гунгуры и бить погромче въ бубенъ, а самъ побѣжалъ доложить Амилетѣ о ихъ приходѣ.

Нечего и говорить, какъ тѣшилась скучавшая татарка ловкой пляской дѣвочки. Онѣ сейчасъ же подружилась съ Астарой такъ, что, — къ величайшему гнѣву Шаги, постоянно считавшей всѣхъ гостей Амилеты и Сулеймины своими личными врагами, потому что тряслась надъ каждой копейкой и каждымъ лишнимъ кускомъ въ хозяйствѣ мужа, Астара сдѣлалась частою гостьей любимой жены Мамада. Старикъ оставлялъ свою внучку у нея по цѣлымъ днямъ, и онѣ весело проводили время. Астара была такая бойкая разсказчица, столько видала на свѣтѣ мѣстъ и людей и такъ умѣла подмѣчать особенности и смѣшныя стороны окружающихъ, что онѣ вдвоемъ разыгрывали цѣлыя сцены. Въ нихъ, разумѣется, чаще всего изображались старшія жены на потѣху Али, который усаживался на коверъ, поджавъ ноги,

съ длиннымъ чубукомъ кальяна во рту, изображая взрослаго курящаго человѣка. Однако онъ не могъ долго усидѣть спокойно, часто выпускалъ чубукъ и хохоталъ до слезъ.

Часто онъ заслушивался разсказовъ Астары объ уличныхъ сценахъ въ городахъ, гдѣ ей пришлось бывать, особенно о праздникахъ святаго мѣсяца Могарема, когда правовѣрные шіиты празднуютъ память славной смерти своего имама, Гуссейна, цѣлымъ рядомъ представленій и уличныхъ торжествъ. Астара уже два раза сама фигурировала въ этихъ представленіяхъ. Года три тому назадъ они были въ Эривани; она въ числѣ дѣтей Имама Гуссейна ѣхала на верблюдѣ и рвала на себѣ отчаянно волосы въ знакъ скорби по убитомъ отцѣ; а въ прошломъ году въ Шушѣ она уже сама изображала невѣсту сына Имамова, тоже убитаго злыми воинами халифа багдадскаго, Езида, боявшагося, что его подданные свергнутъ его съ престола и возведутъ этого прямого потомка пророка. Астара поднимала волосы и показывала рубецъ, — знакъ добровольно нанесенной ею себѣ раны для того, чтобы кровь текла по лицу ея и по бѣлому покрывалу и чтобы всѣ люди видѣли, какъ искренна ея скорбь.

— Я еще хотѣла разрѣзать себѣ лобъ, — разсказывала дѣвочка, — да дѣдъ не допустилъ: «довольно, говоритъ: лицо испортишь . . .» А самъ-то онъ какой страшный былъ, поглядѣли бы вы! Всѣ руки у него, отъ локтей до плечъ и теперь въ страшныхъ шрамахъ отъ замковъ, которые онъ на нихъ навѣшивалъ сквозь тѣло! А въ груди съ обѣихъ сторонъ, подъ кожу были кинжалы воткнуты! . . Страхъ, что такое

онъ надъ собой сдѣлалъ! . . Кровь изъ него такъ и лилась . . . У всѣхъ воиновъ Гуссейна, — а ихъ было больше тысячи, — лица и бѣлые фартуки были залиты кровью. Они сидѣли кругомъ площади, плакали и кричали: «Шахсей-Вахсей!»

— Уфъ! какъ это должно быть страшно! — вскричала Амилета. — У насъ, въ Нухѣ, тоже всѣ изрѣзывались и набивали себѣ синяки, но все же не такъ, какъ ты разсказываешь. Здѣсь, говорятъ, Шахсей-Вахсей[1]) также торжественно справляютъ?

— Да, здѣсь хорошо, но вѣроятно не такъ, какъ въ Шушѣ и въ Эривани. Чѣмъ ближе къ Персіи, тѣмъ великолѣпнѣе. А въ самомъ Тегеранѣ, что дѣлается — ужасъ! Дѣдъ говорилъ, что многіе муллы и старики изъ вѣрующихъ шіитовъ такъ себя израниваютъ, что умираютъ.

— Да зачѣмъ же они все это дѣлаютъ? — со страхомъ спросилъ Али, слушавшій, всегда притаивъ дыханіе, разсказы Астары. — Ты говорила, что они поминаютъ этимъ смерть Имама Гуссейна, но я бы хотѣлъ знать подробности . . .

— Ну, я и сама ихъ не знаю, да и дѣдъ не знаетъ... Это развѣ мулла какой-нибудь могъ бы разсказать...

— Погоди, — сказала Амилета, — вотъ Мамадъ-Унанъ-Оглы скоро тебя хочетъ въ медрессе[2]) посылать учиться; тамъ тебѣ растолкуютъ.

— Не дай Богъ! . . Я такъ боюсь! . . Меня тамъ еще возьмутъ въ этомъ праздникѣ участвовать, да велятъ себя рѣзать!

[1]) Исковерканное народомъ восклицаніе: «Шахъ Гуссейнъ Вай! Гуссейнъ.

[2]) Медрессе—школа.

— А какъ-же? Безъ этого нельзя правовѣрному шіиту, — важно замѣтила Астара. — Стыдно такому большому не принимать участія въ этомъ торжествѣ... А я уже говорила дѣду Фейзуллѣ, чтобы онъ попросилъ въ главной мечети, чтобы меня взяли. Не знаю, какъ это устраиваютъ; но если все какъ надо представляютъ, такъ я бы хотѣла первые дни представлять опять невѣсту Имамова сына, а потомъ невольницу Физе, которая привела льва изъ лѣсу...

— Зачѣмъ еще льва? — изумился Али. — Какого, живого? . . .

— Какое тамъ! — смѣясь, отвѣчала Амилета. — Въ Нухѣ я видѣла, вмѣсто льва маленькаго мальчика въ телячьей шкурѣ вели!

— Ну нѣтъ, — замѣтила Астара, — въ Эривани былъ тоже мальчикъ, только весь зашитъ въ тигровую кожу. А дѣдъ разсказывалъ, что въ прежніе годы въ Персіи всегда настоящихъ львовъ приводили[1]). Тамъ ихъ много . . .

— Да что же означаетъ этотъ левъ? — допрашивалъ Али.

Но Астара не умѣла доподлинно разсказать этого. Ея понятія о празднествѣ священнаго мѣста Могарема и его значеніи вообще были смутны, какъ и у большинства не только женщинъ-шіитокъ, но и мужчинъ. Мы узнаемъ о немъ позже, теперь же намъ надо заняться дальнѣйшею судьбою Али . . . Хорошо пожилось нашему бѣдному, вездѣ чужому сироткѣ, у доброй молодой татарки; но не долго отдохнулъ онъ. Въ началѣ іюня, едва начали нали-

[1]) Въ прежніе годы въ Эривань и Нуху тоже приводили на этотъ праздникъ живыхъ львовъ изъ Персіи.

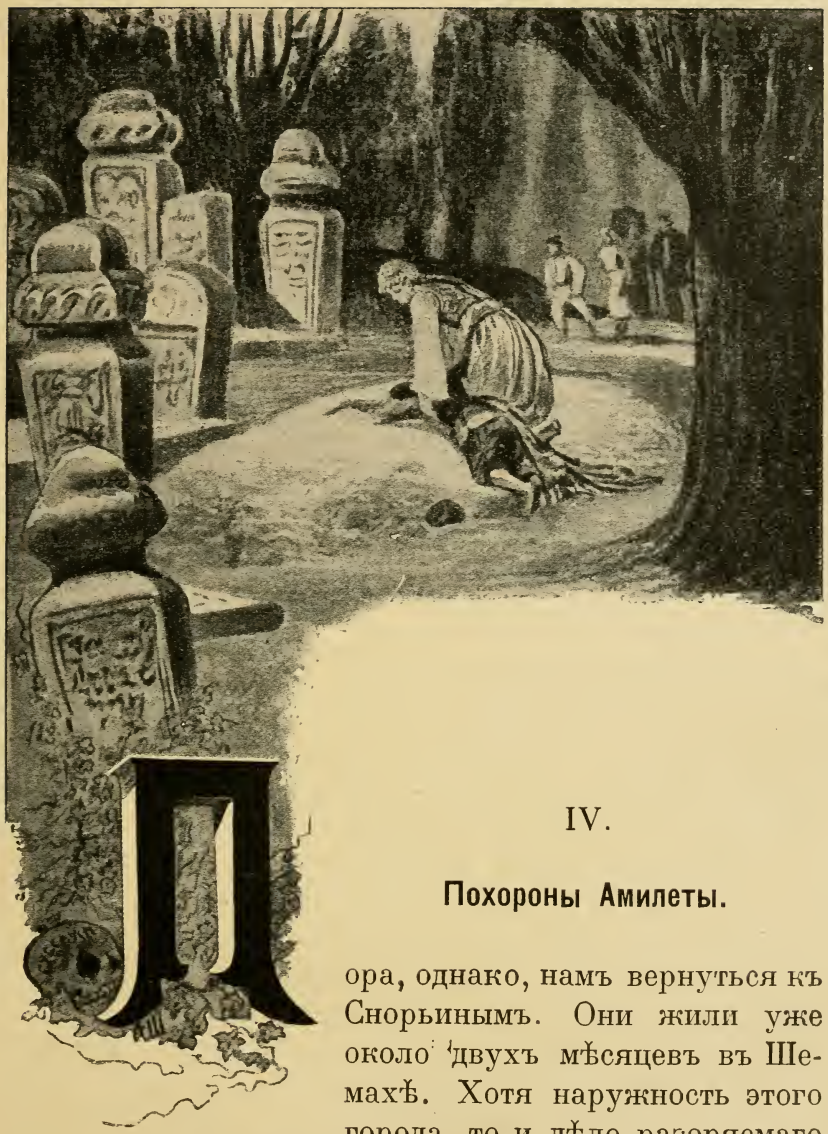
ваться въ садикѣ Мамеда розовые персики, Амилета стала блѣднѣть, часто жаловаться на странную слабость, безсонницу и головныя боли. Призывали ученаго татарскаго доктора съ длинной сѣдой бородой, окрашенной въ ярко-рыжій цвѣтъ; призывали знахарокъ. Докторъ прежде всего заключилъ съ богатымъ Мамадомъ-Унанъ-Оглы условіе, что онъ выдастъ ему три червонца на пробныя лекарства; если они не помогутъ, то дастъ еще десять на пилюли изъ яхонта и жемчуга (очень дорогое, но чрезвычайно цѣлительное средство, по мнѣнію мусульманскихъ докторовъ) и вдвое столько за окончаніе леченія, окажется ли оно успѣшнымъ или нѣтъ — все равно. Огорченный и испуганный болѣзнью Амилеты, Мамадъ готовъ былъ согласиться на всѣ условія жаднаго доктора, — магометанина изъ евреевъ, — лишь бы онъ помогъ любимой женѣ его. Но докторъ хотя усердно поилъ больную множествомъ отвратительныхъ лекарствъ, а помощи не оказалъ ей. Настала очередь знахарокъ-ворожей, между которыми на первомъ планѣ была цыганка Шушана. Онѣ давали больной пить только дождевую воду пополамъ съ землей, взятой съ могилы какого-нибудь *пира* (святаго мусульманина), а то все больше дѣйствовали наружными средствами: обливали Амилету семь разъ водой изъ семи чашекъ, во время семи восходовъ солнца; окуривали ее дымомъ ста-сорока зеренъ растенія, называемаго *руто*, разожженными на мангалѣ[1]), — ничто не помогло . . . Наконецъ, рѣшились прибѣгнуть къ помощи русскаго врача, и для этого призвали на совѣтъ муллу. Мулла долженъ былъ

[1]) Мангалъ — жаровня, вродѣ желѣзной печки.

назначить счастливый день для призыва доктора-гяура; но случилось такъ, что едва благочестивый старецъ приступилъ къ соображеніямъ и вычисленіямъ, какъ вдругъ Мамадъ-Унанъ-Оглы громко чихнулъ . . . Пришлось отложить соображенія до другого дня, потому что, какъ всѣмъ правовѣрнымъ въ мірѣ достовѣрно извѣстно, чиханіе портитъ всякія лекарскія средства и священные разсчеты, уничтожая ихъ значеніе. Истинные мусульмане вполнѣ вѣрятъ этой примѣтѣ.

Наконецъ мулла назначилъ счастливый день; но день этотъ, несмотря на то, что никто въ этотъ разъ не прерывалъ чиханіемъ соображеній муллы, оказался не совсѣмъ счастливымъ: русскій докторъ покачалъ головой, поглядѣвъ на бѣдную молоденькую Амилету и объявилъ, что его призвали слишкомъ поздно.

Такова, видно, была судьба хорошенькой Амилеты, на несчастіе Али-Коджана.



IV.

Похороны Амилеты.

Пора, однако, намъ вернуться къ Снорьинымъ. Они жили уже около двухъ мѣсяцевъ въ Шемахѣ. Хотя наружность этого города, то и дѣло разоряемаго частыми землетрясеніями, дѣйствительно была печальна, но въ послѣднее время жители приноровились строить не кирпичныя стѣны, а очень легкія, со-

стоящія изъ плетеныхъ рамъ, сравнительно безопасныхъ. Снорьины не находили жизнь здѣсь такой непріятной, какъ имъ пророчили. Людмилѣ Васильевнѣ и ея дочкѣ, напротивъ, чистый горный воздухъ положительно оказался полезенъ. Люба окрѣпла и расцвѣла; на щекахъ ея впервые показались румянецъ и здоровый загаръ, пріобрѣтенный во время прогулокъ по безлѣснымъ высотамъ, покрытымъ изобильно травой и цвѣтами. Домъ, гдѣ они жили, стоялъ высоко въ одной изъ окраинъ города, и изъ оконъ его была видна одна изъ ближайшихъ горъ. Они съ перваго дня пріѣзда могли любоваться богатой растительностью, окружающей Шемаху. Весь склонъ этой горы былъ покрытъ какъ будто ярко краснымъ ковромъ, цвѣтущимъ макомъ, и, когда вѣтерокъ ходилъ волнами по этому махровому ковру, онъ представлялъ чрезвычайно пріятное для глаза зрѣлище. Позже его скосили, но травы вскорѣ опять поднялись и запестрѣли, — на этотъ разъ всевозможными полевыми цвѣтами, такими крупными и красивыми, что имъ позавидовалъ бы не одинъ нашъ сѣверный садъ.

Дѣти по случаю каникулярнаго времени учились немного; едва ли, впрочемъ, ихъ ежедневныя прогулки съ тетей Идой по городу и окрестностямъ не были полезнѣе иныхъ уроковъ. Ида Павловна была такой живой, всѣмъ интересующійся и вмѣстѣ знающій человѣкъ, что прогулки съ нею не могли проходить безслѣдно не только для внимательной, отзывчивой Любы, но и для вѣтреника Коли. Зарицкая страстно любила природу, хорошо знала естественныя науки, въ особенности ботанику. Собирать коллекціи цвѣтовъ, сушить ихъ, рисовать — было

однимъ изъ любимѣйшихъ ея занятій, къ которому скоро пристрастилась и ея племянница. Въ своихъ разсказахъ, въ своихъ наглядныхъ урокахъ, Ида Павловна передавала дѣтямъ знанія, сама того не замѣчая. Дѣти любили ея бесѣды и часто совершенно забывали неравенство ихъ лѣтъ: до того Ида Павловна была способна искренно сочувствовать имъ и раздѣлять ихъ веселье. Вскорѣ къ ихъ тріумвирату, — какъ называлъ Алексѣй Ильичъ неразлучныхъ дѣтей своихъ и кузину, — присоединился новый товарищъ — Данило Петровичъ Ярмовъ, преподаватель мѣстнаго училища. Молодой человѣкъ сначала очень конфузился всѣхъ, въ особенности прямой и бойкой на языкъ тетушки Иды, но потомъ съ нею же больше всѣхъ и подружился и совершенно освоился въ ласковой семьѣ пріѣзжихъ соотечественниковъ. Несмотря на природный недостатокъ, — Ярмовъ немного хромалъ, — онъ часто раздѣлялъ ихъ прогулки и, какъ уроженецъ Кавказа, знавшій хорошо мѣстные языки, народъ и ихъ обычаи, внесъ въ бесѣды дѣтей и Иды Павловны много новаго интереса. Онъ объяснилъ имъ въ жизни туземцевъ много такого, что̀ прежде оставалось непонятнымъ. Разъ они встрѣтили на базарной площади знакомую намъ группу: дѣда Фейзуллу съ его безобразной обезьяной и хорошенькой внучкой. Прыжки и кривлянья маймуна, скалившаго длинные бѣлые зубы и сердито ворчавшаго на своего вожака, очень смѣшили Колю, но Ида Павловна и не смотрѣла на его гримасы, до того была поражена граціей и красотой уличной плясуньи и заинтересована ею. Что же касается Любочки, то она одинаково, кажется, сожалѣла объ участи обоихъ

этихъ созданій и не могла смотрѣть безъ ужаса на безобразное лицо татарина — съ его бородой, нависшими бровями, въ мохнатой шапкѣ и истрепанномъ полушубкѣ. При посредствѣ Ярмова, Зарицкая забросала ихъ вопросами: кто они? откуда? гдѣ выучилась эта прелестная дѣвочка такъ танцовать? не трудный-ли это заработокъ? не хотѣла ли бы она иначе заработывать свой хлѣбъ? . . На все это угрюмый Фейзулла только отмалчивался да притворялся, что не слышитъ или не понимаетъ; но Астара отвѣчала бойко. Они оба знали и татарскій и персидскій языки, но старикъ дѣлалъ видъ, будто не понимаетъ перваго.

— Танцовать я выучилась сама, не знаю какъ, — отвѣчала Астара. — У меня и мать была баядерка и сестры въ Персіи танцуютъ . . . Хлѣбъ это не легкій, но вѣдь работа всякая трудна, а я, къ тому же другой и не знаю . . .

— Развѣ нельзя научиться? — снова спрашивала Зарицкая.

— Зачѣмъ учиться новому, когда это дѣло знакомо? . . Незачѣмъ! И такъ хорошо.

— А гдѣ вы живете! Кто этотъ старикъ?

Астара лукаво тряхнула головой.

— Вездѣ живемъ! А старикъ этотъ — мой дѣдъ, отецъ матери.

— Она хочетъ сказать, что они не имѣютъ опредѣленнаго мѣста жительства, — объяснилъ Ярмовъ. — Эти перехожіе фокусники да танцовщицы вѣчно кочуютъ, не только по городамъ и деревнямъ, но и изъ дома въ домъ. Ненадежный народъ! . . Воры и бродяги . . .

— Да очень вѣроятно! — согласилась Ида

Павловна, думая въ то же время: «Не можетъ быть, чтобы эта прелестная дѣвочка была воровка!»

— А какъ зовутъ тебя, милая? . .

— Астара! . .

— Астара значитъ по-татарски звѣзда, — перевелъ учитель.

— И дѣйствительно, она напоминаетъ звѣздочку: глазенки такъ и искрятся, — замѣтила Зарицкая.

— Бѣдная! Каково ей всегда жить вмѣстѣ съ такимъ ужаснымъ старикомъ, — сказала Люба.

— Она привыкла и вѣроятно не видитъ въ немъ ничего ужаснаго, — возразилъ Данило Петровичъ и, обратясь къ Астарѣ, спросилъ, любитъ ли она дѣда? . .

Лицо дѣвочки выразило полнѣйшее недоумѣніе. Она вздернула тонкія брови, полуоткрыла ротъ и секунды двѣ, три соображала. Наконецъ она улыбнулась, закивала учащенно головой и быстро отвѣтила. Ярмовъ разсмѣялся.

— Она говоритъ, что они оба любятъ дѣда, — перевелъ онъ: — и она, и маймунъ.

— А плетку его они любятъ? — смѣясь спросилъ Коля. — Ишь онъ какъ ею пощелкиваетъ!

Словно въ подтвержденіе его замѣчанія, Фейзулла такъ крѣпко стегнулъ маймуна, что тотъ взвизгнулъ и сдѣлалъ высокій прыжокъ, отъ котораго Николай такъ и покатился со смѣху.

— Бѣдный! — закричала Люба. — Данило Петровичъ, скажите этому противному старику, чтобы онъ не билъ такъ обезьяну . . .

Ярмовъ сказалъ Астарѣ, а та, тряхнувъ, по привычкѣ, черносиними кудрями, возразила что это май-

муну здорово, и что если его не бить, то онъ будетъ кусаться.

Ида Павловна попросила Ярмова объяснить Астарѣ, гдѣ они живутъ, и затѣмъ танцовщица нѣсколько разъ приходила танцовать во дворъ Снорьиныхъ. Зарицкая и Люба угощали ее сластями и дарили ленты, цвѣтныя бусы и другія мелочи. Цыганка благодарила ихъ улыбками и кивками головы. Но когда разъ, въ присутствіи Ярмова, ее пустились разспрашивать: не желала ли бы она оставить свои странствованія и уличную пляску и поселиться въ домѣ, научиться шить, работать и вообще начать жить иначе, то танцовщица, звонко разсмѣявшись такому несообразному вопросу, рѣшительно замотала головой и, указавъ на домъ, объявила, что непремѣнно умерла бы въ такой тюрьмѣ.

— Пари держу, что тетушка Ида уже составила планъ перевоспитанія этой Эсмеральды! — шепнулъ женѣ случившійся тутъ Снорьинъ, на что Людмила Васильевна улыбнулась, кивнувъ головой, но попросила его благоразумно придержать языкъ.

Разъ Ида Павловна и спутники ея предприняли далекую прогулку за городъ и попали на татарское кладбище, гдѣ въ это именно время кого-то хоронили. Ярмовъ сказалъ, что хоронятъ женщину.

— Похороны очень богатые, но еслибы-это былъ мужчина, то вели бы его лошадь, съ шапкой покойника на лукѣ сѣдла и ружьемъ поперегъ его, — объяснилъ онъ.

— Но отчего же здѣсь нѣтъ ни одной женщины, все только одни татары? — спросила Люба.

— Это потому, — объяснялъ Данило Петровичъ,

— что у нихъ женщины никогда не провожаютъ на кладбище! Онѣ возвращаются съ половины пути.

— Какъ!? Неужели ни мать, ни сестра, ни подруги не сопровождаютъ покойницу не кладбище?

— Никто рѣшительно. Ни одна женщина, не только у мусульманъ, но и у армянъ, никогда не участвуетъ въ похоронныхъ церемоніяхъ внѣ дома. Пока мертвый не вынесенъ, онѣ и кричатъ, и воютъ, и лица себѣ въ кровь расцарапываютъ . . . Даже часто мать или жена возвѣщаютъ всѣхъ о смерти мужа или сына: всходятъ на верхъ, на плоскую крышу, вопятъ, рвутъ на себѣ волосы, царапаютъ до крови лицо и во все горло выхваляютъ добродѣтели умершаго; но на кладбище онѣ пойдутъ только на девятый день — поминать покойника.

— Какъ и у насъ! Тѣ же дни, что и у христіанъ? — спросила Зарицкая.

— Совершенно тѣ же, — подтвердилъ Ярмовъ. — У нихъ и кутью поминальную приготовляютъ, — *ханча* называется. Ее на нѣсколькихъ подносахъ всегда несутъ впереди гроба . . . Только у нихъ не рисъ варятъ, а сухіе фрукты, или халву. Если старикъ умираетъ, — несутъ одну халву; молодому нужно варить одни финики, а женщинамъ и дѣтямъ смѣшанные фрукты. Вотъ, хотите, узнаемъ по ханчѣ, кто умеръ.

— А развѣ можно пойдти посмотрѣтъ? — спросила Зарицкая.

— Можетъ быть они обидятся, что мы пришли? Христіанъ они вѣдь не любятъ? — замѣтила Люба, не рѣшаясь идти впередъ.

— Вотъ еще? — вскричалъ Коля. — Очень намъ

нужно обращать на нихъ вниманіе . . . Они не смѣютъ насъ прогнать . . .

— Положимъ, не смѣютъ, — возразилъ ему Ярмовъ, — но, я думаю, самимъ намъ было бы непріятно ихъ обидѣть . . . особенно въ такую минуту...

— Ну, разумѣется, разумѣется, — поддержали его мнѣніе Зарицкая и Люба.

— Ну, да вы подождете здѣсь, а намъ, мужчинамъ, можно пойдти. Пойдемъ, Колюша.

— Только, пожалуйста, не наглупи, Колька! Не засмѣйся, какъ нибудь не обидь ихъ, — говорила ему вслѣдъ сестра.

— Ты вѣчно съ глупостями! — обернувшись на ходу, отвѣчалъ ей обиженно Коля. — Что я, сумасшедшій, что ли?

— Ну, ну, успокойся, — смѣясь сказала ему Ида Павловна. — Присядемъ пока на камень, Любушка: можетъ они долго тамъ будутъ, а намъ еще идти далеко . . .

Онѣ сѣли, разговаривая и издали наблюдая, пока спутники ихъ возвратились и Коля не прервалъ ихъ бесѣды громкимъ крикомъ:

— Ну, тетя Ида! Жалость какая! Женщину хоронили, да какую молоденькую! . . Я какъ-разъ поспѣлъ, когда ее опустили въ могилу и какіе-то двое татаръ ее укладывали на правый бокъ на землю. Они ей зачѣмъ-то ротъ открывали, такъ отвернули покровъ, и я видѣлъ, что молоденькое, хорошенькое лицо . . . Гробъ тутъ же стоялъ . . .

— Какъ стоялъ? Зачѣмъ? развѣ ее безъ гроба клали? . .

— У татаръ въ гробахъ никогда не хоронятъ.

Только несутъ до кладбища, а въ могилу кладутъ человѣка прямо на землю, правой щекой внизъ и лицомъ на югъ, — объяснилъ Ярмовъ.

— Да, да, — подтверждалъ Коля, — на землю прямо, и ротъ ей, бѣдной, открыли . . . А потомъ досками и сѣномъ закрыли ее всю.

— Но зачѣмъ же ротъ открывать? — прервали его Люба и Ида Павловна.

— А это, видите ли, мусульмане думаютъ, что придутъ къ ней сегодня ночью два ангела, *Накиръ* и *Мюикяръ*, и будутъ они ее экзаменовать, такъ чтобы легче ей отвѣчать было.

— Какъ такъ — экзаменовать! — нетерпѣливо вскричала Люба. — Какъ можно такъ смѣяться, говоря объ умершей? . .

— Я не смѣюсь. Мусульмане вѣрятъ, что эти ангелы сойдутъ въ могилу и спросятъ: «Что есть Богъ? Что есть Коранъ? Кто былъ Магометъ?» . . на все это правовѣрный обязанъ отвѣтить? «Богъ единъ! Онъ сотворилъ весь міръ и меня; Коранъ, — книга законовъ Божьихъ, завѣщанныхъ чрезъ Магомета, который самъ былъ избранникъ Божій и пророкъ Его». Спросите Колю! Онъ видѣлъ самъ, какъ къ могилѣ, пока тѣло еще не было закрыто, подошелъ служитель при мечети и говорилъ все это въ назиданіе покойницѣ. Ты слышалъ, Коля?

— Слыхать-то слыхалъ, что онъ болталъ что-то на краю могилы . . .

— Ну, вотъ, это именно онъ и говорилъ. Ты, разумѣется, не могъ понять; но я давно знаю. Онъ увѣщевалъ умершую не бояться этихъ ангеловъ; говорилъ, что если она имъ хорошо отвѣтитъ, они воз-

несутъ душу ея прямо въ седьмой рай, гдѣ текутъ молочныя, винныя и медовыя рѣки въ шафранныхъ берегахъ, по золотому песку и всевозможнымъ драгоцѣннымъ камнямъ.

— Ого! славный татарскій рай! — вскричалъ Коля, оглядываясь на шедшихъ сзади его спутниковъ.

— Хорошо бы тамъ побывать! . .

Коля, какъ всегда, бѣжалъ въ авангардѣ, тогда какъ Люба шла рядомъ съ Идой Павловной. Кладбище оставалось уже за ними, а впереди далеко разстилалась волнистая мѣстность, — горы, безлѣсныя, но покрытыя сочной травой и мѣстами посѣвами. Окрестности Шемахи всегда были одной изъ богатѣйшихъ житницъ Закавказья.

Ярмовъ шелъ и на ходу разсказывалъ.

— Такія ли, братъ, диковинки въ раю Магомета! . . . Тамъ вся земля усыпана яхонтами, изумрудами да жемчугомъ, а на янтарь и бирюзу никто и смотрѣть не хочетъ: изъ нихъ всѣ берега райскихъ рѣкъ сдѣланы! . . А среди рая возвышается золотой дворецъ пророка. Онъ окруженъ золотыми и серебряными деревьями со всевозможными плодами. Но самое удивительное дерево стоитъ внутри дворца, пропуская безчисленныя вѣтви во всѣ окна. И представьте себѣ, что этихъ вѣтокъ такое безчисленное множество, что ихъ хватаетъ по одной на жилище каждаго правовѣрного! Такъ онѣ и протягиваются сами къ дверямъ райскихъ домовъ добрыхъ мусульманъ, и стоитъ только каждому пожелать какой-нибудь плодъ, вещь или чтобы-то ни было, какъ все это мгновенно является къ его услугамъ . . .

— Какъ?! Откуда же? — допрашивали дѣти.

— А выростаютъ сейчасъ на вѣткѣ этого удивительнаго дерева. Оно называется деревомъ счастья ..

— Еще бы! Какого еще нужно счастія? Что вздумаешь — и вотъ тебѣ сейчасъ! — въ восторгѣ кричалъ Коля. — Я, кажется, право, въ татары пойду!

Зарицкая и Люба разсмѣялись.

— Не спѣши, остановила его Ида Павловна. — Вѣдь не всѣ же татары въ рай попадутъ. Надо прежде его заслужить.

— Ну, какъ-нибудь заслужу! Надую Магомета...

— Нехорошо, Коля, такъ говорить, — оглядываясь, сказала Люба. — Мы окружены магометанами, а развѣ имъ такія слова могутъ быть пріятны? . . Данило Петровичъ, разскажите лучше, что же растетъ на этомъ деревѣ? . .

— На деревѣ-то? Да все, что захочешь: и фрукты, и деньги, и оружіе, и платье, и жаренные цыплята и фазаны, и блюда съ пловомъ, — все что пожелаешь.

— Ну, а домъ выросъ бы? . .

— Я думаю, что выросъ бы . . . Насчетъ дома вѣрно не знаю; а вотъ, что касается до лошадей, такъ сколько угодно! Только захоти — и конь такъ тебѣ съ вѣтки и свалится. Да еще съ сѣдломъ, и съ серебряною сбруею! . .

— Вотъ прелесть то! — воскликнулъ Коля, забивъ даже въ ладоши отъ полноты восторга.

— Да, такое деревцо очень пріятно имѣть въ своемъ распоряженіи . . .

— Я бы теперь сейчасъ захотѣла покойную коляску съ парой лошадей и кучеромъ, — сказала Люба.

— Только бы лошадей да коляску, а кучера не надо, — прервалъ Коля, — я бы тебя такъ къ самому дому и подкатилъ. Лихо!

— А ты устала, Любушка? — спросила Ида Павловна. — Мы съ вами, господа, большіе эгоисты: вѣчно забываемъ, что она не можетъ ходить такъ много, какъ мы.

— Нѣженка! Недотрога! — опять закричалъ ей братъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! Я могу ходить; только, подумайте, что намъ еще назадъ столько же идти надо, а ужь смеркается . . .

— У-у, трусиха!

— Перестань, Колька! . . Присядемъ, господа, — предложила Зарицкая, — отдохнемъ, да и до дому.

Такъ они и сдѣлали, но все же очень поздно вернулись въ этотъ разъ, потому что ихъ задержала на дорогѣ неожиданная встрѣча.

Подходя обратно къ татарскому кладбищу, они еще издали увидали какую-то фигуру, быстро бѣжавшую, на встрѣчу имъ, изъ города. Когда они подошли поближе, оказалось, что это бѣжала на кладбище женщина или, вѣрнѣе, дѣвочка, закутанная въ пестрое покрывало. Она неслась, не оглядываясь, къ той могилѣ, въ которую только-что зарыли женщину, и, добѣжавъ, быстро на нее опустилась.

Тутъ только наше маленькое общество замѣтило, что на могилѣ этой еще прежде кто-то лежалъ . . . Они невольно остановились.

Дѣвочка, взявъ лежавшаго на землѣ за руку, тащила, стараясь заставить его встать, и что-то быстро, убѣдительно ему говорила.

— Да это Астара! — вскричала Зарицкая.

— Бѣдняжка! Кто это у нея умеръ? — спросила Люба.

— Да нѣтъ! Это, вѣрно, не у нея, а у того бѣднаго мальчика, котораго она поднимаетъ . . . Посмотрите! Вотъ онъ сталъ на ноги . . . Несчастный! Это вѣрно мать его похоронили . . . Пойдемте, спросимъ, въ чемъ дѣло?

— Узнаемъ, нельзя ли помочь чѣмъ-нибудь? — въ одинъ голосъ сказали дѣти.

Они быстро направились, между плитами и чалмоносными надгробными памятниками, къ свѣжей могилѣ бѣдняжки Амилеты, надъ которой неутѣшно рыдалъ Али-Коджанъ, а Астара напрасно старалась его успокоить и уговорить идти домой.

— Домой?! . . — отчаянно повторялъ мальчикъ. — У меня теперь опять нѣтъ дома! . . Куда мнѣ идти? . . На побои да голодъ? . . Некому за меня заступиться . . . Нѣтъ голубки моей доброй! . . Нѣтъ Амилеты! . . Что мнѣ безъ нея дѣлать? . . Всѣмъ я чужой! . .

Ярмовъ, понимавшій слова мальчика, переводилъ ихъ, скороговоркой, растроганнымъ слушательницамъ и спросилъ, кого онъ такъ горько оплакиваетъ. Али испуганно встрепенулся, и чего дружескія просьбы подруги не могли заставить его сдѣлать, то сдѣлало вмѣшательство посторонняго: онъ быстро всталъ, отвернувшись отеръ слезы кулакомъ и, шатаясь, пошелъ прочь.

Ида Павловна пыталась-было остановить Астару, но та спѣшила вслѣдъ за Али и только кое-какъ отвѣтила на вопросы Ярмова.

— Бѣдный ребенокъ! — сказалъ, глядя имъ вслѣдъ, Данило Петровичъ. — Онъ — круглый сирота, чужой въ семьѣ похороненной здѣсь женщины. Оказывается, что она была къ нему добра, и потому-то онъ такъ и плачетъ по ней.

— Бѣдняжка! должно быть, онъ очень несчастенъ, — замѣтила со вздохомъ Люба.

— Что дѣлать, душа моя? Жизнь мало кого балуетъ! — отозвалась Зарицкая съ напускнымъ равнодушіемъ, къ которому всегда прибѣгала, когда чувствовала себя болѣе растроганной, чѣмъ желала показать окружающимъ.

Тѣмъ не менѣе, вернувшись домой, она никакъ не могла отдѣлаться отъ тяжелаго впечатлѣнія и долго думала о бѣдномъ маленькомъ татаринѣ, втайнѣ рѣшивъ, что непремѣнно узнаетъ о немъ все, разспроситъ Астару, при первой съ нею встрѣчѣ, и постарается ему какъ нибудь помочь.

Однако она нигдѣ не встрѣчала Астары, которая такъ была занята приготовленіями къ празднованію памяти Имама Гуссейна, что на время оставила свои уличныя пляски.

VII.

Празднество Имама Гуссейна.

Свои обычныя занятія оставила не одна Астара. Весь городъ готовился къ предстоявшимъ религіознымъ мистеріямъ, которыя требовали сложныхъ и многочисленныхъ приготовленій.

Время праздника приближалось. Снорьины были предупреждены, что увидятъ много оригинальныхъ и кровавыхъ уличныхъ сценъ. Дѣти заранѣе трепетали отъ ожиданія и восторгались разсказами людей бывалыхъ. Ида Павловна со всѣхъ сторонъ собирала свѣдѣнія о значеніи и происхожденіи этихъ народныхъ празднествъ и даже просила Ярмова написать все, что о нихъ знаетъ.

Какъ только начались предварительныя шествія съ бубнами и барабанами молодыхъ людей, которые по крайней мѣрѣ за недѣлю ходятъ по вечерамъ, размахивая палками, изъ дома въ домъ, возвѣщая приближеніе дней всеобщаго плача. — Ярмовъ, по общей просьбѣ дѣтей и взрослыхъ, прочелъ записанныя имъ историческія свѣдѣнія и преданія, которыя мы передадимъ вкратцѣ.

Кровавая драма, разыгравшаяся въ половинѣ VII вѣка по Р. Х. въ Малой Азіи, на берегахъ

Евфрата, была слѣдствіемъ того, что великій пророкъ мусульманства не озаботился указать преемника своей власти. Магометъ не имѣлъ сыновей; единственная же дочь его, Фатима, была замужемъ за его двоюроднымъ братомъ, Аліемъ, и имѣла двухъ сыновей: Гассана, умершаго въ молодости, и Гуссейна, называемаго его почитателями шіитами Имамомъ.

Алій и дѣти его имѣли всѣ права на престолъ калифа; но одинъ изъ внуковъ Абубекра, вотчима пророка Магомета, Муавій, завладѣлъ калифатомъ, когда Алія убили[1]), и сумѣлъ даже уговорить Гассана отречься отъ всякой власти. Однако меньшой внукъ Магомета, Гуссейнъ, былъ храбръ и честолюбивъ; онъ воспользовался первымъ народнымъ движеніемъ въ его пользу и, собравъ войско и 72 человѣка близкихъ ему, направился изъ Медины въ Месопотамію. Жители Куфы, столицы Месопотаміи и Сиріи, призывали его туда на царство, будучи недовольны слабымъ и несправедливымъ правленіемъ своего калифа Езида, сына Муавія. Езидъ испугался и уже готовъ былъ бѣжать, оставивъ престолъ меньшему сыну Алія, когда одинъ изъ вѣрныхъ сподвижниковъ отца калифа, мудраго Муавія, взялся поправить дѣло. Со многими тысячами войска онъ вышелъ на встрѣчу Гуссейну и окружилъ его небольшой отрядъ, отрѣзавъ его въ то же время отъ Евфрата, такъ что воины правовѣрнаго Имама, жены и дѣти его умирали отъ жажды. Вотъ собственно эти-то десять первыхъ дней Моггарема, впродолженіи которыхъ воины нечестиваго Езида истребляли прямое

[1]) Алія убилъ во время молитвы портной, котораго память суниты, послѣдователи Абубекра и Омара, очень уважаютъ.

потомство пророка, поклонники Алія и Гуссейна, шіиты, и изображаютъ въ уличныхъ процессіяхъ, выражая скорбь свою рыданіями и криками: «Шахъ Гуссейнъ» и собственными истязаніями. Восклицанія эти передѣланы толпой въ Шахсей-Вахсей, и всѣ празднества эти обыкновенно такъ и называются. Преданій объ этомъ десятидневномъ избіеніи алидовъ (потомковъ Алія) множество, а потому и представленія чрезвычайно разнообразны. Женъ, сестеръ, дѣтей Гуссейна избиваютъ вокругъ него и на рукахъ его; онъ самъ нѣсколько разъ прославляется величайшими подвигами, прорывается чрезъ все войско враговъ къ Евфрату, чтобы утолить невыносимую жажду своихъ близкихъ, и въ это время получаетъ 1951 рану. Ангелы являются помогать ему, но великій Имамъ отвергаетъ ихъ помощь, вѣря въ силу предопредѣленія. Наконецъ онъ палъ на десятый день и голова его была отправлена въ Куфу. Долина, гдѣ произошла эта драма, названа Кербъ и Белла, т. е. земля плача и горя, и до сихъ поръ извѣстна подъ названіемъ Кербелайской степи, въ 40 в. отъ Куфы.

Шіиты вѣрятъ, что когда Гуссейнъ былъ обезглавленъ, то два голуба спустились охранять кровь его отъ насѣкомыхъ; а когда полководецъ Езида повелѣлъ раздавить его тѣло конницѣ, то рабыня Физзе бросилась у опушки рощи на колѣна, моля Аллаха не допустить такого оскверненія крови пророка. Тогда изъ лѣсу вышелъ огромный левъ, который разогналъ всѣхъ лошадей и воиновъ Езида.

Большую роль въ преданіяхъ играетъ сестра Гуссейна, которая посылаетъ всѣхъ сыновей своихъ, даже малолѣтнихъ, на единоборство и смерть за него,

а также сынъ его, Али Экберъ, и его прекрасная невѣста, умирающая отъ горя послѣ убіенія своего жениха. Меньшаго сына Гуссейна, Зейнуль Абедина, и мать его, отправленныхъ въ Куфу живыми, Езидъ хотѣлъ тоже убить, но ихъ спасло вмѣшательство какого-то *франкскаго* посла, т. е. европейца, встрѣчавшаго, будто-бы, Гуссейна у самого пророка Магомета. Отрубленную голову Имама оскорбляютъ на глазахъ у этого посла, онъ негодуетъ и проситъ Аллаха засвидѣтельствовать, что Гуссейнъ избранникъ его. Голова произноситъ съ высоты копья, на которое ее воздѣли: — «Нѣтъ Бога кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Его!» Посолъ падаетъ ницъ и принимаетъ мусульманство.

Такихъ подробностей, служащихъ текстами для религіозныхъ представленій, именуемыхъ тэазіе, — множество.

Послѣ Кербелайскаго избіенія и утвержденія въ Месопотаміи, Сиріи и Аравіи владычества Езидовъ и суннитскаго толка алиды искали убѣжища въ Персіи, гдѣ были приняты съ почетомъ и распространили свою секту. . . Въ XV вѣкѣ персидская династія Сафидовъ, глубоко преданная Алію и его потомкамъ, учредила въ честь ихъ народныя представленія, которыя длятся десять дней, ровно столько же, сколько длилась битва между Езидомъ и Гуссейномъ. Праздникъ этотъ — переходный, время празднованія мѣняется, какъ наша Пасха, только въ гораздо болѣе значительный срокъ. Теперь празднества приходились въ самое жаркое лѣтнее время, въ началѣ іюля.

— Скорѣе, скорѣе собирайтесь! Ужъ началось, шествіе! — кричалъ Коля Снорьинъ, торопя надѣвавшихъ шляпки тетку и сестру, которыхъ Алексѣй Ильичъ и Ярмовъ давно ждали на балконѣ. — Ну что это, право? Съ вашими сборами только опоздаемъ!.. Мы уйдемъ! Непремѣнно уйдемъ безъ васъ: папа не хочетъ ждать!

— Хорошо, хорошо, несносный мальчишка! — возражали ему. — Папа и не думаетъ спѣшить; Данило Петровичъ только-что пришелъ съ базарной площади и говоритъ, что всѣ они еще въ мечети. Двадцать разъ успѣемъ придти до начала церемоніи.

Наконецъ всѣ двинулись по опустѣлымъ улицамъ къ центру стараго города. Весь народъ, старъ и малъ, уже былъ тамъ. Снорьины съ большимъ трудомъ, и то при помощи полицейскаго, протолкались къ дому одного богатаго купца и заняли приготовленныя имъ на балконѣ мѣста. Отсюда площадь, главная улица, проложенная въ гору, главный входъ въ мечеть и всѣ окрестности базара были видны, какъ на ладони. Все внизу и вверху: плоскія крыши, галлереи, окна, куполы зданій и балкончики минаретовъ было занято волновавшимся народомъ.

Церемонія началась сборомъ пожертвованій на устройство десятидневнаго празднества и пѣніемъ заунывныхъ пѣсенъ. Запѣвалами были муллы, одѣтые въ чалмы и бѣлые коленкоровые саваны, а подхватывались эти священные гимны и актерами и зрителями шіитами. Постепенно пѣвцы воодушевлялись; когда же появился изъ мечети татаринъ, изображавшій Имама Гуссейна, и какая-то женщина — (по роли) сестра его, бросилась предъ нимъ на колѣна,

умоляя его принять въ жертву жизнь всѣхъ ея сыновей, готовыхъ погибнуть въ защиту его, то пѣніе превратилось въ стоны и рыданія. Шахъ Гуссейнъ въѣхалъ на средину площади, на сей разъ изображавшей пустыню у береговъ Евфрата, и будто бы встрѣтивъ крестьянина, громко вопросилъ:

— Какъ зовутъ это горестное мѣсто?

— Кербэлаэ! — отвѣчаетъ ему встрѣчный: — земля плача и печали.

— Во истину это земля скорби, — отвѣчаетъ шахъ Гуссейнъ. — Здѣсь погибнетъ все прямое потомство пророка! . .

За этими словами раздались вопли и стенанія актрисъ и актеровъ, изображавшихъ семью и родственниковъ Гуссейна и брата его Гассана, которые вышли за нимъ со двора мечети со множествомъ верблюдовъ, навьюченныхъ имуществомъ Имама. Эти стоны и крики гуломъ пронеслись надъ подхватившею ихъ толпою; но громче всѣхъ раздавался отчаянно-заунывный голосъ самаго Имама, оплакивавшаго близкую свою гибель.

Этимъ окончилась утренняя церемонія. Снорьины оттуда прошлись по городу. Въ разныхъ мѣстахъ его были воздвигнуты разукрашенные троны, которые вечеромъ освѣщаются фонарями, факелами и кострами. Къ нимъ по звуку зурны или барабанному бою, собирается народъ, и начинаются шествія правовѣрныхъ, оплакивающихъ кончину Имама и всѣхъ его родичей. Едва начало смеркаться, толпы народа, изображавшаго воинство, спѣшившее на выручку Гуссейна, направились отъ главной мечети. Человѣкъ до ста, одѣтыхъ въ бѣлые фартуки, или вѣрнѣе юбки, съ обнаженными головами, спинами и руками,

стоя по-парно, лицомъ другъ къ другу, лѣвыми руками ухватывались за ременные пояса одинъ другого, а въ правыхъ держа — кто палку, кто шашку, кто веревку съ навязанными гирями, которыми они бичуютъ свое обнаженное тѣло, выступали мѣрными прыжками, подъ тактъ музыки и барабановъ. Шествіе это въ высшей степени оригинально. Вся линія бѣлыхъ фигуръ, съ криками: «Вай Гуссейнъ! Шахъ Гуссейнъ!» — дѣлаетъ большой шагъ впередъ, и тутъ же маленькій шагъ назадъ, что придаетъ процессіи видъ не ходьбы, а равномѣрныхъ прыжковъ. При этомъ они поворачиваютъ голову то вправо, то влѣво и жестоко себя истязаютъ. Видъ этихъ бѣсновавшихся фанатиковъ, ихъ залитыхъ кровью бѣлыхъ одеждъ и искаженныхъ лицъ, когда стемнѣло и всѣ они освѣтились краснымъ, неровно перебѣгавшимъ свѣтомъ факеловъ, наводилъ невольный ужасъ. Впечатлѣніе еще усиливалось стукомъ, криками, заунывнымъ пѣніемъ молельщиковъ, гуломъ толпы, волновавшейся по всѣмъ направленіямъ, выстрѣлами, трескомъ ракетъ и боемъ въ литавры и барабаны.

Люба Снорьина вернулась внѣ себя отъ впечатлѣнія, слишкомъ сильнаго для слабыхъ ея нервовъ, и напугала мать, разразившись истерическими слезами. Тутъ же было рѣшено, что она болѣе не пойдетъ смотрѣть церемоній этого праздника, а будетъ, вмѣстѣ съ Людмилой Васильевной, оставаться дома, довольствуясь тѣмъ, что можно будетъ видѣть изъ оконъ. Зато Коля торжествовалъ во всѣ десять дней, положительно сбиваясь съ ногъ и засыпая, какъ убитый, только поздно вечеромъ, съ тѣмъ, чтобы съ утра опять бѣжать на новое представленіе.

Всѣ слѣдующіе дни, вслѣдъ за этими прыгавшими фанатиками, выѣзжали и выступали самыя разнообразныя процессіи. То несли разукрашенныя носилки съ одеждами Алія, отца Гуссейна, (женатаго на дочери пророка Магомета, Фатьмѣ); то изображеніе руки его, на высокомъ шестѣ, то множество носилокъ, украшенныхъ парчею и пестрыми тканями, на которыхъ сидѣли дѣвочки и мальчики, изображавшіе дѣтей Гуссейна, бившіе себя въ грудь и оплакивавшіе отца. Иногда изображавшіе дѣтей и женъ Имама тянулись цѣлой вереницей на разукрашенныхъ верблюдахъ; а то молодой мальчикъ-шіитъ велъ окровавленную лошадь, на которой неподвижно лежалъ другой юноша, изображавшій убитаго старшаго сына Гуссейна. Въ рыдавшей невѣстѣ его, шедшей за окровавленнымъ тѣломъ, Ида Павловна узнала Астару, исполнявшую свою роль съ большимъ увлеченіемъ, Дня за три до окончанія празднества Моггарема носили даже великолѣпные гробы, унизанные монетами, закрытые персидскими шалями и парчей. Въ великолѣпномъ зеленомъ тахъ-тараванѣ (паланкинѣ) пронесли женщину, рыдавшую надъ тѣломъ Гуссейна, вѣроятно ту самую рабиню Физзе, которая спасла тѣло Имама отъ растерзанія копытами Езидовой конницы, приведя изъ лѣсу льва, разогнавшаго всѣхъ всадниковъ вражеской арміи. Такъ думала Ида Павлона, увидѣвъ, что вслѣдъ за зеленымъ паланкиномъ пронесли на ручной платформѣ зашитаго въ тигровую кожу мальчишку, долженствовавшаго изображать льва. Мальчишка рычалъ и двигался на четвереньках и даже высовывалъ языкъ бѣжавшимъ за нимъ товарищамъ, вѣроятно, принимая ихъ за

вражью конницу, которую долженъ былъ устрашить . . . Предъ *львомъ* лежала сабля Имама Гусссейна, а къ ней была привязана пара голубей, въ память того, что птицы эти спустились къ тѣлу его, когда оно было обезглавлено, и отгоняли несѣкомыхъ отъ священной крови пророка.

Въ послѣдніе дни праздника видъ израненыхъ лицъ, изрѣзанныхъ плечъ и рукъ, окровавленныхъ бѣлыхъ савановъ участниковъ этихъ звѣрскихъ процессій былъ ужасенъ. Народъ былъ до того возбужденъ этими бѣснованіями, что не мусульманамъ было очень опасно вмѣшиваться въ толпу. Иновѣрцамъ не разъ случалось жестоко платиться за свое любопытство. Одного татарина суннита, посмѣвшаго засмѣяться надъ кѣмъ-то изъ актеровъ, чуть не убили. Разъ также крѣпко досталось колонистамъ нѣмцамъ, которые осуждали открыто жестокій обычай разрѣзать лица не только взрослымъ, но и бѣднымъ дѣтямъ, ничего не понимающимъ. Фанатизмъ матерей доходитъ до того, что онѣ сами наносятъ раны и побои своимъ дѣтямъ, вслѣдствіе даннаго обѣта, которымъ надѣются заслужить милость пророка. Въ прежнія времена шіиты очень часто нарочно заставляли исполнять роли Езида и его воиновъ несчастныхъ иновѣрцевъ, чтобы имѣть право избить ихъ чуть не смертельно. Теперь этого, разумѣется, не можетъ случиться.

Въ утро послѣдняго дня этихъ торжествъ мимо Снорьиныхъ проѣхали двѣ такія интересныя группы, что Коля бросился умолять отца и тетку — пойти за ними и посмотрѣть еще разъ, — въ послѣдній разъ — на праздникъ. Пришлось потѣшить мальчика, исполнить его желаніе . . .

Толпы народа направлялись теперь за городъ, вслѣдъ за медленно ѣхавшей, верхомъ на бѣлой лошади, разрисованной красной краской, потѣшной фигурой въ красной чохѣ, съ сѣдою подвязанною бородою, въ шлемѣ, увѣшанномъ четками, золотыми цѣпочками, ослѣпительно сіявшими на солнцѣ. Это былъ презираемый полководецъ Езида, за которымъ оруженосцы вели связанною толпу, изображавшую плѣнныхъ. Одинъ изъ этихъ мнимыхъ плѣнниковъ, небольшой мальчикъ, весь израненный, съ лицомъ, страшно измученнымъ страданіемъ, привлекъ вниманіе Зарицкой.

— Посмотри, Коля, — вскричала она, — это, кажется, тотъ мальчикъ, котораго мы видѣли на кладбищѣ съ Астарой? Помнишь? . . Посмотри, онъ едва передвигаетъ ноги. Бѣдняга! . . Какъ они его измучили! . .

Но вниманіе Коли въ этотъ моментъ было занято другими предметами. Онъ смотрѣлъ на ѣхавшую теперь мимо нихъ арбу, всю разукрашенную кумачемъ и разноцвѣтнымъ каленкоромъ. На ней возсѣдалъ актеръ, изображавшій самого Езида, въ уморительной шапкѣ, составленной изъ трехъ заостренныхъ зеркалъ, съ развѣвавшимися пестрыми платками. Рядомъ съ нимъ сидѣла фигура еще смѣшнѣе: татаринъ — по всему, кромѣ шляпы-цилиндра, сшитаго изъ ситца и множества привязанныхъ косъ, падавшихъ ему на плечи. Эта фигура должна была изображать европейскаго или, какъ они называютъ, — *франкскаго* посла.

Ѣхали они, покачиваясь, на высокой арбѣ и вели серьезные разговоры, время отъ времени набивая

ротъ пригоршнями плова, котораго передъ ними поставлено цѣлое блюдо. За ними — зурна, литавры, барабаны исполняли самый раздирательный концертъ, а толпа женщинъ съ исцарапанными лицами слѣдовала за арбой, жестоко колотя себя въ грудь и теребя за волосы въ знакъ отчаянія.

Весь народъ, и добровольные мученики, шутовски наряженные актеры, спѣшили за городъ, на обширный лугъ, гдѣ должно было совершиться послѣднее дѣйствіе мистеріи. Тамъ народныя толпы сплошной стѣною окружили нѣчто вродѣ будки или павильона, куда тотчасъ же засѣли Езидъ и посланникъ — въ ожиданіи извѣстія съ поля битвы. Пробраться ближе нечего было и думать, если бы Снорьиныхъ не примѣтилъ полиціймейстеръ и, подъѣхавъ верхомъ къ Алексѣю Ильичу, не помогъ бы имъ пробиться ближе къ сценѣ.

Едва они оглядѣлись, остановившись почти рядомъ съ будкой Езида, какъ Ида Павловна чуть не вскрикнула отъ ужаса, и самъ храбрый Николай Алексѣевичъ закрылъ лицо руками и закричалъ:

— Тетя, тетя! Папа! что это они съ собой сдѣлали?. . Они умрутъ!. . Господи, какой ужасъ!. .

Стоявшіе возлѣ нихъ переводчикъ Снорьина и полицейскій начали увѣрять ихъ, что отъ этихъ *священныхъ* ранъ не умираютъ; что нѣкоторые каждый годъ себя такъ истязаютъ, но вылечиваются вскорѣ послѣ празднества.

Однако Коля не могъ успокоиться и смотрѣть безъ содроганія на группу фанатиковъ-шіитовъ, расположившуюся противъ грознаго халифа и франкскаго посла, а Зарицкая прикрылась зонтикомъ, чтобы совсѣмъ ихъ не видѣть.

Это были по большей части люди пожилые; но было нѣсколько юношей и даже одинъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, къ которому то и дѣло подходила какая-то закутанная въ чадру старуха и хладнокровно поправляла кинжалы, воткнутые ему подъ кожу плечъ. Изъ-подъ кинжаловъ кровь струилась на его худенькое тѣло и бѣлый фартукъ, и лицо мальчика сурово напрягалось, чтобы не выказать страданія. Всѣ эти люди сидѣли полуголые, окровавленные. У иныхъ было воткнуто по четыре кинжала за кожу на шеѣ и груди; у другихъ, отъ локтей до плечъ, болтались продѣтые въ тѣло желѣзные замки; у третьихъ — какія-то палочки или заостренный тростникъ прокалывалъ кожу на лбу. Кромѣ того, нѣкоторые били себя до ранъ желѣзными цѣпями, гирями; иные остріемъ шашекъ и кинжаловъ ударяли себя по лбу, плечамъ, колѣнамъ и едва не истекали кровью. Черными пятнами запекалась кровь на ранахъ и бѣлыхъ покрывалахъ этихъ изувѣровъ, твердо вѣровавшихъ въ святость этого обряда и свою заслугу передъ Аллахомъ и Магометомъ . . . Истязая себя и дѣтей своихъ, шіиты убѣждены, что каждая рана, нанесенная въ знакъ печали объ избіеніи внука и правнуковъ пророка, несомнѣнно приближаетъ ихъ къ его раю, а потому они считаютъ постыднымъ бояться обязательныхъ пытокъ священнаго мѣсяца Моггарема или выказывать слабость при совершеніи ихъ.

Поодаль отъ этой главной группы, вокругъ площади, чинно сидѣли, поджавши ноги, шіиты, тоже всѣ изрѣзанные и въ крови, но далеко не такъ страшно себя изранившіе.

Вскорѣ началось послѣднее дѣйствіе десятиднев-

ной драмы. Имамъ Гуссейнъ, съ дѣтьми и родственниками и еще уцѣлѣвшими отъ пораженія войсками халифа Изида, выѣзжаетъ на поле, умоляя враговъ дать воды — утолить жажду малыхъ дѣтей его. «Неужели правнукамъ Магомета вы дадите умереть лютой смертью отъ жажды?» — говоритъ онъ. Воины отвѣчаютъ: «Если бы міръ переполнился водою, мы и тогда не дали бы тебѣ ни капли!» Тогда Гуссейнъ прорывается сквозь ихъ полчища, набираетъ въ Евфратѣ воды для своего меньшаго сына, но выливаетъ ее, когда ему объявляютъ ложное извѣстіе, что тотъ, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ семействомъ, уже убитъ. Онъ спѣшитъ обратно къ своимъ родичамъ, но на пути окруженъ непріятелемъ, получаетъ 1.951 рану (въ ознаменованіе этихъ ранъ правовѣрные шіиты и стараются какъ можно большее число ранъ нанести и себѣ), и хотя по зову его на выручку готова къ нему спуститься толпа ангеловъ, но онъ, мужественно отвергаетъ эту помощь, отдавая себя на волю Аллаха. Нечестивый полководецъ Шимръ поражаетъ его и отрубаетъ ему голову. Тутъ множество дѣвочекъ, изображавшихъ небесное воинство, бросается на тѣло Имама съ воплями «Шахъ Гуссейнъ! Вай Гуссейнъ!» Воины очень неучтиво ихъ гонятъ, отталкиваютъ, не взирая на то, что онѣ изображаютъ ангеловъ; вздѣваютъ голову Гуссейна на пику и несутъ ее въ Куфу, то-есть въ будку, гдѣ Езидъ въ красной круткѣ и посолъ въ цилиндрѣ уже съѣли весь пловъ и ждутъ ихъ давно.

Не смотря на тяжелое впечатлѣніе, произведенное видомъ ранъ и крови, Снорьины не могли не разсмѣяться, увидавъ рожу изъ тряпокъ и бумаги,

вздѣтую на шестъ вмѣсто головы благообразнаго татарина, игравшаго роль Имама Гуссейна

— Вотъ участь тѣхъ, кто мнѣ противится! — говоритъ халифъ, толкая голову ногой со ступенекъ трона.

Посланникъ дивится, что онъ такъ обходится съ пророкомъ, внукомъ Магомета.

— Онъ былъ ложный пророкъ! — восклицаетъ Езидъ.

Вдругъ *голова* произноситъ громко:

— Это ложь! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ, отецъ моей матери, пророкъ Его! . .

Посолъ падаетъ ницъ, крича:

— Я — мусульманинъ! Отнынѣ я — шіитъ! . .

Что тутъ произошло — трудно описать! Стонъ и вопль пронесся надъ равниной. Толпы заволновались, какъ бѣшеныя. Кто бросался, въ экстазѣ, ницъ, съ громкимъ пѣніемъ молитвъ, кто колотился о землю, кто тѣснился къ трону, откуда бѣдный Езидъ бросился поскорѣе подъ защиту нашихъ полицейскихъ. И хорошо онъ сдѣлалъ: увлеченная толпа могла легко забыть, что онъ только *актеръ*. Бывали примѣры, что несчастныхъ Езидовъ не только били, но и убивали . . . Павильонъ его съ трономъ мигомъ былъ разнесенъ въ щепки, и Снорьины были очень довольны, когда, при помощи многихъ знакомыхъ и нѣсколькихъ полицейскихъ, выбрались на открытое мѣсто.

Густыя толпы пѣшаго люда возвращались въ городъ, славя Гуссейна пѣніемъ стиховъ, сложенныхъ на кербеллайскую битву; множество всадниковъ скакало между ними съ гикомъ, свистомъ и стрѣльбою.

Нѣкоторыхъ израненныхъ, обезсиленныхъ потерей крови, несли и везли прямо въ татарскія бани, гдѣ туземные доктора цѣлую недѣлю будутъ заняты ихъ леченіемъ. Говорятъ, смертные случаи дѣйствительно бываютъ рѣдко, но они считаются большимъ счастіемъ, не только для погибшаго въ честь Гуссейна, но и для всего дома его. Сорокъ дней еще послѣ этого празднества шіиты облечены въ трауръ, не занимаются дѣлами, не брѣются, постятся и усиленно молятся.

Долгое время послѣ этихъ представленій въ городахъ, гдѣ они происходятъ, только о нихъ и говорятъ. Теперь ихъ исполняютъ далеко не такъ торжественно, какъ бывало въ тѣ годы, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь: но все же они производятъ большое впечатлѣніе на пріѣзжихъ.

Снорьины, въ особенности дѣти и Ида Павловна, вели о нихъ часто разговоры между собой и со знакомыми татарами. Имъ очень хотѣлось скорѣе встрѣтить Астару, чтобы разузнать у нея о подробностяхъ нѣкоторыхъ пропущенныхъ ими церемоній, а также узнать объ участи бѣднаго мальчика, котораго они видали на кладбищѣ. Но, какъ нарочно, танцовщица словно пропала!

Дѣло въ томъ, что дѣдъ Фейзулла не могъ оправиться еще отъ нанесенныхъ имъ себѣ ранъ и не ходилъ съ своей обезьяной. Астара ухаживала и за нимъ, и за бѣднымъ Али-Коджаномъ, крѣпко разболѣвшимся не столько отъ ранъ, сколько отъ душевнаго горя: онъ не могъ утѣшиться въ потерѣ Амилеты, не могъ забыть ее. Его увѣрили, что чѣмъ больше онъ себя изранитъ въ память умершей, тѣмъ

блаженнѣе будетъ душа Амилеты; онъ далъ обѣтъ въ память ея и добросовѣстно его исполнилъ, изрѣзавъ себѣ всѣ руки и плечи. Онъ даже просился въ ряды сидѣвшихъ предъ трономъ Езида; просилъ, чтобы и ему воткнули кинжалъ или продѣли замки въ руки, чего самъ онъ не умѣлъ сдѣлать. Дѣдъ Астары, весь увѣшанный замками и израненный кинжалами, уже готовъ былъ исполнить его просьбу, но внучка его побѣжала сказать объ этомъ Мамаду-Унанъ-Оглы, и тотъ не позволилъ, говоря, что мальчикъ еще слишкомъ малъ. Привязанность сироты къ любимой женѣ его, которую Мамадъ и самъ не могъ забыть, расположила къ нему татарина настолько, что онъ не позволялъ старой Шаги обижать его. Когда Али привели окровавленнаго и обезсиленнаго съ послѣдняго акта *тэазіе*[1]), то онъ приказалъ омыть его раны и призвать цыганку Шушану, которая славилась своимъ умѣніемъ залечивать эти разрѣзы. Шушана прикладывала къ нимъ теплый навозъ, перевязывала его по два раза на день, и хотя бѣняжкѣ было очень больно, но раны скоро затянулись. За то внутреннія его раны не заживали! Онъ плакалъ, тосковалъ, пропадалъ на кладбищѣ, за что̀ много выносилъ отъ Шаги пинковъ и брани, и наконецъ крѣпко заболѣлъ. Мамадъ въ это время былъ въ отлучкѣ по своимъ торговымъ дѣламъ. Бѣдняжкѣ Али пришлось очень плохо. Его уложили въ сараѣ на мосткахъ, гдѣ въ лѣтнія ночи спалъ старый сторожъ, а днемъ сидѣли однѣ куры. Тутъ лежалъ онъ на соломѣ, въ жару и бреду, безъ всякой помощи, и только одна старая служанка, также очень любившая Амилету, иногда

[1]) Представленіе.

заходила, чтобы поставить ему кружку съ водой или согнать облѣплявшихъ его мухъ.

Тутъ разыскала его Астара, забѣжавшая узнать, что его такъ долго не видно. Дѣвочка ахнула, увидѣвъ его, и, по свойственной ей горячности, необдуманно вспылила и разбранилась за него со старшей хозяйкой. Этимъ она, разумѣется, не улучшила его положенія, а только себѣ самой заперла къ нему двери. Перепугалась дѣвочка того, что надѣлала! . . Каждый день прибѣгала она къ калиткѣ, но напрасно: Шаги строго приказала не впускать ее. Только отъ работницы узнавала она, что Али-Коджану не лучше.

Разъ она возвращалась, очень огорченная, домой, къ бранчивому дѣду, когда ее вдругъ окликнули. Она взглянула и узнала Колю Снорьина и господина, который разспрашивалъ ее на могилѣ Амилеты. Ярмовъ разспросилъ ее тотчасъ же объ Али, а Коля, узнавъ въ чемъ дѣло, упросилъ Астару идти съ ними и разсказать все самой Идѣ Павловнѣ. Когда Астарѣ сказали, что маленькому ея пріятелю помогутъ, приведутъ къ нему доктора и будутъ заботиться о немъ, она охотно рискнула гнѣвомъ стараго Фейзуллы, всегда сердившагося на нее за долгія отлучки, и пошла къ Снорьинымъ.

Зарицкая ей очень обрадовалась. Хотя она выслушала съ притворнымъ равнодушіемъ разсказъ объ бѣдномъ сироткѣ-татаринѣ, но тутъ же рѣшила, что сама пойдетъ къ нему вмѣстѣ съ докторомъ. Астара постаралась передать чрезъ Ярмова какъ можно краснорѣчивѣе все, что знала объ Али-Коджанѣ, не забывъ и его предположенія о томъ, что онъ хри-

стіанинъ. Астара хотя сама этому не вѣрила, но хитро разсчитывала, что такіе намеки произведутъ хорошее дѣйствіе. Она не ошиблась. Не столько Ида Павловна, сколько дѣти, заахали надъ разсказомъ Астары и сейчасъ же вполнѣ увѣрились, что этотъ мальчикъ — русскій, попавшій въ плѣнъ къ лезгинамъ.

— Ну ужъ, по крайней мѣрѣ, не русскій, а грузинъ, — останавливали ихъ старшіе. — А всего вѣрнѣе, что это вздоръ, выдуманный сестрой его въ защиту отъ русскихъ солдатъ.

Но дѣти этого и слышать не хотѣли.

— Грузинъ или русскій — все равно. Онъ христіанинъ, — вотъ что главное! Мы непремѣнно должны за него вступиться, помочь ему, говорила Люба.

На это Ида Павловна ничего не возразила, но измѣнила свое намѣреніе ѣхать завтра и, никому не сказавъ ни слова, пропала изъ дому на нѣсколько часовъ, захвативъ съ собою Астару и хорошо знакомаго доктора.

Когда на другой день дѣти пристали къ ней, напоминая, что надо же что нибудь сдѣлать для бѣднаго больного мальчика, она нехотя отвѣчала, чтобы они не безпокоились, что мальчику подана уже помощь. Зная ея своеобразный характеръ, Людмила Васильевна отозвала дѣтей и шепнула Колѣ, чтобы онъ оставилъ тетку въ покоѣ, потому что она лучше ихъ знаетъ, что дѣлаетъ. Любѣ незачѣмъ было объяснять: какъ только Зарицкая нахмурилась и отрывисто отвѣтила на ихъ горячія напоминанія, она сразу догадалась въ чемъ дѣло и объяснила недоумѣвавшему брату, какъ только они съ нимъ остались одни, что

тетя уже побывала у Али-Коджана и навѣрно все хорошо устроила.

Съ этихъ поръ Ида Павловна стала аккуратно каждый день навѣщать «больнаго татарченка», какъ говорилъ докторъ Алексѣю Ильичу, дивясь «фантазіи» его родственницы.

— Некуда родственницѣ вашей денегъ дѣвать, — смѣялся онъ — Мало того, что по ея настоянію мальчугана перенесли изъ курятника въ порядочную комнату, — она дала старой вѣдьмѣ, у которой онъ живетъ, денегъ на подушки и постель, заплатила ей за его пищу . . . Да теперь еще выдумала его самого одѣть . . . Я говорю, погодите: еще, можетъ быть, умретъ; болѣзнь-то сложная, мозговая. Такъ она на меня такъ за это разсердилась . . .

— О! она у насъ строгая: — смѣясь, отвѣчалъ Снорьинъ. — И странная особа, право! Вѣдь — ни гугу, ни слова намъ не говорила . . .

— И съ меня слово молчанія взяла. «Вы, говоритъ, смѣетесь надо мной изъ-за этого, да еще другіе будутъ подымать на смѣхъ, — спасибо! . . Свѣтъ, говоритъ, нашъ таковъ, что скорѣе злое проститъ, чѣмъ доброе дѣло». Оригиналка! — заключилъ докторъ.

Снорьинъ въ тотъ же день разсказалъ объ этомъ женѣ; она шепнула дѣтямъ, чтобы ихъ порадовать, и поднялось шушуканіе и довольное пересмѣиваніе. Люба умоляла брата не проболтаться тетѣ, боясь, что та разсердится и, пожалуй, охладѣетъ изъ-за этого къ бѣдному больному мальчику, который теперь иначе не представлялся ей, какъ украденнымъ или взятымъ въ плѣнъ горцами христіаниномъ.

Но съ Колей сговариваться было трудно. Еще если бы онъ былъ къ дѣлу равнодушенъ, а то ему до смерти хотѣлось самому поскорѣе видѣть Али и вмѣшаться въ судьбу его. Какъ же тутъ устоять? Дня два онъ крѣпился, только вертясь вокругъ тетки, когда видѣлъ, что та собирается выйти изъ дому, все надѣясь, не позоветъ ли она его съ собою. На третій день онъ не выдержалъ. Едва кончили обѣдать, какъ Ида Павловна, по обыкновенію, пошла въ свою комнату за шляпкой. Коля, выскочивъ вслѣдъ за нею, помѣстился за дверями въ передней, держа и свою шляпу наготовѣ, въ ожиданіи ея. Едва Зарицкая вышла, какъ Коля уже былъ возлѣ нея:

— Теточка, милая, куда вы? . . Возьмите и меня! Пожалуйста, возьмите! . . Ну что, право, какъ мы давно съ вами не гуляли! . . Зачѣмъ вы теперь все безъ меня ходите? . .

— Да я не гулять иду, голубчикъ! — смущенно отвѣчала Ида Павловна, захваченная врасплохъ. — Я не могу брать тебя съ собою . . . пока. Вотъ, погоди нѣсколько дней, когда онъ поправится . . . то-есть, когда докторъ скажетъ, что нѣтъ опасности . . .

— Какой опасности? Кто поправится? — спросилъ Коля, притворившись, будто не понимаетъ, въ чемъ дѣло.

— Да этотъ . . . татаринъ . . . вотъ, больной, къ которому я ѣзжу . . . мальчикъ этотъ . . . Ну, да ты знаешь! — нетерпѣливо вскричала Зарицкая, недовольная тѣмъ, что проговорилась.

— Ахъ знаю, знаю, тетя! Такъ ты къ нему ѣздишь? И ничего не сказала! . . Видишь, какая ты! . . Возьми и меня! Пожалуйста, душечка, дорогая, возьми!

— Ну, да отстань же, Колька! Вѣдь я же говорю тебѣ, что еще нельзя. Богъ знаетъ, не заразительная ли у него горячка какая-нибудь . . . Какъ же могу васъ брать съ собою, рисковать? . .

— А собою рисковать можешь? — вмѣшалась вдругъ откуда-то появившаяся Люба.

— Ну, вотъ еще ты! — вскричала Зарицкая. — Я и вы — большая разница . . . Кому я нужна особенно? . . Я — взрослый, старый человѣкъ, а къ дѣтямъ заразительныя болѣзни скорѣе пристаютъ . . .

Но тутъ дѣти дружно на нее напали, укоряя въ несправедливости къ нимъ и увѣряя ее, что она очень, очень имъ нужна; что они ее любятъ чуть ли не столько же, какъ и отца съ матерью, и что ей стыдно думать иначе и стыдно быть такой скрытной . . .

Однимъ словомъ, бѣдную тетю Иду совсѣмъ сконфузили и очень растрогали. Она попробовала-было разсердиться, но ничего изъ этой попытки не вышло, такъ что пришлось наконецъ разсмѣяться, сознаться во всемъ, что она затѣяла, и пообѣщать, какъ только Али поправится, взять ихъ обоихъ съ собою. Только это обѣщаніе, да вмѣшательство отца, заставило дѣтей выпустить Иду Павловну на волю.

Черезъ нѣсколько дней она сама позвала обоихъ дѣтей и повезла ихъ въ домъ Мамада-Унанъ-Оглы — познакомить съ мальчикомъ, спасеннымъ ею отъ смерти. Шаги и Сулеймина встрѣчали всегда съ почетомъ богатую русскую ханумъ (госпожу), не жалѣвшую денегъ. Въ глазахъ Шаги это было величайшее дотоинство; а Сулеймина была просто рада-радешенька развлеченію . . . Привязчивый по природѣ, одаренный сердцемъ, требовавшимъ самой ни-

тожной ласки, чтобы самому полюбить горячо, Али за свою болѣзнь не только привыкъ къ своей новой покровительницѣ, но весь вспыхивалъ радостью, когда она показывалась. Онъ немножко растерялся теперь, увидѣвъ, что она не одна, но тотчасъ же улыбнулся дѣтямъ и протянулъ Колѣ свою исхудавшую ручонку, когда тотъ подалъ ему свою. Ему позволено было уже встать. Теперь онъ сидѣлъ на тахтѣ, обложенный мутаками (подушками), одѣтый въ купленное Зарицкою чистое бѣлье, и казался такимъ безпомощнымъ, кроткимъ и хорошенькимъ ребенкомъ, что сердца обоихъ дѣтей забились живымъ къ нему сочувствіемъ. Что же касается Иды Павловны, то хотя сердце ея было всегда открыто всѣмъ страждущимъ и нуждавшимся, но никакое постороннее горе, казалось ей, никогда не возбуждало въ ней такой жалости и такого горячаго желанія помочь и исцѣлить его вполнѣ. Она сама не понимала, что̀ именно въ этомъ чужомъ ребенкѣ привлекало ее и возбуждало въ ней чувство привязанности; но фактъ былъ тотъ, что вначалѣ, помогая ему просто изъ человѣколюбія, она мало-по-малу такъ полюбила его, что продолжала ухаживать за нимъ и заботиться о немъ уже не по христіанской обязанности, а ради его самого и ради любви къ бѣдному, всѣмъ чужому мальчику. Болѣзнь, согнавшая грубость и загаръ съ лица Али, и чистота, окружавшая его теперь, еще болѣе усиливали природную красоту Али-Коджана. Его вьющіеся, густые, черные волосы отросли во время болѣзни и картинно оттѣняли похудѣвшее личико съ правильными, тонкими чертами и парою черныхъ, задумчивыхъ глазъ, казавшихся несораз-

мѣрно большими. Странное выраженіе въ этихъ глазахъ мольбы и испуга, привитое, вѣроятно, тяжкою жизнью, полной трагическихъ эпизодовъ, несказанно трогало каждаго человѣка, одареннаго чувствомъ. Когда къ нему неожиданно или рѣзко обращались, мальчикъ имѣлъ привычку испуганно откидываться назадъ, устремлять на мигъ вопросительно глаза, рѣзко оттѣненные черными длинными рѣсницами, прямо въ лицо говорившаго, и въ ту-же секунду опускать и взглядъ, и голову, словно покоряясь ожидаемому удару. Это движеніе дѣти сейчасъ же замѣтили и поняли его значеніе.

— Бѣдный мальчикъ! Сколько онъ, должно быть, намучился въ жизни . . . И какой прелестный! . . Я ни за что, ни за что не повѣрю, чтобы онъ былъ татаринъ, — говорила Люба, — Своего бы они жалѣли . . . Да и типъ у него не татарскій.

— Кто эти типы ихъ разберетъ! — возразилъ ей братъ. — Не въ томъ дѣло, а жалко, что онъ не говоритъ по-русски, — разсказалъ бы намъ все о себѣ... Хотѣлъ бы я поговорить съ нимъ . . .

— Теперь онъ еще слишкомъ слабъ, чтобы говорить, — замѣтила Ида Павловна, — а когда окрѣпнетъ, мы съ собой привеземъ Данилу Петровича: онъ будетъ нашимъ переводчикомъ.

— Ахъ! вотъ отлично! — захлопалъ Коля радостно въ ладоши. — Этакъ мы скоро узнаемъ, правду ли говорила Астара.

— Тише, ты его пугаешь, Коля! — Посмотри, какъ онъ вздрогнулъ.

— А скоро можно привезти Ярмова? — не унимался Коля. — Завтра можно? . .

— Нѣтъ завтра нельзя. Да я и самого тебя не возьму, если ты будешь такъ суетиться.

— Нѣтъ, я ничего! . . Онъ — хорошій! — заявилъ неугомонный мальчикъ, проводя рукою по волосамъ Али, который, улыбаясь, несмѣло вскинулъ на него глаза. — Только, кажется, баба немножко...

— Скажите, пожалуйста! Вотъ глупый мальчишка! — разсердилась Люба. — Онъ, бѣдняжка, еле живъ, а тутъ . . Не хочешь ли ему предложить въ чехарду съ тобой поиграть?

Ида Павловна засмѣялась, а Коля, повернувшись хладнокровно на каблукѣ, подошелъ къ окну и вскричалъ:

— Э! . . какой у нихъ тутъ садъ славный! Гранаты-то, гранаты какія красныя, большущія висятъ. Я пойду въ садъ . . . Можно?

— Только рвать чего нибудь не вздумай! Тутъ хозяйка-старуха такая скупая, что еще тебя поколотитъ, — смѣясь закричала ему вслѣдъ Зарицкая.

Коля обѣгалъ весь садъ. Сулеймина вышла за нимъ и попотчивала его виноградомъ и гранатами, на что Шаги крѣпко покосилась, но ничего не сказала, потому что Зарицкая только-что ей щедро заплатила за куриный супъ и вино, которые каждый день давали больному.

Дѣти, особенно Люба, стали почти ежедневно навѣщать «тетинаго мальчика», какъ его прозвалъ Коля. Они привозили ему картинки, и Люба очень усердно заставляла его повторять вслѣдъ за нею названія разныхъ предметовъ, нарисованныхъ на нихъ, а также и находившихся въ комнатѣ. Онъ повторялъ, сначала конфузясь, очень несмѣло; потомъ охотнѣе и

веселѣе, очевидно понимая, что его учатъ по-русски. Нѣсколько разъ съ ними пріѣзжалъ Ярмовъ, и тогда Люба пользовалась его присутствіемъ, чтобы научить Али значенію нѣсколькихъ самыхъ обыкновенныхъ и необходимыхъ фразъ, которыя онъ добросовѣстно затверживалъ къ слѣдующему ея посѣщенію. Женщины и Астара, часто навѣщавшая его теперь, смѣясь разсказывали имъ, что Али-Коджанъ цѣлые дни твердитъ, какъ попугай, русскія слова и фразы, только и мечтая о томъ времени, когда будетъ говорить съ ними свободно.

— Славный, чудный мальчикъ! — то и дѣло восклицала Люба, въ восторгѣ отъ своего ученика. — Онъ такой понятливый! Я увѣрена, что, если бы его взять къ намъ, онъ бы въ мѣсяцъ научился говорить.

И она посматривала вызывающимъ взглядомъ на свою тетю, которая и сама теперь крѣпко призадумывалась о томъ, какъ бы разумнѣе довести до конца свое дѣло.

Въ особенности сильно задумалась надъ этой задачей Зарицкая, разспросивъ подробно Али, при посредствѣ Ярмова, о его прошлой жизни, о странныхъ словахъ умиравшей женщины, которую онъ считалъ всегда своею сестрой, но которая, предъ смертью, говорила ему, что онъ совсѣмъ ей не братъ, и умоляла его помнить, что онъ христіанинъ-князь, и идти безбоязненно къ русскимъ, какъ къ своимъ единовѣрцамъ и друзьямъ. На бѣду, Али забылъ совершенно фамилію, названную ему Пелой, но обстоятельства набѣга горцевъ, пожара въ какой-то церкви и жизни ихъ въ горахъ помнилъ хорошо и подробно разсказы-

валъ, не сбиваясь и не путаясь въ показаніяхъ. Начиная со страшной сцены убійства дѣда Ибрагима и Рагима, брата мужа Пелы, въ пещерѣ у ручья, во время кровавого дѣла возлѣ ихъ аула, Али-Коджанъ самъ все хорошо помнилъ. Онъ разсказывалъ о горькой жизни ихъ, затѣмъ у муллы, о смерти Пелы и о томъ, какъ онъ попалъ въ плѣнъ къ русскимъ солдатамъ и какъ они не хотѣли вѣрить и смѣялись надъ нимъ, когда онъ называлъ себя христіаниномъ. Онъ разсказывалъ все это съ такою увѣренностію, рѣчь его дышала такою правдой, что сомнѣваться не было возможности. Зарицкая, Ярмовъ и дѣти слушали его съ живымъ интересомъ и совершенно убѣдились, что онъ не татаринъ, а грузинъ, взятый въ плѣнъ изъ хорошей семьи, но гдѣ это было, какъ звали эту семью, — мальчикъ забылъ совершенно, и въ этомъ-то и состояло главное затрудненіе.

— Я увѣренъ, что Данило Петровичъ всѣ его рѣчи прикрашиваетъ, ради интереса! — смѣясь, возражалъ Идѣ Павловнѣ и дѣтямъ Алексѣй Ильичъ, когда они разсказывали ему объ этомъ. — Вѣдь Ярмовъ фантазеръ не хуже васъ! . . Вотъ, приведите ка сюда этого мальчишку да попросите Мехмата-мирзу разспросить его, такъ и выйдетъ все гораздо проще . . .

Дѣти изъ себя выходили. Люба чуть не плакала, увѣряя отца, что онъ ошибается. Горячилась и Ида Павловна и разъ, послѣ того, какъ и увѣренія Людмилы Васильевны, побывшей съ ними у Али-Коджана, не поколебали сомнѣній Снорьина, она рѣшительно ему заявила:

— Завтра вы сами должны поѣхать съ нами, и тогда посмотримъ!

— Хорошо, только я Мехмету-мирзу съ собой захвачу, — посмѣиваясь отвѣчалъ Снорьинъ.

— Извольте! Пусть онъ будетъ слушать, такъ ли переводитъ Ярмовъ, а разспрашивать я ему не позволю, потому что мальчикъ такой пугливый и такъ еще слабъ, что онъ можетъ совсѣмъ растеряться. Переводчикъ вашъ пусть стоитъ у дверей, въ другой комнатѣ, и вы тамъ можете оставаться, если хотите слѣдить за впечатлѣніемъ вашего оракула. Ярмовъ будетъ говорить громко, а чѣмъ меньше незнакомыхъ лицъ, тѣмъ лучше для мальчика . . .

Такъ и было сдѣлано; бѣдный Али былъ, самъ того не зная, подвергнутъ допросу.

Величавый Мехмедъ-мирза слушалъ разсказъ ребенка и переводъ Ярмова, невозмутимо, поглаживая бороду и степенными кивками бритой головы подтверждалъ его вѣрность.

Алексѣй Ильичъ слушалъ внимательно, заинтересованный, и, наконецъ, не выдержалъ и тихонько вошелъ въ комнату больного. Зарицкая и дѣти взглянули на него торжествующими взорами. Снорьинъ былъ взволнованъ и смущенъ. Онъ присѣлъ возлѣ ребенка, смущеннаго его появленіемъ, и ласково погладилъ его по головѣ. Красота мальчика и его поразила.

— Какъ зовутъ его? — спросилъ онъ.

— Али-Коджанъ, — отвѣчали ему всѣ вмѣстѣ.

— Нѣтъ просто Али, — прибавилъ бойко Коля, — а то нехорошо: Али-Коджанъ — точно: капусты качанъ! . .

Ободренный общей лаской и вдругъ вспомнивъ слова Пелы, о которыхъ до сихъ поръ онъ никому

не говорилъ, Али поднялъ глаза на смѣявшагося Колю и, покачавъ медленно головой, явственно произнесъ.

— Илико-джанъ! . .

Минута прошла въ недоумѣломъ молчаніи . . .

Наконецъ Ярмовъ сообразилъ.

— Какъ? — удивленно вскричалъ онъ по-татарски. — Какъ ты сказалъ? . .

— Илико-джанъ, — тихо, но совершенно явственно повторилъ мальчикъ.

— Но . . . Илико-джанъ, по-грузински, значитъ *милый Илья*! — воскликнулъ Ярмовъ по-русски. — Илико — уменьшительное Ильи, Ильюша; а джанъ — дорогой, милый . . . Такъ ли говорила тебѣ сестра? — спросилъ онъ его по-татарски.

И Зарицкая, и Снорьинъ оба разомъ приблизились, заинтересованные въ высшей степени.

— Да, такъ, — отвѣчалъ мальчикъ. — Пела говорила: «твое имя Илико, а *джанъ* тебя родные называли; а я передѣлала все въ одно имя, чтобы лезгины думали, что ты татаринъ и тебя не убили».

Ярмовъ перевелъ.

— Что Алексѣй Ильичъ, — торжественно обратилась къ нему Ида Павловна, — кажется, теперь и вы должны повѣрить? . .

Дѣти подняли радостный, восторженный шумъ. Люба бросилась цѣловать Али, а Коля началъ, какъ сумасшедшій, бѣгать въ припрыжку по комнатѣ, повторяя на разные голоса:

— Илико . . . Илико . . . Илико . . . Грузинъ! Христіанинъ! . .

Насилу его уняли.

Въ дверяхъ появился степенный переводчикъ.

— Скажите, Мехмедъ-мирза, — обратился къ нему Снорьинъ, — есть у васъ такое имя — Коджанъ?

— Нѣтъ, Али — есть, но Коджанъ — никогда я не слышалъ, — медленно отвѣчалъ Мехмедъ.

— Вотъ вамъ! — торжествующе вскричала Зарицкая.

— Да, кажется этотъ ребенокъ въ самомъ дѣлѣ не татаринъ, — согласился Снорьинъ.

— Я думаю, что *въ самомъ дѣлѣ*! — подтвердила укоризненно Ида Павловна.

— И какъ же теперь, тетя? — съ безпокойствомъ обратилась къ ней Люба. — Вѣдь нельзя же его, бѣдняжку, такъ оставить? . . Вѣдь мы возьмемъ его, папа? . . Тетя, теперь мы вѣдь должны о немъ позаботиться? . .

— Надо будетъ навести справки, — неувѣреннымъ голосомъ отвѣчалъ ей отецъ. — Я думаю, всего лучше списаться съ властями, съ дворянскими предводителями . . .

— Можно написать объ этомъ въ газетѣ «Кавказъ», — предложилъ Ярмовъ.

— Да, конечно. Дѣло это не совсѣмъ обыкновенное и можетъ привлечь вниманіе! . . Кто знаетъ... Можетъ быть, этотъ мальчикъ и въ самомъ дѣлѣ окажется княземъ? . . Годы небольшіе: какіе нибудь семь, восемь лѣтъ . . . тамъ, гдѣ это произошло, навѣрное вспомнятъ и узнаютъ его . . . Если только это правда, — опять скептически добавилъ онъ.

— Легко можетъ быть правдой! Не онъ одинъ ребенокъ — взятый въ плѣнъ; такихъ бывали десятки и сотни, — сказалъ Ярмовъ.

— Бывали, или не бывали, но относительно его это несомнѣнная правда, — горячо замѣтила Зарицкая. — Необходимо помочь ему и разузнать, кто онъ такой.

— А какъ же теперь, — снова обратилась къ ней Люба, — пока узнаютъ, развѣ онъ тутъ останется? . . Папочка, развѣ мы не возьмемъ его? . . Развѣ онъ не будетъ жить съ нами? . .

— Не знаю, дитя мое . . . Это довольно трудно...

Ида Павловна рѣшительно встала съ мѣста и сказала:

— Какъ бы ни было это трудно, но пока вы терпите меня у себя въ домѣ, дорогой Алексѣй Ильичъ, такъ я попрошу васъ потерпѣть присутствіе и этого ребенка. Я надѣюсь, что мнѣ хозяева его отдадутъ безпрепятственно . . . Я готова имъ заплатить за него выкупъ, и, чего бы это ни стоило, — я не могу бросить этого бѣднаго мальчика. Я спасла его отъ смерти и я берусь устроить его жизнь . . .

VIII.

Новая жизнь.

Прошло мѣсяца два, три. Вездѣ была уже зима или, по меньшей мѣрѣ, глубокая осень, но въ здѣшнемъ благодатномъ климатѣ октябрь и ноябрь бываютъ такъ хороши, что едва ли не составляютъ лучшее время года. Хотя въ Шемахѣ климатъ гораздо суровѣе, чѣмъ на низменностяхъ, въ Елизаветполѣ, Тифлисѣ или Кахетіи, но въ этомъ году была прекрасная, сухая погода; яркое солнышко къ полудню постоянно снимало съ горъ и городскихъ крышъ серебристый иней, покрывавшій ихъ за ночь, и такъ усердно припекало, что теплая одежда днемъ оказывалась совершенно лишней.

Дѣти Снорьины вставали очень рано, обыкновенно успѣвали окончить всѣ свои уроки съ матерью и теткой до полудня и шли тотчасъ послѣ завтрака гулять, а потомъ, уже вечеромъ, занимались съ Ярмовымъ и музыкой. Музыкѣ Любу учила сама Людмила Васильевна; дѣвочка любила чрезвычайно эти уроки и прекрасно уже играла для своихъ лѣтъ. Но съ Колей не было никакого ладу: онъ такъ раздражалъ мать своимъ невниманіемъ и безпокойными выходками, что она было совсѣмъ отчаялась и уже хотѣла

бросить съ нимъ уроки. Но тутъ вмѣшалась Ида Павловна.

— Дайте-ка я съ нимъ займусь музыкой, — сказала она въ одинъ прекрасный день, — у меня нервы крѣпкіе, да я и церемониться съ нимъ не стану. А способности у него хорошія, поблажать его лѣни не приходится.

Такъ дѣло и установилось, и дѣйствительно уроки музыки съ теткой у Коли пошли лучше, чѣмъ съ матерью, чему отчасти причиной было условіе, заключенное съ нимъ учительницей: въ тѣ дни, когда Ида Павловна была довольна Колей, онъ самъ имѣлъ право назначить, куда они на слѣдующее утро пойдутъ гулять; въ противномъ случаѣ она его съ собой не брала и онъ долженъ былъ довольствоваться игрой на дворѣ въ одиночку. Надо знать, что эти прогулки были величайшимъ удовольствіемъ для Коли, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ съ ними могъ гулять и новый общій любимецъ ихъ, Али-Коджанъ. Впрочемъ его теперь никто не называлъ такъ: съ тѣхъ поръ какъ Зарицкая взяла его на свое попеченіе, Али, изъ бѣднаго слуги татарченка, превратился въ Илико, *тетинаго* воспитанника.

Положеніе мальчика въ домѣ Снорьиныхъ не было вполнѣ опредѣлено: оно все зависѣло отъ добраго расположенія его покровительницы; но такъ какъ расположеніе это не умалялось, а напротивъ съ каждымъ днемъ возрастало, то онъ блаженствовалъ, набирался силъ, здоровья, и всякій день все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ ней и ко всѣмъ окружавшимъ его новымъ лицамъ. Онъ былъ удивительно податливый мальчикъ, легко свыкался съ новой об-

становкой и обычаями, и по-русски сталъ скоро понимать многое, только говорить не рѣшался начать, боясь насмѣшекъ. Одна Люба имѣла даръ извлекать изъ него два-три слова; она всякій день находила время заняться съ Илико, уча его говорить и читать по книгѣ съ картинками, сразу объяснявшими ему значеніе заучиваемаго слова.

При большихъ и неоспоримыхъ достоинствахъ Ида Павловна имѣла одинъ немаловажный недостатокъ; она была очень нерѣшительна въ обыденныхъ случаяхъ жизни, когда никакое сильное чувство не руководило ею. Шаткость и перемѣнчивость ея намѣреній доходили до того, что она никогда сама не могла опредѣлить впередъ своихъ плановъ, и вслѣдствіе этого, иногда, когда невозможно было предаваться беззаботно теченію жизни, не нарушая этою беззаботностью требованій совѣсти, она вдругъ круто и для самой себя неожиданно рѣшалась на что-нибудь такое, что совершенно измѣняло ея первоначальныя предположенія. Такъ было и теперь. Сразу рѣшивъ, что возьметъ Али и устроитъ будущность его, она тотчасъ исполнила первое, а о второмъ вначалѣ не думала, рѣшивъ, что время терпитъ. Она предполагала, въ туманномъ будущемъ, когда онъ выучится сколько-нибудь говорить по-русски, отдать его въ школу; но въ какую школу именно — сначала еще не опредѣлила, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что не рѣшила, какого рода положеніе и воспитаніе дастъ своему питомцу, а во-вторыхъ, потому, что еще не знала сама, долго ли проживетъ со своими родственниками и куда направится, разставшись съ ними. Снорьины не разъ напоминали ей,

что надо бы остановиться на чемъ-нибудь опредѣленномъ въ отношеніи будущности мальчика. Чѣмъ она хочетъ, чтобы онъ былъ: человѣкомъ образованнымъ, ремесленникомъ, или оставить его въ услуженіи, — въ томъ же состояніи, въ какомъ нашла она его? Послѣ долгихъ размышленій Зарицкая рѣшила, что она нѣсколько времени продержитъ Илико при себѣ, научитъ его грамотѣ, а потомъ отдастъ въ гимназію.

— Не лучше ли прежде всего освѣдомиться о его званіи и семьѣ? Кажется, справки навести было бы необходимо, — предлагали Снорьины.

— Но какія справки? Къ кому адресоваться? Я рѣшительно не знаю, — возражала Ида Павловна и въ послѣднее время всегда спѣшила замять и перемѣнить разговоръ.

Дѣло въ томъ, что она полюбила своего пріемыша болѣе, нежели желала показать. Рѣшившись окончательно воспитывать его какъ сына и дать ему такое образованіе, которое впослѣдствіи открыло бы ему широкую дорогу, Зарицкая боялась, что справки эти или откроютъ, что происхожденіе его далеко не соотвѣтствуетъ такимъ затѣямъ, или приведутъ къ открытію дѣйствительно состоятельныхъ родственниковъ, которые заявятъ на него свои права и возьмутъ его у нея. Вслѣдствіе такихъ соображеній Ида Павловна не только сама не дѣлала никакихъ попытокъ узнать истину, но просила и Снорьина оставить это намѣреніе, прямо заявивъ ему наконецъ что усыновляетъ Илико.

— Въ такомъ случаѣ, — возразилъ ей Алексѣй Ильичъ, — не лишнее было бы, думаю, сначала окрестить его.

— О, я увѣрена, что онъ крещенъ! И, наконецъ, объ этомъ еще будетъ время позаботиться, — отвѣчала Зарицкая.

Такимъ образомъ участь мальчика, казалось, опредѣлилась такъ счастливо, какъ онъ и не мечталъ никогда во все свое сиротливое, горькое дѣтство. Мало-по-малу здоровье его возстановилось, онъ окрѣпъ и сдѣлался смѣлѣе, выказывая съ каждымъ днемъ больше горячей благодарности и привязанности ко всѣмъ, въ особенности къ Идѣ Павловнѣ и Любѣ. Для нихъ въ немъ ожили съ новой и большей силой тѣ пылкія чувства, которыя переполняли его сердце беззавѣтной преданностью сначала къ Пелѣ, а потомъ къ Амилетѣ, — двумъ единственнымъ существамъ, отъ которыхъ онъ видѣлъ ласку.

Сначала Людмила Васильевна опасалась общества этого маленькаго татарченка для своихъ дѣтей, но вскорѣ убѣдилась, что нравственность его нимало не пострадала отъ тѣхъ мытарствъ, чрезъ которыя прошелъ бѣдняжка. Онъ не могъ испортиться дурными примѣрами, потому что былъ слишкомъ несчастенъ и къ тому же природа одарила его такимъ добрымъ и честнымъ сердцемъ, которое не допускало привиться къ нему ничему порочному. Такимъ образомъ, въ ту же зиму Илико сдѣлался общимъ любимцемъ, доказавъ на дѣлѣ свое великодушіе и мужество.

Это было подъ Рождество. Илико къ этому времени уже порядочно выучился по-русски, такъ что могъ объясняться, хотя разумѣется часто ошибался и перевиралъ слова, чѣмъ возбуждалъ всегда смѣхъ шаловливаго Коли. Они вообще дружили, но насмѣшки Коли часто обижали и доводили чуть не до

слезъ самолюбиваго Илико. Колѣ часто доставалось за эти насмѣшки отъ всѣхъ, особенно отъ сестры, которую такая неделикатность брата выводила изъ себя, тѣмъ болѣе, что, какъ главная учительница Илико, она гордилась его успѣхами и ужасно боялась, что насмѣшки Коли отобьютъ у него охоту говорить по-русски. Какъ разъ въ сочельникъ имъ случилось крѣпко повздорить изъ-за пустяковъ. Зачинщикъ, какъ всегда, былъ Коля. Играя во дворѣ съ собаченкой, которую приручилъ и самъ очень любилъ, онъ вздумалъ учить ее подавать поноску, а такъ какъ онъ слышалъ, что, уча собакъ, ихъ будто-бы необходимо бить, то и ударилъ ее по спинѣ. Собака завизжала и хотѣла спрятаться подъ крыльцо, но Коля вытащилъ ее за хвостъ и еще разъ ударилъ.

Илико былъ очень жалостливъ къ животнымъ и, желая остановить товарища, но не умѣя объяснить ему своихъ мыслей, только дергалъ его за рукавъ и повторялъ:

— Не надо, не бей! . . Не хорошо такъ! . . Почему? . . Ахъ, почему ты бьешь? . .

— По чему? Самъ видишь, что по спинѣ! — насмѣшливо отвѣчалъ ему Коля, прикинувшись непонимающимъ. — Отстань! . .

И онъ снова ударилъ собаченку.

Тогда Илико бросился отнимать ее. Оба были почти однихъ лѣтъ, но Коля былъ здоровѣе и сильнѣе Илико. Онъ одной рукой притянулъ къ себѣ неистово визжавшую собаку, а другою размахнулся и крѣпко ударилъ товарища кулакомъ въ бокъ. Илико, не ожидавшій этого, въ негодованіи отступилъ и только нашелся произнесть удивленно:

— Что?! Почему ты меня бьешь?!

— А тебя по боку, дурень! — вскричалъ расхохотавшись Коля и убѣжалъ съ собаченкой на рукахъ.

На ихъ крикъ въ окнѣ показалась Ида Павловна, а на балконъ вышелъ Алексѣй Ильичъ и, не разобравъ хорошо дѣла, обоихъ крѣпко выбранилъ и наказалъ, приказавъ идти въ столовую и до вечера не смѣть выходить оттуда. Зарицкая принесла имъ туда книгъ, велѣла зажечь лампу, такъ какъ уже были сумерки, и сама не безъ нѣкотораго злорадства повернула ключъ въ дверяхъ столовой.

— Вотъ такъ-то лучше . . . Кстати подрались! — сказала она тихонько, съ улыбкой смотрѣвшей на нее Любѣ.

— Ай-ай-ай-ай! какая ты, тетя, хитрая, — шепнула въ отвѣтъ ей Люба, идя за нею въ ея комнату, гдѣ ихъ ждала Людмила Васильевна.

Дѣло въ томъ, что Зарицкая накупила всякихъ сладостей и подарковъ и задумала устроить елку, о которой дѣти и не помышляли. Илико, разумѣется, не имѣлъ никакого понятія о рождественской елкѣ, а Коля, хотя и хорошо былъ знакомъ съ нею по прежнимъ годамъ, но никакъ не ожидалъ ее въ этомъ году. Ему еще въ прошлое Рождество объявили, что онъ слишкомъ великъ для такой забавы, и онъ, вздохнувъ, долженъ былъ удовольствоваться однимъ подаркомъ; теперь же онъ не ждалъ и этого.

Четырнадцатилѣтняя Люба была въ заговорѣ съ Идою Павловною, но для Коли та потребовала секрета, предвидя, что сюрпризъ доставитъ ему не мало удовольствія и заранѣе сама наслаждаясь будущимъ изумленіемъ и удовольствіемъ мальчиковъ. До сихъ

поръ секретъ былъ сохраненъ, даже деревцо, издалека добытое, привезено и внесено въ боковыя двери, прямо въ комнаты Зарицкой, такъ что никто его не видѣлъ. Предстояла теперь задача самая трудная: надо было убрать и зажечь елку тихонько отъ Коли.

Потому-то теперь Зарицкая и радовалась, запирая обоихъ мальчиковъ.

Коля и Илико сидѣли довольно долго молча, дуясь. Илико усердно разсматривалъ картинки; Коля смотрѣлъ въ окно на потухавшій день, на снѣжныя и темныя лѣсистыя вершины, которыя сливались воедино въ общемъ сумракѣ. Вдругъ вниманіе его привлекъ ихъ поваръ: онъ вошелъ въ калитку воротъ и, вмѣсто кухни, взбѣжалъ прямо на крыльцо съ какимъ-то сверткомъ въ рукѣ. Когда онъ поровнялся съ окномъ, Коля напрягъ зрѣніе и разглядѣлъ, что это былъ свертокъ сѣрой бумаги, изъ котораго торчали кончики восковыхъ свѣчекъ . . .

Онъ удивился, но еще не догадался.

«Зачѣмъ это нужны восковыя свѣчи? — подумалъ онъ. — И отчего это все въ домѣ такъ тихо?.. Гдѣ всѣ?»...

Онъ началъ прислушиваться . . . Въ самомъ дѣлѣ, ни изъ смежной гостиной, ни изъ кабинета отца — ни откуда не слышно было ни голосовъ, ни движенія . . . А между тѣмъ въ эту пору дня, отъ обѣда и до чаю, всѣ обыкновенно сидѣли вмѣстѣ, въ гостиной . . . Коля подошелъ тихонько къ двери, осторожно приподнялъ язычекъ у замка и заглянулъ. Гостиная была пуста и даже не освѣщена . . .

«Что за исторія! . . Должно быть, всѣ у тети Иды? — размышлялъ Коля. — Да что имъ тамъ дѣлать? . . . Развѣ гости у нея?»

Онъ вспомнилъ, что Ида Павловна иногда принимала у себя гостей. Она занимала двѣ комнаты, изъ которыхъ одна, побольше, гдѣ спалъ на тахтѣ Илико, служила гостиной. Но по вечерамъ Зарицкая никогда не отдѣлялась отъ семьи и не принимала къ себѣ гостей. А между тѣмъ сегодня, очевидно, всѣ у нея . . . Что это значитъ?!

Вдругъ подъ самымъ ихъ окошкомъ раздался голосъ горничной Иды Павловны, толковавшей повару:

— Ступай скорѣе въ булочную, въ новую, нѣмецкую, знаешь? . . Скажи: барышня прислала сказать, чтобы скорѣе прислали пряники, что онѣ вчера заказывали. А что если не готовы, такъ скажи, завтра не будутъ ужъ нужны! . . Онѣ не возьмутъ и денегъ не заплатятъ . . .

— Ахъ! — вдругъ громко вскрикнулъ Коля и хлопнулъ себя ладонью по лбу такъ, что Илико невольно поднялъ на него изумленные глаза.

— Эй ты, татарская лопатка! — закричалъ на него Коля, нарочно называя его этимъ прозвищемъ, которое, — какъ онъ зналъ, казалось тому очень обиднымъ. — Пусти меня! Пошелъ отъ стола! Слышишь? . .

Обѣденный столъ стоялъ среди столовой, подъ висячей лампой. Коля вздумалъ стать на него, чтобы взглянуть черезъ двери, вверху которыхъ въ столовой и по другую сторону передней, въ дверяхъ комнаты Зарицкой, были вставлены стекла для того, чтобы въ сѣняхъ было свѣтлѣе. Ему пришло на мысль, что въ эти окна онъ что-нибудь увидитъ, что подтвердитъ его догадку.

Илико между тѣмъ, ничего не понимая, кромѣ

того, что Коля опять его бранитъ, сердито отвернулся и продолжалъ смотрѣть картинки. Коля, вмѣсто того, чтобы взять другой стулъ или просто вскочить на столъ, какъ дѣлывалъ это тысячу разъ, разгорячась отъ сильнаго желанія скорѣе увидѣть и убѣдиться, а можетъ быть еще сердясь на товарища и желая вымѣстить на немъ свою досаду за заключеніе, опять закричалъ на Илико и сильно толкнулъ его со стула. Илико, обернулся и далъ ему сдачи . . . Тогда Коля, разозлившись окончательно, ударилъ его изо-всей силы кулакомъ въ голову и оттолкнулъ отъ стола . . .

Илико пошатнулся и отлетѣлъ довольно далеко въ уголъ. Тутъ Коля вскочилъ на стулъ, потомъ на столъ и, привставъ на цыпочки, старался заглянуть чрезъ два темныхъ стекла въ комнату тетки. Разумѣется, онъ тамъ ничего не могъ видѣть. Однако онъ продолжалъ смотрѣть, чтобы только скрыть свое смущеніе. Онъ вдругъ вспомнилъ, что докторъ говорилъ, что Илико, послѣ такого сильнаго воспаленія въ мозгу, отъ котораго онъ едва не умеръ, долженъ беречь голову, а между тѣмъ онъ ударилъ его именно по головѣ . . . Крѣпко защемило на сердцѣ у мальчика и онъ уже готовъ былъ спрыгнуть со стола и просить прощенія у обиженнаго товарища, который, очевидно, сильно ушибленный, стоялъ держась за голову въ своемъ углу и стараясь сдержать слезы, вызванныя не столько болью, сколько негодованіемъ и обидой. Желая спрыгнуть со стола, Коля крѣпко толкнулъ тяжелую, висячую лампу . . . Раздался трескъ, звонъ, и въ ту же секунду край стола и весь полъ вокругъ него занялись яркимъ пламенемъ нефти, разлившейся изъ разбитой лампы . . .

Два отчаянныхъ крика раздались въ столовой. Коля стоялъ среди стола, отчаянно крича, но спрыгнуть ему было некуда; вся средина комнаты была въ огнѣ. Въ углу, весь дрожа и тоже крича отъ ужаса, стоялъ разобиженный имъ Илико и соображалъ, что ему дѣлать . . . Никто не шелъ на выручку . . . Три плотно затворенныхъ двери и увлеченіе своей веселой работой мѣшали Снорьинымъ и Зарицкой услышать крикъ дѣтей, а между тѣмъ опасность росла съ каждой секундой: ножки стола уже шипѣли и трещали, и книги на немъ горѣли яркимъ пламенемъ. Илико понялъ, что медлить невозможно, и мигомъ выбравъ сторону, гдѣ огня было меньше, бросился къ столу и, схвативъ на руки своего недавнаго врага, перескочилъ съ нимъ обратно въ уголъ . . . Замокъ щелкнулъ и двери распахнулись въ ту минуту, какъ оба упали на полъ, задыхаясь отъ дыму, жара и испуга.

Раздались крики ужаса, поднялось общее смятеніе. Снорьинъ съ прислугою бросился тушить горѣвшій полъ, кидая на пламя половики, ковры — все, что можно было подъ рукой найдти тяжелаго, а женщины схватили дѣтей и вытащили ихъ изъ столовой, откуда смрадъ и дымъ валили въ двери и отпертыя окна.

Когда пожаръ былъ потушенъ, когда прошелъ первый испугъ и всѣ убѣдились, что все ограничилось только обожженнымъ столомъ да закоптѣлымъ потолкомъ, къ мальчикамъ обратились съ разспросами. Оба они еще дрожали съ перепугу, но Илико уже улыбался, хотя у него была крѣпко обожжена одна нога, а Коля, совсѣмъ невредимый казался очень

смущеннымъ. Онъ былъ вспыльчивый и шаловливый мальчикъ, но никогда не лгалъ, и, къ тому же, теперь онъ самъ былъ искренно восхищенъ смѣлостью и великодушіемъ Илико. Онъ бросился къ нему на шею и громко, восторженно разсказалъ все, что было между ними въ столовой.

— Я бы сгорѣлъ, я бы непремѣнно сгорѣлъ! — убѣдительно восклицалъ онъ, не выпуская руки товарища. — Я такъ испугался . . . Мнѣ казалось, что ужъ весь домъ горитъ . . . Я боялся спрыгнуть на полъ, а онъ прямо шагнулъ въ огонь и схватилъ меня, на руки . . . А вѣдь я только-что его поколотилъ, — подумайте! . . И ни за что, ни про что! . . А онъ не задумался мнѣ помочь — такой молодецъ! . .

И Коля снова принимался обнимать и цѣловать Илико и, заглядывая ему въ глаза, увѣрялъ, что ужъ теперь никогда, никогда не будетъ бранить его *татарской лопаткой* и скорѣе самъ себя побьетъ, чѣмъ подниметъ на него руку . . . Всѣ окружавшіе ихъ были тронуты. Женщины и Люба смѣялись и вмѣстѣ готовы были плакать; Снорьинъ, явившійся, весь разгоряченный, съ тѣмъ, чтобы не только выбранить, но и строго наказать «негодныхъ мальчишекъ», и тотъ, увидѣвъ эту сцену, смягчился и не могъ не положить гнѣва на милость. Онъ только слегка пристыдилъ сына за его вспыльчивость и неосторожность; а «татарченка» (потому что въ мнѣніи его Илико все еще былъ татарченокъ) въ первый разъ въ жизни обнялъ и крѣпко поцѣловалъ, сказавъ, что онъ «славный мальчикъ».

Илико всѣ ласкали и цѣловали въ этотъ памятный вечеръ, но самъ онъ плохо понималъ, за что ему

оказываются такія ласки. Ему казалось, что онъ сдѣлалъ самую обыкновенную вещь, которую всякій бы сдѣлалъ на его мѣстѣ. Онъ былъ незлопамятенъ и слишкомъ скроменъ; онъ совсѣмъ не удивился бы, еслибы на поступокъ его никто не обратилъ вниманія. За то онъ несказанно удивился въ этотъ дѣйствительно памятный для него вечеръ другому, — такъ удивился, что на всю жизнь у него осталось впечатлѣніе, произведенное на него видомъ зажженной елки.

Когда незамѣтно исчезнувшая изъ гостиной Зарицкая громко позвала всѣхъ идти скорѣй къ ней въ комнату и когда яркій свѣтъ изъ отворенныхъ дверей въ переднюю вдругъ озарилъ дѣтей, Илико невольно попятился со страхомъ назадъ . . . Ему представилось, что это опять пожаръ. Люба, смѣясь, остановила его за плечи и, тихонько подталкивая впередъ, сказала:

— Иди, иди, не бойся; отъ этого пожара не сгоришь.

Тогда только онъ понялъ, что это сіяетъ дерево, все покрытое какими-то невиданными волшебными фруктами. Онъ остановился въ дверяхъ, заложивъ палецъ въ открытый ротъ, и такъ и приросъ къ полу отъ восторга . . . Удивленіе его было такъ комично, что нельзя было не смѣяться. Даже Коля смотрѣлъ на него, а не на елку, и объявилъ, что Илико навѣрно принялъ елку за то дерево въ Магометовомъ раю, о которомъ говорилъ Ярмовъ.

— Если только Илико имѣетъ о немъ понятіе, — замѣтила Люба, — я увѣрена что нѣтъ.

— Разумѣется, нѣтъ, — подтвердила Зарицкая.

— Дадимте-ка ему лучше понятіе о земныхъ фруктахъ и пряникахъ: онъ заслужилъ сегодня хорошее угощеніе.

— Еще какое! — вскричалъ Коля. — Чего стоишь? . . Пойдемъ, братъ, пойдемъ; посмотри, какіе вкусные сахарные цвѣты да золотые орѣхи на нашихъ елкахъ ростутъ! Ты еще никогда такихъ не ѣлъ!

Это невиданное удовольствіе изгладило на время испугъ Илико и даже заставило его забыть боль въ ногѣ, но къ концу вечера замѣтили, что онъ хромаетъ. Оказалось, что нога у него, повыше ступны, порядочно обожжена. Нѣсколько дней онъ долженъ былъ пролежать въ постели, къ великому конфузу Коли.

Итакъ, бѣдный, вездѣ доселѣ чужой мальчикъ все больше и больше пріобрѣталъ любовь семьи, въ которую забросила его судьба. Время шло теперь быстро для него, никогда не видавшаго такой спокойной жизни, столько счастія и ласки. Съ каждымъ днемъ онъ лучше и свободнѣе говорилъ по-русски и замѣчательно успѣвалъ въ грамотѣ. Снорьина часто стыдила Колю, не отличавшагося прилежаніемъ, что Илико скоро догонитъ и перегонитъ его. Къ веснѣ онъ ужъ совсѣмъ хорошо говорилъ и читалъ и совершенно утратилъ свой «татарскій» видъ. Въ то же время онъ быстро развивался физически и начиналъ переростать коренастаго Колю: только тотъ все же казался здоровѣе и сильнѣе своего стройнаго товарища, дѣлавшагося положительно красавцемъ.

— Сколько ему можетъ быть лѣтъ? — иногда задавала вопросъ Ида Павловна.

— Судя по его разсказамъ, лѣтъ одинадцать,

двѣнадцать, не болѣе, если предположить даже, что съ пяти лѣтъ онъ себя хорошо помнитъ, — отвѣчали ей.

— Можетъ быть и меньше. Туземцы вѣдь быстро развиваются, — съ живостью возразила Зарицкая. — Я думаю, никакъ не больше десяти лѣтъ.

— Во всякомъ случаѣ въ гимназію скоро пора, — замѣтилъ улыбаясь Снорьинъ, хорошо понимавшій, къ чему вела Ида Павловна такія рѣчи. — Ужъ нечего дѣлать, тетушка, скоро придется намъ обоихъ молодцовъ въ Тифлисъ отправлять . . .

— Я тогда сама съ ними поѣду, — рѣшила Зарицкая.

— А дастъ Богъ, до тѣхъ поръ Алексѣя Ильича туда на службу переведутъ, — говорила Людмила Васильевна. — Не вѣкъ же намъ здѣсь жить!

— Больно скоро захотѣла: еще и году здѣсь не выжили, — говорилъ Снорьинъ.

— Что-же, годъ или два мальчики еще свободно могутъ дома учиться, особенно съ помощью Данилы Петровича. А Илико еще долго можетъ учиться у Любушки да у меня.

— А какъ-же, теточка, насчетъ путешествія въ Америку? — лукаво замѣчала Люба.

— Въ Америку? . . Что-же! И въ Америку поѣду, когда придетъ охота, а пока мнѣ и въ Азіи хорошо, — отшучивалась Зарицкая.

Раннею весною Ида Павловна схватила сильную простуду и довольно опасно занемогла. Отчаяніе Илико невозможно было описать. Испытавъ двѣ тяжелыя потери, бѣдный мальчикъ чуть не сходилъ съ ума отъ страха . . . Онъ дни и ночи проводилъ возлѣ

больной и его приходилось чуть не силой заставлять отдохнуть. Даже ночью онъ часто вскакивалъ въ ужасѣ и пытался бѣжать къ своей «тетѣ», вообразивъ, что она зоветъ его, что ей хуже . . . Къ счастію, болѣзнь Зарицкой продолжалась не долго, опасность миновала, но ей запрещено было выходить на воздухъ до теплыхъ дней, и выздоровленіе ея шло медленно. Илико снова позволили спать въ смежной съ нею комнатѣ, и какъ ни выговаривала она ему за это, какъ ни убѣждали мальчика, что онъ совершенно напрасно это дѣлаетъ, — онъ такъ боялся за свою «тетю», что утромъ его постоянно находили спящимъ на полу у самыхъ дверей ея комнаты. Онъ не довѣрялъ своему слуху, боялся отойти далеко и, пересиливая сонъ, сидѣлъ у двери, прислушиваясь, пока усталость не одолѣвала и онъ не засыпалъ тутъ же, на коврѣ. Видя, какъ онъ самъ измѣнился и похудѣлъ за время ея болѣзни, Зарицкая наконецъ объявила ему, что опять отошлетъ его спать въ кабинетъ Алексѣя Ильича, если онъ не будетъ ложиться вовремя на свое мѣсто и спать, какъ слѣдуетъ до утра.

Впродолженіи зимы Астара иногда навѣщала Снорьиныхъ и бесѣдовала со своимъ пріятелемъ, который ей былъ обязанъ своимъ новымъ счастіемъ и вполнѣ сознавалъ это. Илико очень любилъ и жалѣлъ Астару. Еще вначалѣ, какъ только онъ немножко освоился со своею новой жизнью, онъ постоянно откладывалъ почти всѣ лакомства и бездѣлушки, которыя ему дарили, для нея. Дѣвочка не могла быть забыта въ семьѣ Снорьиныхъ теперь болѣе, нежели когда либо, благодаря памяти о ней Илико. Подарки и деньгами, и платьемъ, щедро

сыпались на нее; но другой помощи Астарѣ нельзя было доставить, сколько ни старалась объ этомъ Зарицкая. Она охотно устроила бы ее на *осѣдлую* жизнь, платила бы за обученіе ея какому нибудь ремеслу, но объ этомъ дикарка—уличная танцовщица не хотѣла и слышать. Ида Павловна много разъ принималась, съ помощью Илико или Ярмова, убѣждать ее оставить этотъ бродячій образъ жизни, учиться шить или какой-нибудь работѣ, но все напрасно: Астара качала головой, улыбаясь недовѣрчиво и увѣряла, что она ни на что не годна, кромѣ своего ремесла, что она умерла бы въ четырехъ стѣнахъ и, хоть бы ее во дворцѣ поселили, она бы сейчасъ сбѣжала.

— Развѣ лѣсная бѣлка или степная лисица можетъ жить въ душномъ жилищѣ? — отвѣчала она разъ на усиленныя просьбы ихъ. — Я бы задохнулась въ вашихъ домахъ; мнѣ и въ одномъ городѣ скоро тѣсно становится. Если бы не долгая болѣзнь дѣда, мы бы давно ушли . . . И весны не стали бы ждать . . . Но онъ старъ сталъ; не можетъ поправиться до сихъ поръ послѣ праздника Могарема, а потому приходится ждать тепла . . . Какъ только прилетятъ дикіе гуси и лебеди, мы тотчасъ двинемся къ востоку, въ Тавризъ, а оттуда и въ Тегеранъ, можетъ быть, попадемъ этимъ же лѣтомъ. Дѣдъ Фейзулла хочетъ умереть на своей землѣ.

— Ну, а что же ты-то будешь дѣлать одна, когда онъ умретъ? — спросили ее.

— Я?! Я буду танцовать и въ бубенъ бить какъ и теперь.

— Но кто будетъ тебя беречь и защищать отъ дурныхъ людей? Съ кѣмъ ты будешь странствовать?

— Свѣтъ великъ . . . Найду другого провожатаго . . . Да зачѣмъ меня защищать? . . Я зла никому не дѣлаю, — кто захочетъ меня обижать? . . Я никого не боюсь!

Вскорѣ послѣ масляницы она пришла проститься. Ей надавали кучу подарковъ, подарили и денегъ на дорогу. Она беззаботна улыбалась, кивала головой и весело разсказывала, что ихъ идетъ цѣлое общество бродячихъ фокусниковъ, все персидскихъ подданныхъ, возвращающихся на родину изъ разныхъ мѣстъ Закавказья.

— Намъ будетъ весело, — говорила она. — Съ нами будетъ большой фургонъ. Если кто устанетъ, можетъ сѣсть. Но я не сяду. Я не люблю ѣздить . . . То ли дѣло идти на волѣ, по лѣсамъ и горамъ . . . Въ деревняхъ будемъ останавливаться, я буду танцовать . . .

Снорьина и Ида Павловна смотрѣли на нее съ сожалѣніемъ, Люба чуть не плакала; да и Илико былъ недалекъ отъ такой же слабости, прощаясь навсегда съ первой своей шемахинской покровительницей и вѣрнымъ другомъ въ минуты невзгоды. Часто и долго вспоминали о ней дѣти впослѣдствіи разсуждая, что-то она и какъ? Дошли ли до Тавриза? . . Хорошо ли ей тамъ живется? . .

Наступила страстная недѣля. Снорьины говѣли всѣ вмѣстѣ, и пріемный сынъ Зарицкой также ходилъ съ ними въ церковь, прислушивался и присматривался ко всему, а дома разспрашивалъ обо всемъ Любу. Онъ уже читалъ и Ветхій, и Новый завѣтъ и зналъ, въ чемъ именно состояли и постъ, и великій праздникъ, называемый русскими Свѣтлымъ; его интересовали подробности молитвъ и обрядовъ.

Въ среду вечеромъ, вернувшись отъ исповѣди, дѣти усѣлись въ столовой — чистить миндаль, который нуженъ былъ для пасхи и куличей, и тихо разговаривали.

— Жалъ, что ты не можешь говѣть съ нами, Илико, — говорила Люба. — Не знаю зачѣмъ тетя медлитъ? Вѣдь ты самъ не хочешь быть магометаниномъ, чѣмъ скорѣе окрестить тебя, тѣмъ лучше . . .

— Дѣло въ томъ, что и крестить меня совсѣмъ не нужно, — отвѣчалъ мальчикъ, сидѣвшій все время задумчивый и грустный. — Я увѣренъ, что я христіанинъ, что я крещенъ въ дѣтствѣ. Чѣмъ больше я смотрю на ваши церкви и службу, тѣмъ больше вспоминаю все, что говорила мнѣ бѣдная Пела. Я теперь знаю, что и она была христіанка. Я навѣрное знаю это. Послѣ ея смерти, я было позабылъ объ этомъ, но теперь вспоминаю, какъ она, бывало, запрется въ хлѣву, или заберется гдѣ нибудь въ чащу лѣса, куда насъ посылали за хворостомъ, станетъ на колѣни и

молится и крестится, вотъ точно такъ, какъ вы дѣлаете въ церкви. Вотъ только она все въ грудь себя била, — вотъ такъ! А вы, кажется, не бьете себя такъ? . .

— Ахъ! — сообразила Люба, — это значитъ, она была грузинка! Грузинки всегда такъ молятся, я сколько разъ въ Тифлисѣ видала, но у насъ этого обычая нѣтъ.

— Можетъ быть. Но крестилась она совсѣмъ такъ, я вѣрно помню. Я былъ при ней до самой ея смерти и помню, что умирая, она все крестилась и шептала молитву . . .

Илико отвернулся и заморгалъ. Онъ считалъ слезы слабостью, недостойною мужчины, но теперь не могъ удержаться отъ нихъ.

— Бѣдная! — вскричала Люба. — Тяжело ей было жить, отрекшись отъ своей вѣры!

— Да, теперь я понимаю, отчего она такъ сильно тосковала, особенно предъ смертью.

— Ей, вѣрно, хотѣлось причаститься? . .

— Не знаю . . . вѣроятно . . . знаю только, что она много, много разъ учила меня говорить какія-то слова, которыя я потомъ совершенно забылъ. Это, вѣрно, были молитвы . . . А крестъ я запомнилъ, хорошо запомнилъ, — вотъ почему . . .

Тутъ мальчикъ быстро отстегнулъ рукавъ своей рубашки и открылъ руку до локтя.

— Это что? — въ удивленіи вкричала Люба.

— Это у него крестъ, — отвѣчалъ ей Коля, вскакивая съ мѣста. — Развѣ ты не знаешь, не видала?

— Нѣтъ, я никогда не видѣла . . . Вотъ стран-

ный родимый знакъ! Тетя, вы видѣли, какой крестъ на рукѣ Илико?

— Да, я знаю, — отвѣчала вошедшая Зарицкая. — Самъ Богъ отмѣтилъ его.

— Пела много разъ говорила мнѣ, — продолжалъ Илико, — что когда нибудь родные мои узнаютъ меня по этой мѣткѣ. По ея разсказамъ, когда я былъ совсѣмъ еще маленькій, то дѣдъ мой или отецъ, ужъ не знаю, кто-то изъ нихъ, называлъ меня всегда мѣченымъ и говорилъ, что я не пропаду.

— А ты, какъ разъ и пропалъ! — вскричалъ Коля.

— Я рѣшительно не понимаю, какъ могъ ты забыть и фамилію свою, и названіе города, гдѣ вы жили? — спросила Люба.

— Не все ли это теперь равно? . . — замѣтила Ида Павловна, которая не любила, когда Илико возвращался къ такимъ разговорамъ. — Твои родные, вѣрно, сами забыли о тебѣ, когда не разыскиваютъ... А развѣ тебѣ съ нами дурно? . . Неужели ты ушелъ бы отъ меня, если бы нашлись твои родственники, Илико? . .

— Ни за-что! — горячо вскричалъ мальчикъ бросаясь обнимать свою «тетю». — Богъ съ ними! Вы теперь одни мои родные. Никого не хочу, кромѣ васъ . . .

— Ну и слава Богу! — заключила Зарицкая, стараясь говорить какъ можно равнодушнѣе и даже насмѣшливѣе. — А теперь — за дѣло, братцы; тѣсто васъ ждать не будетъ. Поваръ проситъ непремѣнно сегодня приготовить изюмъ и миндаль . . .

Пасха прошла дождливая, но за то вслѣдъ за нею дружно зацвѣла благоуханная весна и солнышко

такъ пригрѣло, что Снорьины стали поговаривать чаще и чаще о предстоявшей имъ лѣтней поѣздкѣ на воды въ Боржомъ. Она состоялась къ великому удовольствію дѣтей. Все лѣто Людмила Васильевна и Люба лечились, что̀ не мѣшало имъ участвовать въ прогулкахъ Иды Павловны съ мальчиками по живописнымъ окрестонстямъ Боржомскаго ущелья. Къ осени всѣ вернулись домой, здоровѣй и дружнѣе, чѣмъ когда либо.

IX.

Неожиданное открытіе.

Прошло болѣе года. Была опять весна, и мы снова находимъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ въ томъ же домѣ, въ верхней части Шемахи. Но теперь они толкуютъ уже не о переѣздѣ на лѣто, а о лѣтней поѣздкѣ въ Россію, въ имѣніе Зарицкой, а потомъ объ общемъ переселеніи ихъ въ Тифлисъ, куда Снорьинъ получилъ новое назначеніе. На этотъ разъ и онъ взялъ отпускъ и ѣхалъ съ ними отдохнуть мѣсяца на два. Прошлое лѣто онъ проскучалъ одинъ, пока семья его наслаждалась прохладой въ Боржомскомъ ущельи, и имѣлъ случай испытать удовольствіе маленькаго землетрясенія, которое, впрочемъ, гораздо больше напугало Людмилу Васильевну, когда она прочла о немъ въ газетахъ, чѣмъ привычныхъ къ этому жителей Шемахи. Всѣ радовались переѣзду въ Тифлисъ, а больше всѣхъ дѣти. Несмотря на всѣ натяжки и поблажки, мальчики стали такъ велики, что невозможно было долѣе держать ихъ дома, а въ то время, кромѣ въ Тифлисѣ, во всемъ краѣ не было еще учебнаго заведенія, куда бы можно было отдать на воспитаніе дѣтей. Если бы Алексѣй Ильичъ оставался здѣсь на службѣ еще дольше, то пришлось бы

ихъ отправить однихъ; теперь же они будутъ только ходить въ гимназію учиться.

Но до переселенія въ Тифлисъ дѣтямъ еще предстояло великое счастіе — провести все лѣто въ деревнѣ у тети, — въ ея чудесной деревнѣ, гдѣ такой прекрасный боръ, полный ягодъ и грибовъ, а главное — озеро, — большое, свѣтлое, рыбное озеро подъ самымъ садомъ, съ купальней и лодкой . . . Коля дрожалъ отъ наслажденія при одномъ помышленіи о будущихъ удовольствіяхъ . . .

— Слава Богу, — говорилъ онъ — наконецъ-то я выучусь плавать; а то въ этихъ безводныхъ мѣстахъ негдѣ и купаться. Тогда мы съ Илико совсѣмъ молодцами станемъ: и наѣздники, и пловцы!

— Хвастайся! Смотри, чтобы не пришлось васъ со дна озера, вмѣстѣ съ карасями, выуживать, — смѣялась надъ ними Ида Павловна.

Зарицкая такъ сроднилась съ семьею своей кузины, что перестала и думать о разлукѣ съ ними. Какъ имъ, такъ и ей трудно было бы теперь жить врозь. Въ эти полтора года Илико также сталъ своимъ въ семьѣ Снорьиныхъ. Даже первоначальное маленькое предубѣжденіе Алексѣя Ильича разсѣялось. Честнаго, любящаго, правдиваго и отважнаго Илико Чегодаева нельзя было не полюбить. О! если бы онъ могъ вспомнить эту фамилію, назвать себя ею! . . Но нѣтъ! онъ совершенно позабылъ ее; хотя разъ или два ему приходилось, въ послѣднее время ее слышать, но она ничего не говорила его памяти. За то онъ не разъ задумывался надъ именами *Кахетіи*, *Телава* . . . Но при первомъ намекѣ его на то, что, кажется, Пела называла ему именно эти мѣстности,

Зарицкая встревожилась и просила его оставить эти ни къ чему не ведущія воспоминанія. Опасенія ея были такъ велики, что она именно вслѣдствіе ихъ и медлила принимать мѣры къ полному обращенію своего воспитанника въ христіанство . . . Пришлось бы высказать о немъ всю правду, и тогда ужъ нельзя было бы избѣгнуть огласки . . . «Чѣмъ больше пройдетъ времени, тѣмъ лучше! Авось, никто не признаетъ его своимъ и у меня не отниметъ», — думала она. Теперь она рѣшила, что нынѣшнимъ лѣтомъ, въ Россіи, переговоритъ съ архіереемъ въ своемъ родномъ городѣ, посовѣтуется, и тамъ же, можетъ быть, его или окрестятъ вновь, или помажутъ мѵромъ, — смотря, какъ рѣшитъ духовная власть.

Люба и мать ея гораздо болѣе безпокоились за Илико въ этомъ отношеніи, и много разъ Снорьина серьезно сердилась и выговаривала Зарицкой за ея нерѣшительность.

Дѣти очень выросли за этотъ годъ. Люба казалась совсѣмъ уже взрослой барышней, не смотря на небольшой свой ростъ и слабое сложеніе. Она была очень серьезная и задумчивая дѣвочка, быть можетъ, вслѣдствіе своего болѣзненнаго дѣтства, хотя теперь была совершенно здорова. Въ противуположность сестрѣ, Коля былъ такой румяный, широкоплечій и рослый здоровякъ, что никто не вѣрилъ его двѣнадцати годамъ, судя не столько по росту, сколько по силѣ его и развитію.

Илико ростомъ былъ не меньше, но казался гораздо слабѣе и миніатюрнѣе рядомъ съ своимъ здоровымъ товарищемъ; за то онъ былъ чрезвычайно строенъ. Самъ по себѣ этотъ высокій, красивый

мальчикъ тоже казался старше своихъ лѣтъ. Ида Павловна не хотѣла одѣвать его иначе, какъ въ туземное платье. Архалукъ и черкеска Илико постоянно возбуждали зависть Коли, такъ что тетушка должна была заказать и ему папаху, черкеску и кинжалъ для верховыхъ его прогулокъ. Въ другое время мать не позволяла бы ему «переряжаться», но верхомъ оба мальчика катались всегда настоящими татарскими джигитами[1]), и ѣздили превосходно. Въ Илико это было природное свойство; Коля же, благодаря тетѣ Идѣ, большой любительницѣ прогулокъ, началъ ѣздить съ десятилѣтняго возраста.

Въ одно утро воскреснаго дня вся семья собралась у Иды Павловны — пить шоколадъ, до котораго она была большая охотница, и разговаривала о пріѣздѣ давно ожидаемыхъ гостей. Одна большая пріятельница Людмилы Васильевны, подруга ея по институту, нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла замужъ за уроженца Грузіи, полковника Чегодаева. Они ѣхали теперь сюда по Волгѣ, чрезъ Баку, и предполагали отдохнуть у нихъ нѣсколько дней. Снорьина была въ постоянной перепискѣ со своей пріятельницей и чрезвычайно была рада ее увидѣть. Алексѣй Ильичъ встрѣчался въ Петербургѣ съ княземъ Чегодаевымъ; онъ называлъ его красавцемъ и премилымъ человѣкомъ. Вообще посѣщеніе это было событіемъ въ ихъ однообразной жизни и обѣщало много удовольствія.

Къ сожалѣнію, въ назначенное для пріѣзда Чегодаевыхъ время поднялись ужасные вѣтры. Снорьина опасалась, что ихъ крѣпко покачиваетъ на Каспій-

[1]) Наѣздниками.

скомъ морѣ и сожалѣла, что погода лишитъ ихъ многихъ удовольствій.

— Я надѣялась на васъ, моя милая! — говорила она Зарицкой. — Думала, что вы съ Клавдіей Михайловной погуляете, поѣздите верхомъ, а вѣдь если такая погода будетъ продолжаться, такъ придется сидѣть въ четырехъ стѣнахъ.

— Можетъ быть, до ихъ пріѣзда погода поправится, — отвѣчала Зарицкая. — А въ самомъ дѣлѣ, какъ завываетъ: словно осенью . . .

— Какъ бы не было землетрясенія — замѣтилъ Снорьинъ, тоже участвовавшій въ этомъ «шоколадномъ собраніи», какъ онъ прозвалъ воскресныя сборища у Иды Павловны. — Здѣсь въ народѣ примѣта, что вѣтры всегда имъ предшествуютъ.

Людмила Васильевна и Люба поблѣднѣли.

— Ахъ, папа, вы вѣчно только пугаете! — вскричала Люба, глядя на мать.

— Нѣтъ, милочка моя, я нарочно говорю объ этомъ, чтобы пріучить васъ къ мысли о возможности этого явленія. Кто въ Шемахѣ живетъ, тотъ долженъ быть готовъ къ такой маленькой непріятности. И право, это не такъ ужъ страшно, какъ вы думаете. Потрясетъ васъ секунды двѣ-три, потомъ встряхнетъ — вы и замѣтить не успѣете . . .

— А какъ свалится крыша на голову? — предположилъ Коля.

— Ну, разумѣется, надо скорѣе выходить изъ домовъ, если успѣете . . . По большей части никто и пугаться не успѣваетъ во-время; послѣ ужъ трусятъ, когда все прошло. Здѣсь, славу Богу, сильныхъ ударовъ не бываетъ.

— А сколько разрушенныхъ зданій! — замѣтила Люба.

— Это еще не успѣли поправиться послѣ третьегодничнаго. Тогда порядкомъ трясло, а вотъ прошлымъ лѣтомъ однимъ испугомъ да смѣхомъ всѣ отдѣлались . . .

— Чего же смѣялись? — спросила Зарицкая.

— Это вечеромъ поздно было, иные ужъ и спать полегли, а когда тряхнуло насъ, мы, въ чемъ были, всѣ на улицу выскочили, ожидая второго удара . . . А его-то и не было, какъ нарочно; а мы всѣ, мужчины и дамы, какъ оглядѣлись, сначала извиняться вздумали за свои легкіе костюмы, а потомъ смѣхъ на всю улицу поднялся . . . Нашъ сосѣдъ въ одномъ постельномъ бѣльѣ въ окно выскочилъ; въ одной рукѣ шкатулку держитъ, а въ другой, самъ не знаетъ зачѣмъ, подсвѣчникъ съ огаркомъ захватилъ . . . А толстая-купчиха-молоканка, что напротивъ насъ живетъ, тоже въ одной рубашкѣ, захватила пуховикъ и бѣгаетъ съ нимъ, крича во всю мочь . . .

— Нѣтъ, ужъ ты, пожалуйста, Алексѣй Ильичъ, не разсказывай ничего о такихъ ужасахъ . . . Я не знаю, какъ Бога благодарить за то, что мы уѣзжаемъ, — замѣтила Людмила Васильевна.

— А я бы, на твоемъ мѣстѣ, жалѣлъ, что въ Римѣ былъ, а папы не видалъ.

— А вѣдь это правда, — согласилась Зарицкая и мальчики.

— Мнѣ говорили, что здѣсь всегда такъ бываетъ, что два года благополучно, потомъ маленькое землетрясеніе, а на слѣдующій годъ затѣмъ ужъ большое, — разсказывалъ Илико.

— Ахъ, ну тебя совсѣмъ! Что ты, Илико! . .

— Типунъ тебѣ на языкъ! напали всѣ на него хоромъ.

— Нѣтъ . . . да развѣ я говорю, что теперь? . . — сконфузился онъ.

— Ну, будетъ объ этомъ . . . Слушайте, Ида: вы мнѣ обѣщали ваши вышитыя подушки дать для нихъ, въ столовую?

— Для Чегодаевыхъ? . . Да берите хоть всѣ. Я бы и всю тахту отдала, если бы Илико на ней не спалъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же . . . Тамъ больше и мѣста нѣтъ. Я туда диванчикъ изъ кабинета Алексѣя Ильича велѣла поставить. Теперь, кажется, совсѣмъ уютно вышло. Вотъ эти двѣ подушечки я у васъ захвачу . . .

— Мама всѣхъ ограбила для своей пріятельницы: у меня письменный мой столикъ отняла — замѣтила Люба.

— Еще бы! Я бы и комнату у тебя отняла, да маленькая ужъ очень твоя коморочка, въ столовой имъ будетъ удобнѣй.

— Да, тамъ теперь премилая комнатка вышла. Я сейчасъ заходила и удивлялась вашему умѣнью все такъ уютно устроить.

— Мама наша умница! — вставилъ Коля, — захвативъ и цѣлуя руку матери. —Ишь, какія ручки крохотныя, а все умѣютъ!

— Малъ золотникъ да дорогъ, — подтвердилъ Снорьинъ искоса глядя насмѣшливо на сына, — не то, что нѣкоторые большіе пни — да дурни!

— Ну, пожалуйста, папа! . . Не извольте меня

обижать . . . Я тоже для маленькой Чегодаевой кроватку устроилъ.

— Да, да, это правда, — заступилась мать. — Они съ Илико такъ хорошо устроили изъ двухъ креселъ плетеныхъ и бѣлой занавѣски кроватку, какъ будто настоящая . . . Напрасно на него нападаешь . . .

— Только по росту ли ей будетъ? — замѣтила Люба.

— Трехъ лѣтъ дѣвочка, еще бы!

— Они, что же, совсѣмъ сюда ѣдутъ? — спросила Зарицкая.

— О нѣтъ! Мѣсяца на два . . . У него тамъ прекрасное мѣсто . . . Сюда они только затѣмъ, чтобы устроить имѣніе его какое-то тутъ у него въ Кахетіи; а она съ нимъ вздумала изъ любознательности.. Такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ: «Тифлисъ, говоритъ, и Грузію хочу видѣть, родину моего мужа».

Прошло еще дня два, очень вѣтренныхъ. Наконецъ, во вторникъ къ вечеру, погода угомонилась, настала полная тишь, и точно будто этого только и ждали гости, чтобы пріѣхать. На слѣдующее утро запыленный тарантасъ остановился у подъѣзда Снорьиныхъ.

Сама Людмила Васильевна бросилась отпирать дверь и крѣпко обняла бѣлокурую, стройную женщину съ прелестной дѣвочкой на рукахъ. Дѣвочка остранялась отъ незнакомыхъ лицъ, пряталась на груди матери и издавала капризныя мычанія или, скорѣе, мауканья, но тѣмъ не менѣе хозяйка дома расцѣловала и ее. Затѣмъ уже Снорьина поздоровалась съ высокимъ, статнымъ военнымъ, который стоялъ за женою въ ожиданіи, улыбаясь.

— Добро пожаловать, дорогіе гости! — раздался изъ сѣней привѣтливый голосъ хозяина и всѣ поднялись на крыльцо.

Въ гостиной стояла Зарицкая съ дѣтьми. Ихъ сейчасъ же познакомили, и такъ какъ столовая теперь была занята для пріѣзжихъ, то тутъ же, въ гостиной, сѣли за чай и завтракъ.

— Можетъ быть, ты хочешь оправиться? — предложила хозяйка гостьѣ.

— Она только-что занималась своимъ туалетомъ на послѣдней станціи, — отвѣчалъ за Клавдію Михайловну ея мужъ. Мы часа два ужъ были бы здѣсь, если бы не кокетство маменьки и дочки . . .

— Совсѣмъ нѣтъ . . . не стыдно ли такъ клеветать, Жоржъ! — возразила жена. — Это правда, я одѣвала Милочку, но только потому, что боялась пріѣхать слишкомъ рано . . . Что за охота было будить васъ? . .

— О! не трудитесь оправдываться, Клавдія Михайловна, — пошутилъ Снорьинъ, — мы хорошо знаемъ, что дамы всегда правы.

— Конечно, такъ . . .

— Позвольте мнѣ взять вашу маленькую, — предложила Люба, вамъ съ нею не удобно.

— О, нѣтъ! я привыкла . . . Да врядъ ли она и пойдетъ . . . Она у меня дикарка.

— Она ко мнѣ пойдетъ, — увѣренно заявила Зарицкая. — Дѣти меня не боятся.

— Это правда. Тетю Иду всѣ дѣти любятъ.

И, будто въ подтвержденіе этого замѣчанія, маленькая Чегодаева безпрекословно позволила взять себя и забавлять равноцвѣтными перстнями Зариц-

кой, которые та сняла и высыпала передъ ней, къ себѣ на колѣна.

— Но она будетъ мѣшать вамъ завтракать?

— Не безпокойтесь обо мнѣ: я уже завтракала... Я такъ люблю дѣтей, что возиться съ ними — для меня истинное удовольствіе.

Всѣ расположились за столомъ, и разговоръ завязался самый оживленный. Чегодаевы разсказывали о своемъ путешествіи, о красотѣ волжскихъ береговъ и о страшной качкѣ, которую они вынесли на морѣ. Милочка между тѣмъ освоилась съ окружавшимъ и любовавшимся ею обществомъ. Она оказывалась совсѣмъ не такой дикаркой, какъ ее рекомендовали. Напротивъ, она очень мило всѣмъ улыбалась, изрѣдка взглядывая на мать и, одобряемая ею, даже что-то начинала лепетать. Люба стала предъ нею на колѣни и забавляла ее, но дѣвочка вдругъ потянулась чрезъ ея голову и старалась достать рученкой блестящіе патроны съ серебряными цѣпочками на черкескѣ Илико. Тотъ вынулъ одинъ изъ нихъ и подалъ ей; но это не удовлетворило избалованную барышню; она непремѣнно хотѣла достать ихъ сама. Тогда Люба уступила ему свое мѣсто. Илико сталъ на колѣна, и Милочка, ко всеобщему удовольствію, сейчасъ-же начала перебирать патроны, вынимая и снова вкладывая на мѣсто. Всѣ смѣялись ея продѣлкамъ. Въ это время мужчины закурили сигары и пошли въ кабинетъ Алексѣя Ильича. Людмила Васильевна и ея гостья тоже встали, чтобы пройти въ приготовленную Чегодаевымъ комнату, но въ дверяхъ онѣ были остановлены общими возгласами и крикомъ дѣвочки.

Случилось маленькое несчастіе, нарушившее хорошее расположеніе духа Милочки. Повернувъ головку вслѣдъ за метерью, она провела ею по груди Илико, который не успѣлъ отклониться, и запуталась волосками въ цѣпочкахъ его патроновъ. Послѣдовало нѣкоторое смятеніе. Ида Павловна и мать дѣятельно принялись помогать горю, оцѣплять волоса; но дѣвочка сама ихъ рвала, ерзая головкой по груди переконфуженнаго, какъ ракъ краснаго, мальчика и залилась горькими слезами.

— Постой! . . Да постой же, Милочка! — твердила мать. — Ну вотъ! . . Вотъ сейчасъ отцѣпимъ бѣдные волоски . . . Ну вотъ, отцѣпили! . . Ну вотъ, и ничего . . . Иди ко мнѣ, иди, моя бѣдная, капризная дѣтка! . .

— Это я виноватъ, — молвилъ Илико, вставая съ колѣнъ.

— Да, неловкій! Бѣдную дѣвочку разобидѣлъ...

— Чѣмъ же онъ виноватъ? — засмѣялась Чегодаева, ласково глянувъ на него. — Мы съ Милей еще извиниться должны, что надѣлали хлопотъ.

— Да вѣдь какъ крѣпко зацѣпилась она, — замѣтила Люба, снимая нѣсколько бѣлокурыхъ волосковъ съ патроновъ Илико.

— Это значитъ вмѣстѣ жить будутъ! — вскричалъ Коля. — Такая примѣта . . .

— Правда?! Ну, вотъ мы и проживемъ цѣлую недѣлку, — отозвалась Чегодаева. — Пойдемъ, пойдемъ, крикунья! — обратилась она къ дочери. — Людмила, гдѣ наша комната? . . Надо привести эту барышню въ порядокъ . . . Какой прелестный у тебя сынъ, — прибавила она, когда они вышли изъ комнаты.

— Да это совсѣмъ не мой сынъ, — весело вскричала Снорьина. — Что ты, забыла, что у меня только двое? . . Это воспитанникъ моей кузины.

— Да?! Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, я совсѣмъ перемѣшала! . . Славный мальчикъ . . . Я за завтракомъ всѣми ими любовалась: такіе они, всѣ трое, у васъ славныя дѣти . . .

— Ну, моимъ далеко до Илико! Онъ въ самомъ дѣлѣ красавецъ . . . Вотъ ваше жилище, душа моя... Ужъ извини: изъ столовой, какъ могли, передѣлали въ спальню . . .

Нечего и говорить, что Чегодаева нашла все прелестнымъ. Она разговорилась со своей старой пріятельницей о прошломъ, въ то время какъ утомленная дѣвочка вздремнула у нея на колѣнахъ. Хотя Снорьина была на нѣсколько лѣтъ старше Клавдіи Михайловны, но онѣ когда-то росли вмѣстѣ, какъ сестры. Такія привязанности не ржавѣютъ отъ времени и даже отъ разлуки, а потому день пролетѣлъ незамѣтно.

Въ тотъ же день послѣ обѣда всѣ сидѣли на балконѣ, любуясь красивымъ закатомъ солнца, его краснымъ отблескомъ на яркой зелени; любовались на сочную растительность, будто пестрыми коврами устлавшую всѣ горы. Чегодаева замѣтила, что никогда въ Россіи не видала такой яркости красокъ.

— Тамъ никогда не бываетъ такого синяго, лазореваго неба, такой темной зелени и такихъ багряныхъ отраженій, — говорила она.

— А посмотрѣла бы ты нашу Кахетію — замѣтилъ ей мужъ. — Вотъ, гдѣ богатство колорита! Иногда при заходѣ солнца, вся долина Алазани такъ горитъ и пылаетъ, что глазамъ больно смотрѣть!

И онъ съ увлеченіемъ началъ описывать красоту своей, давно невидѣнной имъ родины.

— Я не понимаю, какъ вы могли туда не возвращаться столько лѣтъ! — вскричала Зарицкая, не замѣчая тревожныхъ взглядовъ Чегодаевой. — Если вамъ этотъ край такъ милъ, какъ могли вы такъ долго его не видѣть? . . Ваши описанія такъ увлекли меня, что я непремѣнно поѣду въ Телавъ.

— Да и грѣшно не побывать въ Кахетіи тому, кто живетъ за Кавказомъ, — отвѣчалъ Чегодаевъ. — Вы удивляетесь, что я тамъ давно не былъ? Я много горя перенесъ тамъ въ ранней молодости, такъ что мнѣ трудно будетъ, даже и теперь, видѣть родныя мѣста, хотя я горячо люблю ихъ . . .

Онъ всталъ и прошелся по балкону.

— Посмотрите верхушки тѣхъ горъ, — указала вдаль Клавдія Михайловна, имѣвшая свои причины желать перемѣнить разговоръ. — Вѣдь онѣ просто огнемъ горятъ! Словно, тамъ пожаръ право!

— Да, дѣйствительно, сегодня необыкновенно яркое освѣщеніе, — замѣтилъ Снорьинъ.

— Хорошо бы прогуляться, — предложила Зарицкая. — Вечеръ чудный будетъ.

— Если ты не устала, — обратилась Снорьина къ Чегодаевой, — можно пройтись немного послѣ чая.

— Я?! Нисколько! Я себѣ въ тарантасѣ всѣ ноги отсидѣла и очень рада буду походить . . . Только уже, — когда эту барышню уложу, — добавила она шепотомъ, глянувъ на Милочку, которой Люба строила карточные домики въ двухъ шагахъ отъ нихъ на полу.

— Вотъ и прекрасно! Пойдемте на нашу гору: оттуда вечеромъ славный видъ на городъ, особенно, когда лунныя ночи.

— Луна-то еще маленькая, только-что народилась . . .

— Вотъ это и есть самое благопріятное время: освѣщеніе города поэтическое, а грязи не видно, — пошутилъ Снорьинъ.

Послѣ чая Чегодаева ушла со своей дочкой, укачала ее и уложила на приготовленную ей импровизированную кровать. Уложивъ и перекрестивъ на сонъ грядущій свою хорошенькую дѣвочку, она еще оглядѣла ея постель и подивилась, какъ уютно ее устроили какъ разъ подъ выступомъ камина съ двумя колонками по бокамъ, между которыми пучкомъ были подхвачены бѣлыя занавѣски, прикрѣпленныя къ заслонкѣ душника.

«Какая милая эта Людмила, — подумала она, — и мужъ ея, всѣ, даже эта оригиналка кузина — всѣ такіе славные»! . .

И задернувъ занавѣски, она затемнила лампадку и тихо вышла, притворивъ дверь.

— Вотъ и я готова, — объявила она, войдя на балконъ. — Идемте, если хотите.

— А не проснется Милочка?

— О нѣтъ! Она всегда съ вечера такъ крѣпко спитъ . . .

— Впрочемъ, если что, то Коля мигомъ позоветъ насъ. Это вѣдь не далеко. Мы будемъ на нашей горкѣ, знаешь, Коля?

— Еще бы! . . Мы тутъ въ гостиной съ Илико сядемъ, чтобы услышать, если она проснется . . .

— Съ кѣмъ? — прервалъ князь Чегодаевъ. — Какъ вы назвали?

Илико . . . Вотъ съ нимъ! — указалъ Коля.

— Илико!? — какъ-то странно глядя на мальчика, повторилъ полковникъ. — Такъ вы грузинъ?

— Я . . . не знаю . . . кажется . . . — отвѣчалъ Илико.

— Какъ: кажется? — съ живостью повторилъ князь, обращаясь ко всѣмъ.

— О, это длинная исторія, — вмѣшалась Ида Павловна. — И какой же ты смѣшной, Илико! Ну, какъ же ты не знаешь? Разумѣется, ты грузинъ.

— Ахъ, право! . . Это несчастное имя . . . — шепнула княгиня Людмилѣ Васильевнѣ.

— Въ чемъ дѣло? — также шепотомъ спросила та.

— Послѣ разскажу!

И подойдя къ мужу, она рѣшительно взяла его подъ руку и весело сказала:

— Ну, идемте же, господа! А то вѣдь я не могу на очень долго уйти отъ Милочки.

Всѣ направились къ улицѣ.

— Такъ наши молодые люди остаются? — освѣдомился Снорьинъ.

— Да, въ сегодняшней суматохѣ они оба не приготовили Данилѣ Петровичу уроковъ, теперь присядутъ.

— А! . . Когда говоришь о солнцѣ — видишь его лучи! — весело воскликнулъ Снорьинъ, столкнувшись съ Ярмовымъ. — Пойдемте, батенька, съ нами на ночную экскурсію. Честь имѣю представить вамъ нашего добраго пріятеля . . .

Послѣдовало знакомство и всѣ вмѣстѣ направились къ горѣ, возвышавшейся въ концѣ улицы.

Снорьины жили очень высоко, почти у черты города, такъ что прогуляться на гору считалось самой близкой прогулкой. Мальчики устроили на верхушкѣ ея скамью, и вся семья часто уходила туда посидѣть въ сумерки, полюбоваться прекраснымъ видомъ на городъ и дальнія окрестности.

Разговоръ и смѣхъ не умолкали въ нашемъ маленькомъ обществѣ; одинъ князь Чегодаевъ не принималъ въ немъ участіе, сильно углубившись въ воспоминанія и тревожныя мысли. Это имя, неслыханное имъ много лѣтъ, — имя его погибшаго сына; странный отвѣтъ мальчика, и въ особенности что-то необыкновенное, совершившееся въ немъ самомъ сейчасъ, въ ту минуту, какъ онъ впервые взглянулъ внимательно на Илико, — все это повергло князя въ какое-то непреодолимо-тревожное состояніе. Разсѣянно отвѣчая на обращенія къ нему, онъ все время мысленно прикладывалъ время и годы, волновался и старался рѣшить: показалось ему это такъ, или въ самомъ дѣлѣ было въ лицѣ и глазахъ этого *чужого* мальчика что-то, напоминавшее ему мгновенно другое лицо, давно угасшіе глаза, когда-то съ такой любовью къ нему обращавшіеся?

— Да что съ тобой? . . Что ты все вздыхаешь? . . — тихо спрашивала жена, начинавшая уже тревожиться очевиднымъ волненіемъ мужа.

— Я? Ничего . . . право, ничего.

«Завтра же . . или нѣтъ: зачѣмъ откладывать? — сегодня же переговорю со Снорьинымъ *о немъ* . . . Узнаю, что это за воспитанникъ такой, самъ невѣдающій, какого онъ происхожденія? . . Откуда его взяла эта Зарицкая? . .» — думалъ онъ въ то же время.

Они поднялись на гору. Отсюда весь городъ разстилался, какъ въ панорамѣ. Старая площадь, окруженная тяжелыми лавками караванъ-сараевъ; мечети, съ островерхими минаретами; ближе — православный соборъ и болѣе правильная улица новаго города; кое-гдѣ группы деревьевъ; далѣе — сады, виноградники, магометанское кладбище и горы, горы безъ конца . . .

Были уже сумерки; горизонтъ на западѣ былъ весь охваченъ, какъ поясомъ, грядою черныхъ тучъ, но поверхъ ихъ закатъ еще горѣлъ какимъ-то мрачнымъ, багровымъ цвѣтомъ, сообщая небу и землѣ необыкновенно фантастическое освѣщеніе. Алый, тоненькій серпъ луны спускался на западѣ къ черной линіи тучъ, дѣлая картину еще эффектнѣе.

Чегодаева восторгалась необычайнымъ зрѣлищемъ, увѣряя, что еслибы нарисовать эту картину, то художника, — будь онъ десять разъ геній, — непремѣнно обвинили бы въ преувеличеніи и натуральности.

— Это декорація! — восклицала она. — Шаржированная, почти невозможная декорація! Одной только природѣ и позволительно быть до такой степени красивой! До чего поразительно странно это тройное освѣщеніе: сумерокъ, молодого мѣсяца и этого краснаго неба? . . Право, даже страшно! Есть что-то адское въ этомъ колоритѣ.

— Да вы поэтъ, Клавдія Михайловна! — воскликнулъ Снорьинъ.

— И, къ тому же, большая фантазерка, — добавила Зарицкая.

— А знаете, пойдемте лучше домой! — неожи-

данно предложила Людмила Васильевна. — Я не знаю отчего, но мнѣ что-то не по себѣ!

— И тебѣ тоже, мама? — воскликнула Люба. — Вотъ странно! Я только не хотѣла говорить, а мнѣ, вотъ ужъ нѣсколько минутъ, такъ неловко . . . Будто страшно чего-то . . .

Ну, наши барыни расфантазировались, — разсмѣялся Алексѣй Ильичъ.

— Это что такое? . . Громъ? . .

Издали слышался какой-то гулъ, но въ воздухѣ стояла тишь, мертвенная, тяжелая духота. Надъ головами, въ ясномъ небѣ, тускло зажигались звѣзды...

— Боже мой! Что это? . . Взгляните? . . Тамъ въ городѣ, огни точно танцуютъ! . . Что тамъ такое?.. Факела? . . — вдругъ заговорили всѣ разомъ.

Гулъ и какой-то глухой, словно подземный, трескъ раздавались все сильнѣе и сильнѣе.

Вдругъ изъ центра города поднялся грохотъ и, вмѣстѣ, крики, какъ бы отчаянный вопль многихъ сотенъ человѣческихъ голосовъ . . .

На секунду все общество замерло отъ ужаса. Даже мужчины всѣ страшно поблѣднѣли. Они первые поняли въ чемъ дѣло . . . Снорьинъ быстро подошелъ и схватилъ за руку жену и дочь.

— Пойдемте скорѣе домой, — тихо сказалъ онъ. — Богъ дастъ, все обойдется благополучно.

Люба и мать ея обѣ сдержали крикъ ужаса и, всѣ дрожа, быстро послѣдовали за Алексѣемъ Ильичемъ.

— Но это что? Что это такое? . . Боже мой! . . — внѣ себя кричала княгиня Чегодаева, вырываясь отъ мужа и съ ужасомъ указывая вдаль, на городъ, откуда несся какой-то хаосъ звуковъ, гула и стоновъ.

— Клавдія, душа моя . . . не пугайся . . . это . . . это землетрясеніе . . .

Отчаянный, потрясающій душу крикъ вырвался изъ груди матери:

— Милочка!!

И она, внѣ себя, бросилась бѣжать внизъ, по незнакомой дорогѣ, туда, гдѣ она только-что оставила свое единственное, спокойно спавшее дитя. Мужъ ея бросился за ней. У Людмилы Васильевны зубъ на зубъ не попадалъ и подкашивались ноги отъ ужаса. У нея тоже въ умѣ была одна мысль — объ оставшемся дома сынѣ.

— Дѣти! Дѣти! . . Мальчики! . . И эта бѣдная крошка! . . — на бѣгу отчаянно повторила Ида Павловна.

— Богъ милостивъ! Они большіе, разумные мальчики, — успокаивалъ всѣхъ Ярмовъ.

— Я не могу идти, — въ отчаяніи проговорила Снорьина, остановившись у подножія горы, откуда уже была видна ихъ улица, полная волновавшагося народа. — Оставьте меня! . . Я не боюсь . . . одна . . Бога ради, бѣгите туда! . .

— Мамочка, родная, что съ тобой? . . Какъ же ты останешься . . .

— Съ тобою, Люба! — рѣшительно сказалъ отецъ. — Никто васъ не тронетъ, и здѣсь не опасно.

— Да ужъ и нѣтъ болѣе опасности! — вскричалъ Ярмовъ. — Прислушайтесь: все стихло, кромѣ человѣческихъ голосовъ.

— Пойдемте, Данило Петровичъ! Мы тамъ нужны.

— И я съ вами. Вы не боитесь? — обратилась За-

рицкая къ матери и дочери, которыя плакали, присѣвъ, обнявшись, на придорожный камень.

— Вотъ слава Богу! . . Людмила, вотъ вамъ охранитель! — раздался вдругъ радостный голосъ Алексѣя Ильича, уже успѣвшаго значительно удалиться въ темноту.

И въ ту же минуту снизу зачернѣла быстро бѣжавшая къ нимъ тѣнь. Это былъ Коля; блѣдный, задыхающійся, онъ упалъ на грудь матери.

— Мамочка! . . Всѣ? . . Всѣ здѣсь . . . благополучно? . . Слава тебѣ Господи! . .

И мальчикъ зарыдалъ не совладавши съ радостью.

— Слава Богу! — повторяли женщины.

— А Илико? Коля, что съ Илико? гдѣ онъ? . . Ты не знаешь? . .

— Илико, тетя?! Онъ былъ со мною . . . Мы вмѣстѣ выбѣжали на улицу. Но потомъ . . . я не знаю . . . Я только думалъ о васъ, о мамѣ . . . Я бѣжалъ, не оглядывался . . .

— Но онъ вышелъ, вышелъ изъ дому? Ты вѣрно знаешь? . .

— Вышелъ, теточка! Вмѣстѣ со мной, не бойтесь! . . О! какой ужасъ тамъ вездѣ! . . Сколько убитыхъ! Весь городъ разрушенъ, соборъ, все!..

Зарицкая не слышала дальше: она быстро удалялась къ городу, и скоро скрылась въ наступившей совершенной темнотѣ.

Тутъ только Снорьины вспомнили.

— Коля, а Милочка? . .

— Что то съ Милочкой!? Боже мой! Ты не знаешь! — почти въ одинъ голосъ спросили онѣ.

— Съ кѣмъ? — удивился Коля и тоже, вдругъ

вспомнивъ, сокрушенно ударилъ себя рукою по лбу и вскричалъ: — Боже мой! Боже мой! Съ этой дѣвочкой? . . Я не знаю, что съ ней сталось! . . Я забылъ о ней! . .

Но, къ счастію Милочки, въ минуту страшной опасности о ней не всѣ забыли. Когда раздался неожиданный грозный подземный гулъ, мальчики, сидѣвшіе за уроками, въ недоумѣніи переглянулись и бросились изъ гостиной на балконъ. Тутъ ихъ вдругъ что-то крѣпко толкнуло, чуть не сбросивъ съ крыльца, и въ ту же минуту кругомъ раздались крики и со всѣхъ домовъ народъ высыпалъ на улицу.

— Батюшка! Миколай Лексѣичъ! — услышалъ Коля отчаянный голосъ ихъ молокана-кучера . . . — Бѣгите скорѣй! Землетрясеніе! . . Скорѣй отъ дому дальше!

Коля оглянулся. Ему показалось, что весь ихъ домъ шатается, и крикнувъ товарища, онъ бросился, не помня себя, съ крыльца во дворъ, оттуда на улицу. Кругомъ раздавался гулъ, трескъ и отчаянные крики.

Илико тоже бѣжалъ за нимъ.

Вдругъ онъ тихо вскрикнулъ, въ нерѣшительности повернулся и бросился назадъ, къ дому.

— Куда вы? Назадъ! . . Развѣ не видите, домъ рушится! — закричалъ ему кто-то со двора.

Но Илико вбѣжалъ на крыльцо балкона, не слушая. Едва онъ ступилъ въ переднюю все вокругъ него зашаталось, заскрипѣло и самъ онъ едва удержался на ногахъ.

Это былъ второй ударъ, гораздо сильнѣе перваго. Не прошло и минуты, какъ вслѣдъ за нимъ раздался третій, отъ котораго разрушилась большая часть

домовъ, разоренныхъ этимъ памятнымъ Шемахѣ землетрясеніемъ и рухнула стѣна собора . . .

Илико въ эту минуту затишья ничего не соображалъ: предъ нимъ неясно мелькало дѣтское личико, бѣлокурая, маленькая головка . . . Онъ дернулъ запертую дверь, бросился къ кресламъ подъ бѣлой занавѣской и выхватилъ изъ-подъ нея ребенка въ ту именно секунду, какъ стѣна надъ ней заколебалась и надкаминныя украшенія съ страшнымъ грохотомъ повалились на полъ . . . Что-то крѣпко ударило Илико по рукѣ, но онъ съ горяча не обратилъ вниманія. Онъ захватилъ кричавшую Милочку и, какъ сумасшедшій, не видя подъ ногами земли, выбѣжалъ на улицу. Тутъ его окружили ихъ люди, кто-то тронулъ его за плечо; Илико почувствовалъ страшную боль и дурноту и упалъ бы вмѣстѣ съ ребенкомъ, еслибы горничная Иды Павловны не поддержала ихъ обоихъ.

Но что сталось съ бѣдной княгиней Чегодаевой, когда она, добѣжавъ, ни жива, ни мертва, до дому, взлетѣла по полуразвалившимся ступенямъ на крыльцо, въ переднюю и въ отворенныя настежъ двери, увидала въ стѣнѣ огромную трещину, а импровизированную кроватку своей дочери погребенною подъ грудой кирпичей, известки и мусора! . . Она уже не имѣла силъ вскрикнуть, а только пошатнулась и замертво упала на руки мужа . . . Князь безмолвно передалъ ее на попеченіе вбѣжавшихъ за нимъ Снорьина и Ярмова, а самъ бросился руками разгребать камни и глину.

Клавдію Михайловну вынесли изъ дому и положили среди двора на сѣно. Близость стѣнъ дома

была еще страшна, хотя сторожилы всѣ увѣряли, что третьимъ ударомъ все покончилось.

Вскорѣ во дворъ вбѣжала, запыхавшись, Ида Павловна и столкнулась со спускавшимся съ крыльца полковникомъ.

— Ну, что? Все ли благополучно? . . Гдѣ всѣ? вскричала она.

— Я не знаю . . . Милочки нѣтъ тамъ . . . — въ недоумѣніи разведя руками, отвѣчалъ ей князь.

Онъ до того растерялся, что не сообразилъ даже значенія этого радостнаго факта.

— Но если нѣтъ ее тамъ, такъ значитъ она спасена! — закричалъ ему Снорьинъ, издали вслушавшись въ его слова.

Зарицкая повернулась на его голосъ и поспѣшно подошла къ полубезчувственной Чегодаевой.

Въ эту минуту раздался дѣтскій плачъ . . .

Чего не въ силахъ были сдѣлать заботы, одеколонъ и холодная вода, то мигомъ сдѣлалъ этотъ голосокъ. Клавдія Михайловна приподнялась, растерянно протянула руки въ пространство, всѣхъ и все обводя широко открытыми, вопросительными глазами, и встала.

Прислуга Снорьиныхъ, разогнанная страхомъ, мало-по-малу, возвращалась во дворъ, переговариваясь громко и нисколько не ожидая найдти среди двора почти всѣхъ вернувшихся господъ. Горничная Зарицкой несла на рукахъ плачущую Милочку, а за ними едва двигался, отъ страшной боли въ рукѣ, перевязанной чьимъ-то большимъ платкомъ, Илико, котораго поддерживалъ кучеръ.

Съ радостнымъ крикомъ бросилась Чегодаева къ своей дочери и восторженно схвативъ ее на руки,

плача и смѣясь въ одно и то-же время покрыла ее поцѣлуями. Всѣ устремились вслѣдъ за нею. Ида Павловна тоже бросилась было радостно къ своему воспитаннику, но сдержанный стонъ его заставилъ ее въ испугѣ откинуться назадъ.

— Что съ тобой, Илико, дитя мое? Ты ушибленъ? . .

— Да рука . . . — слабо произнесъ мальчикъ, дѣлая невѣроятныя усилія надъ собою, чтобы сдержать стоны.

— Ушибло ихъ чѣмъ-то, когда они барышню несли, — вмѣшалась съ живостью горничная. — Они тутъ ужь были, во дворѣ да вдругъ назадъ ударились: барышню чужую вспомнили! . . Ну, тутъ ихъ и хватило! Да еще слава Господу, что по рукѣ только задѣло . . . страсть было смотрѣть, какъ домъ-то качало! Мы думали: вотъ-вотъ рухнетъ! . . Страсти!

Всѣ слушали ее, притаивъ дыханіе.

— Илико! мальчикъ мой милый! Дорогой! Добрый . . . — восклицала сквозь слезы Ида Павловна, забывъ, подъ вліяніемъ сильнаго чувства, обычную личину равнодушія, которой она маскировала природную восторженность. — Пойдемъ скорѣе, осмотримъ твою руку. Что ушибло ее? . . Ты не помнишь?

— Огня! Дайте скорѣе свѣту, — приказывалъ Снорьинъ, усаживая Илико, которому то и дѣло дѣлалось дурно, на сѣно, рядомъ съ рыдавшей отъ счастія Чегодаевой.

Опомнившись отъ перваго чувства необузданной радости, князь Чегодаевъ тоже обратился къ Илико..

— Такъ это вы спасли мою дочь? Вамъ, дорогой мой, мы обязаны . . . Но Боже мой! Бѣдный маль-

чикъ безъ чувствъ! Его вѣрно, сильно ушибло. . . — Надо бы доктора! . .

— Ярмовъ ужъ побѣжалъ за нашимъ докторомъ — отвѣчала Зарицкая поддерживая голову Илико.

Докторъ, Ярмовъ и Людмила Васильевна съ дѣтьми — всѣ вмѣстѣ вошли во дворъ.

— Ушибленъ? . . . Сильно? — спрашивали пришедшіе, смотря на Илико.

Клавдія Михайловна бросилась въ объятія Снорьиной.

— Еслибы не онъ, — говорила она прерывавшимся отъ рыданій голосомъ, — ваша Шемаха была бы не только ея, но и моей могилой . . . Мы ему обязаны болѣе, чѣмъ жизнью.

И она начала разсказывать, что̀ увидала, вбѣжавъ въ свою комнату и какъ была увѣрена, что обрушившійся каминъ задавилъ ея дѣвочку.

Въ это время докторъ разрѣзалъ рукавъ на вспухшей рукѣ Илико̀ и объявилъ, что у него переломъ выше кисти, а въ плечѣ чуть ли не вывихъ.

— Здѣсь невозможно хорошо осмотрѣть, — говорилъ онъ, — внесемте его въ комнаты. Теперь опасность совершенно миновала: бояться нечего . . .

Большого труда стоило убѣдить въ этомъ Чегодаеву и уговорить ее внести въ домъ свою дочку. По̀ осмотрѣ дома оказалось, что единственное крупное въ немъ поврежденіе только и была наружная стѣна столовой. Въ ней была широкая трещина, разрушился каминъ и попадали всѣ тяжелыя его изразцовыя и каменныя украшенія, именно вслѣдствіе своей тяжести. Балконъ, параллельный этой стѣнѣ, тоже покривился и доски въ немъ кое-гдѣ разошлись.

Остальное все было въ порядкѣ, кромѣ, впрочемъ, сдвунитой съ мѣстъ мебели; да когда взошли въ гостиную запахъ гари такъ и обдалъ всѣхъ: оказалось, что тлѣлъ коверъ отъ упавшей на него со стола свѣчи, при свѣтѣ которой писали мальчики. Лампы имъ теперь никогда не довѣряли, и эта предосторожность оказалась чрезвычайно кстати.

Докторъ распорядился послать въ военный госпиталь за бинтами и всѣмъ необходимымъ и, уложивъ Илико, приступилъ къ перевязкѣ.

— Ничего, — говорилъ онъ ободрительно, — ничего, мы это дѣло поправимъ. Ужъ такъ суждено вашему воспитаннику, Ида Павловна, ко мнѣ на исправленіе разъ въ годъ поступать . . . Но эта болѣзнь не тяжкая. Дастъ Богъ, пройдетъ она скоро, а честь и слава за его подвигъ на всю жизнь при немъ останутся! Шуточное ли дѣло: жизнь человѣческую спасти! . . Да еще такого крошечнаго, невиннаго младенчика у самой, такъ сказать, смерти вырвать!.. Это чего-нибудь да стоитъ.

— Боже мой! Съ какой бы радостью я принялъ страданія этого дорогого мальчика на себя! — говорилъ полковникъ Чегодаевъ, взволновано ходившій по комнаты, пока Зарицкая и Людмила Васильевна осторожно раздѣвали Илико. — Онъ шелъ на страшную опасность, чтобы спасти чужую, всѣми забытую дѣвочку! Онъ, ради спасенія Милочки, жертвовалъ сознательно своей жизнью. Онъ спасъ не одного ребенка, а насъ всѣхъ троихъ. Мнѣ казалось, что я съ ума схожу, когда я увидалъ засыпанную кроватку! . . Такъ потерять еще одного ребенка — я бы, кажется, не былъ въ силахъ . . .

— Слышишь Илико, что говоритъ князь? — тихо спрашивала Зарицкая, склонившись надъ нимъ и то и дѣло смигивая и нетерпѣливо стирая съ глазъ слезы. — Милый мой! Это должно утѣшать и давать тебѣ силы.

— Да мнѣ теперь ужъ не такъ больно, — проговорилъ Илико, стараясь улыбнуться своей пріемной матери.

Въ суматохѣ и общемъ волненіи никто не обратилъ вниманія на многозначительныя слова, вырвавшіяся у князя.

— Да, — продолжалъ онъ, остановившись противъ больного, — ужъ если Илико когда нибудь понадобится моя помощь, моя дружба, — онъ можетъ требовать отъ меня все, что̀ могъ бы сдѣлать для него родной отецъ!

— Фельдшеръ пришелъ, — прервалъ его рѣчь Коля, войдя тихо и съ боязнью глядя на товарища, блѣдное лицо котораго съ трудомъ можно было отличить отъ подушки.

— Пусть войдетъ! Чѣмъ скорѣе поправимъ дѣло, тѣмъ лучше, — отвѣчалъ докторъ. — Только я просилъ бы дамъ удалиться . . . Это выправливаніе суставовъ такая скверная вещь, — шепнулъ онъ Снорьину, — что бѣдняга навѣрное не удержится отъ крика . . . Удалите-ка барынь, а мы съ вами справимъ дѣло живо.

Зарицкая начала было протестовать, но ее убѣдили. Возлѣ больного мальчика остались однѣ мужчины, кромѣ Ярмова. Докторъ съ фельдшеромъ принялись за дѣло, попросивъ Снорьина и князя стать у изголовья и въ ногахъ постели, чтобы, если нужно, удержать бѣднаго мальчика отъ движеній.

Дѣло, впрочемъ, обошлось довольно благополучно: боль вырвала, правда, у Илико громкій стонъ, но за то рука сразу была вправлена и докторъ немедленно могъ приступить къ настоящей перевязкѣ излома.

— Ну, одно дѣло сдѣлано, слава Богу, — говорилъ докторъ. — Что, молодой человѣкъ, полегче боль въ плечѣ-то? Правда? . . А вотъ мы сейчасъ еще ручку твою хорошенько въ гипсъ запакуемъ, на шесть недѣль ее схоронимъ, такъ что никто ее не увидитъ! . . Ну что, какъ ты себя чувствуешь? . . не дать ли спирту понюхать?

— Нѣтъ, — слабо отвѣтилъ мальчикъ. — Ничего? . . Только скорѣе . . .

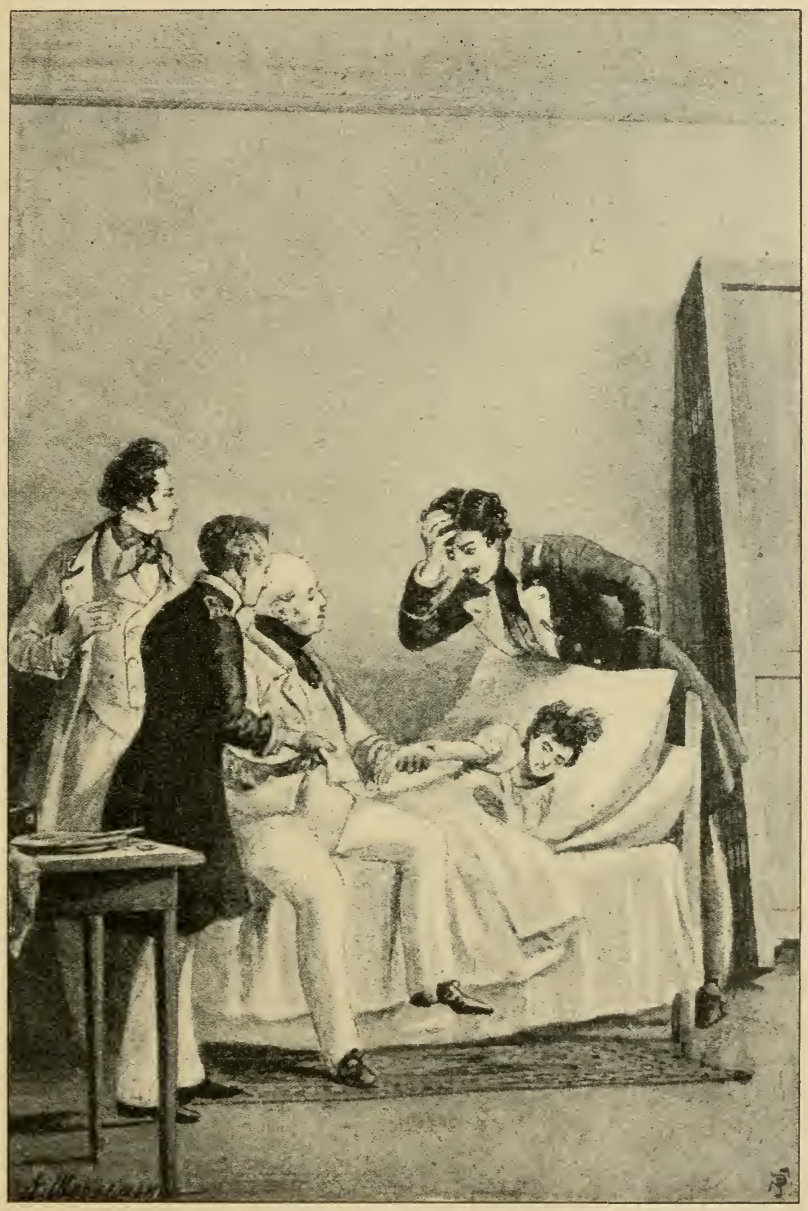
— Скорехонько, скорехонько справимъ . . . Ты у насъ такой молодецъ . . .

Говоря все это успокоительнымъ голосомъ, докторъ посматривалъ однимъ глазкомъ, готовы ли бинты, которые фельдшеръ мазалъ гипсомъ, и по немножку снималъ съ руки Илико временно положенную имъ перевязку.

Фельдшеръ подалъ конецъ мокраго бинта. Докторъ сбросилъ платокъ, скрывавшій руку мальчика.

Вдругъ не то стонъ, не то сдержанный крикъ вырвался изъ груди князя Чегодаева . . . Онъ выпрямился, подавшись впередъ, словно его толкнулъ электрическій ударъ, и замеръ, вперивъ глаза въ обнаженную, худенькую руку Илико . . .

Всѣ разомъ перевели на него удивленные глаза. Даже больной мальчикъ посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи. Чегодаевъ стоялъ, блѣдный, какъ полотно, и пузырекъ со спиртомъ въ рукѣ его дрожалъ.



— Не то стонъ, не то сдержанный крикъ вырвался изъ груди князя Чегодаева.

— Что такое? Что съ вами, князь? . .

Полковникъ не отвѣчалъ ни слова. Не смотря на неожиданность своего открытія, онъ понималъ, что говорить о немъ теперь не время. Онъ принудилъ себя сказать довольно твердымъ голосомъ:

— Извините . . . Не обращайте на меня вниманія, докторъ, у меня немного закружилась голова.

Онъ отошелъ сначала къ темному окну, потомъ проскользнулъ въ дверь, вышелъ изъ дому и быстрыми шагами пошелъ вдоль улицы, вонъ изъ города.

Долго-ли ходилъ онъ подъ темнымъ, покрывшимся тучами, небомъ — этого онъ опредѣлить не могъ. Чувства и мысли въ немъ били ключемъ; воспоминанія о былой жизни картинами возставали въ воображеніи, и надъ всѣми ними господствовало одно: ложе умирающей молодой женщины, его любящей и любимой жены, ея блиставшія мольбою глаза, ея руки молитвенно къ нему простертыя, и слабый голосъ повторявшій: «Ты найдешь его между тысячами! Помни, Георгій: крестъ на рукѣ его поможетъ тебѣ узнать сына!..» О, Кетевана! бѣдная страдалица-мать, умершая въ тоскѣ по своемъ ребенкѣ, — ты была права! Онъ найденъ! . . Крестъ на рукѣ возвратилъ отцу утраченнаго сына, . . . и какъ! При какихъ обстоятельствахъ! . . Спасителемъ своей сестры, ребенкомъ-героемъ, избавившимъ вторую жену своего отца отъ мукъ, подобныхъ тѣмъ, которыя, въ смертный свой часъ, испытывала родная мать его! «Кетевана! Кетевана!» мысленно восклицалъ князь, то останавливаясь и хватаясь за голову, чтобы убѣдиться, что онъ не спитъ, то еще быстрѣе идя, не зная самъ куда, и не замѣчая, что теплый весенній дождь давно вы-

мочилъ его обнаженную голову: «Кетевана! твой завѣтъ исполнилъ самъ Господь-Богъ: я нашелъ нашего сына и я постараюсь, чтобы ты была довольна мной!..

Долго въ эту ночь бесѣдовали Чегодаевы въ кабинетѣ Алексѣя Ильича, куда перенесли ихъ вещи. Ида Павловна, не спавшая почти всю ночь надъ Илико, у котораго открылись жаръ и бредъ, съ удивленіемъ прислушивалась къ ихъ оживленному говору; ей показалось даже, что княгиня плачетъ . . . Зарицкая отнесла это къ испугу и волненію, пережитымъ въ тотъ вечеръ Чегодаевой, а можетъ быть и къ боязни ея, что землетрясеніе снова повторится. Какъ мало воображала она, что разговоръ ихъ такъ близко касается ея чувствъ и интересовъ! . .

Чегодаевъ совсѣмъ почти не спалъ въ эту памятную ночь, но всталъ ранѣе другихъ и сказалъ людямъ, чтобы они попросили Алексѣя Ильича выйти къ нему въ гостиную, какъ только онъ проснется. Это случилось очень скоро. Дамы и дѣти, утомленныя безсонной ночью, подъ утро заснули и проспали дольше обыкновеннаго. Снорьинъ всталъ ранѣе, чтобы лично узнать, какія именно бѣды натворило землетрясеніе въ городѣ.

Онъ вошелъ къ князю испуганный, думая не заболѣла ли княгиня или Милочка, и очень былъ удивленъ тихимъ серьезнымъ вопросомъ Чегодаева!

— Скажите мнѣ, прошу васъ, Алексѣй Ильичъ, тотчасъ же: гдѣ и какимъ образомъ узнали вы Илико? Давно ли онъ у васъ и что̀ вамъ о себѣ разсказывалъ?

Снорьинъ передалъ все, что̀ зналъ касательно воспитанника кузины и заключилъ предложеніемъ обратиться за подробностями къ ней самой.

— Она горячо, какъ мать родная, его любитъ и, конечно, разскажетъ вамъ лучше меня все, что̀ этотъ бѣдный мальчикъ разсказывалъ ей о себѣ.

Князь все время сидѣлъ неподвижно, закрывъ лицо рукою, и когда Снорьинъ окончилъ говорить, спросилъ:

— Такъ вы говорите, что родственница ваша любитъ его, какъ сына? . . Извините меня, пожалуйста, дорогой Алексѣй Ильичъ, я имѣю важныя причины на это: прошу васъ сказать мнѣ откровенно, какого рода госпожа Зарицкая? . .

Снорьинъ отозвался о ней, какъ и должно было ожидать, съ величайшимъ уваженіемъ.

— Жена моя и я любимъ ее, какъ родную сестру, — заключилъ онъ, — а для Илико и моихъ дѣтей никакая мать не могла бы быть добрѣе, любящей и полезнѣй.

— У нея большія средства?

— Весьма хорошія. Она очень богата . . .

— И . . . думаетъ воспитывать мальчика? . .

— Какъ своего родного сына, какъ я вамъ уже сказалъ . . .

— Если вы, князь, изъ признательности къ Илико задумали взять его на свое попеченіе, — прибавилъ Снорьинъ, улыбаясь, — то вы разсчитывали безъ хозяина: Ида Павловна ни за что не уступитъ вамъ своихъ правъ на него.

Полковникъ какъ-то странно глянулъ на Снорьина, но въ эту минуту отворилась дверь и показалась Зарицкая, — блѣдная, съ красными, опухшими отъ безсонницы и слезъ глазами . . . Она пришла сказать, чтобы послали за докторомъ, что Илико бредилъ всю ночь и теперь еще весь горитъ.

Трудно передать удивленіе Иды Павловны, когда она вдругъ почувствовала, что совсѣмъ не замѣченный ею Чегодаевъ схватилъ ея руку и съ словами: «а вы всю ночь надъ нимъ не спали!» — крѣпко поцѣловалъ ее.

«Что это съ нимъ?» подумала удивленная Зарицкая.

«Что мнѣ дѣлать! — въ то же время размышлялъ князь Чегодаевъ — Боже мой! Если бы я могъ быть увѣренъ, что Клавдія будетъ такъ же любить его! . . Бѣдный, бѣдный мой мальчикъ! Неужели онъ навсегда отрѣзанъ отъ своей семьи».

А въ это время надъ «его бѣднымъ мальчикомъ» склонялась женщина съ такимъ любящимъ сердцемъ и съ такими материнскими къ нему чувствами, которыхъ сладость дано испытать далеко не всѣмъ роднымъ сыновьямъ . . .

Прошло два дня.

Князь молчалъ, не рѣшаясь признаніемъ взволновать всѣхъ въ домѣ, огорчить жестоко женщину, которой сынъ его былъ обязанъ и жизнью, и счастіемъ, и рисковать здоровьемъ Илико, для слабыхъ нервовъ котораго такое открытіе истины было бы преждевременнымъ. Онъ всматривался, наблюдалъ, колебался и терзался сомнѣніями.

Наконецъ, дня черезъ три, когда жаръ и лихорадка оставили Илико, Чегодаевъ рѣшился переговорить со Снорьиными и просить ихъ помощи. Невозможно передать удивленія Алексѣя Ильича и Людмилы Васильевны, когда они узнали въ чемъ дѣло. Распросамъ, изумленію не было конца. Весь разсказъ Чегодаева, даже до пропажи, вмѣстѣ съ сыномъ,

его дворовой дѣвочки Пепелы, до того совпадалъ съ разсказами Илико, что не могло быть и тѣни сомнѣнія.

— Бѣдная Ида, — замѣтила Снорьина, — разлука съ Илико будетъ для нея страшно тяжела!

— Я сама говорю тоже! — съ живостью вскричала Чегодаева. — Плохую окажемъ мы ей благодарность за спасеніе Илико, отнявъ его у нея . . .

Мужъ съ упрекомъ посмотрѣлъ на нее.

— Такъ неужели мнѣ, отцу его, возможно, оставить сына у чужихъ людей? — спросилъ онъ. — Какъ бы ни была привязана къ моему сыну Ида Павловна, но она не можетъ любить его болѣе отца и матери . . . а . . . я надѣюсь, Клавдія, что ты будешь для него матерью. Если не изъ любви ко мнѣ, то хотя бы изъ благодарности за то, что онъ спасъ твою дочь.

— Я глубоко на всю жизнь ему благодарна — отвѣчала княгиня, сильно покраснѣвъ. — Я постараюсь ради тебя и ради его самого всегда быть ему хорошей матерью; но я не могу лицемѣрить, я должна . . .

Она тяжело перевела духъ. Людмила Васильевна взлянула на нее изъ-подлобья и сама глубоко покраснѣла.

— Я должна сознатьея, — продолжала княгиня, — что не могу его любить столько же, сколько Милочку. Я не хочу обманывать тебя, мой другъ! если Ида Павловна любитъ твоего сына, какъ я люблю свою дочь, то она, вѣроятно, будетъ для него лучшей матерью.

Наступила минута тяжелаго молчанія. Князь дышалъ прерывисто, чуть не задыхаясь отъ волненія.

— Не знаю, — заговорила снова Клавдія Ми-

хайловна сначала неувѣренно, но потомъ съ большимъ увлеченіемъ, — не знаю, быть можетъ я ужъ такая дурная женщина, быть можетъ, я потеряю во мнѣніи твоемъ и во мнѣніи моихъ друзей, но я прежде всего хочу, чтобы моя совѣсть была спокойна, чтобы я не давала повода упрекать меня въ обманѣ . . . Видя, какъ горячо твой сынъ любимъ своей пріемной матерью, зная, что она готова всю жизнь свою посвятить ему одному, я не могу, не смѣю взять на себя того же . . . Я должна сознаться, что не смогу любить его, какъ мать, — любить такъ, какъ я люблю свое родное дитя! . .

Она схватила на руки игравшую возлѣ нея дочь и страстно прижала ее къ груди своей.

— Такъ что-же мнѣ дѣлать?! — мрачно воскликнулъ Чегодаевъ. — Что скажете вы, Людмила Васильевна? Вы сами мать, вы можете разсудить насъ...

— Что я скажу, Георгій Александровичъ? — поспѣшно и тихо проговорила Снорьина, поднявъ опущенную голову. Я скажу, что и я не могла бы взять на себя . . . Я тоже, кажется, не могла бы любить никого наравнѣ съ моими дѣтьми.

— Даже сына вашего мужа?

— Даже *его* сына. Въ особенности, если бы съ дѣтства не знала его и никогда не подозрѣвала о его существованіи.

— Это вполнѣ естественно, — увѣренно возвысилъ голосъ Алексѣй Ильичъ. — Я уважаю жену вашу за ея честное признаніе: я убѣжденъ, что она была бы справедлива и добра къ вашему сыну . . .

— О! за это я могу ручаться! — прервала его княгиня. — Я постаралась бы замѣнить ему мать . . .

— Такъ чего же лучше! — воскликнулъ князь...

— Но несравненно лучше такая материнская любовь, какую чувствуетъ къ нему моя сестра Ида, — твердо выговорила Снорьина.

Чегодаевъ всталъ и въ волненіи прошелся по комнатѣ.

— Прекрасно! — съ горечью воскликнулъ онъ. — Хорошо будутъ говорить о насъ, когда узнаютъ, что мой сынъ живетъ нахлѣбникомъ у чужихъ людей! .

— Что-же: развѣ лучше, изъ-за людскихъ пересудовъ лишать его такой любви, какъ любовь Иды Павловны? Отнимать его у нея, разлучать ихъ? . . — спросила Снорьина.

— Не забудьте, что разлука съ ней отзовется и на вашемъ сынѣ. Онъ такъ привязанъ къ ней, что, пока, даже говорить ему объ этомъ опасно, — прибавилъ Снорьинъ.

Совѣщаніе это повело лишь къ одному опредѣленному рѣшенію: немедленно сообщить Идѣ Павловнѣ неожиданное открытіе, но отъ дѣтей и всѣхъ остальныхъ пока скрыть его, чтобы извѣстіе объ этомъ не дошло до Илико ранѣе времени и не повліяло на его здоровье. Непріятную обязанность — переговорить съ Зарицкой — взяла на себя Людмила Васильевна. Она ожидала бурной сцены, быть можетъ, слезъ; но рана нанесенная этимъ извѣщеніемъ любящему сердцу Иды Павловны, была слишкомъ неожиданная и глубоко поразила ее. Послѣ перваго изумленія она постаралась затаить свое горе и просила передать Чегодаеву, что она, разумѣется, не можетъ оспаривать правъ его, какъ отца Илико; но требуетъ чтобъ ему было дано время окончательно

поправиться и окрѣпнуть. Послѣ этого она заперлась въ своихъ комнатахъ, дни и ночи просиживая надъ больнымъ, и, подъ предлогомъ его болѣзни и своего собственнаго нездоровья, перестала даже выходить къ завтраку и обѣду. Дѣти, непосвященныя въ тайну, изумлялись тетиной раздражительности, грусти и заплаканнымъ глазамъ ея. Теперь, когда Илико положительно выздоровливалъ, она дѣлалась все нелюдимѣе, не любила когда Снорьины входили къ ней, чтобы провѣдать Илико, терпѣла только ихъ дѣтей, а отъ Чегодаевыхъ рѣшительно пряталась всякій разъ, какъ они изъявляли желаніе навѣстить больного. Дѣти не могли не замѣчать всѣхъ этихъ странностей, и какъ нарочно постоянно затѣвали разговоръ о теткѣ во время обѣда или вечеромъ, когда ихъ отецъ и мать сидѣли въ обществѣ своихъ гостей, чѣмъ несказанно смущали тѣхъ и другихъ.

Положеніе Чегодаевыхъ было крайне тяжело. Княгиня втайне только и мечтала, какъ бы скорѣе вырваться и увезти дочь изъ этой страшной Шемахи. Будущія обязанности ея относительно этого чуть не взрослаго мальчика, неизвѣстнаго и чужого ей доселѣ, а теперь готоваго, быть можетъ, отнять у ея Милочки любовь отца, — крайне смущали ее. Кромѣ того, ей искренно было жаль Иду Павловну и она не хотѣла вѣрить, чтобы привязанность ея мужа могла вознаградить Илико за потерю такой любви, какъ любовь Зарицкой. Князь и самъ терзался сомнѣніями на этотъ счетъ, тѣмъ болѣе, что вполнѣ сознавалъ тайное желаніе жены, чтобы найденный имъ сынъ оставался въ семьѣ, которая его пріютила, у особы, которая желала и была вполнѣ способна замѣнить ему родную

мать. Убѣжденіе въ этомъ росло съ каждымъ днемъ въ умѣ князя Чегодаева, вмѣстѣ съ искреннимъ уваженіемъ его и признательностью Зарицкой. Его расположеніе и благодарность возростали одновременно съ ея холодностью, почти отвращеніемъ къ бѣдному князю. Она въ немъ видѣла врага, человѣка, имѣвшаго желаніе и полное право разбить всѣ ея мечты, отнять у нея любовь и присутствіе ребенка, котораго она привыкла считать своимъ.

Снорьины разрывались, и въ симпатіяхъ своихъ къ обѣимъ партіямъ и въ сомнѣніяхъ относительно ихъ прямыхъ обязанностей; а дѣти, глядя на все это волненіе и непонятныя имъ наружныя проявленія внутренней бури, разыгрывавшейся вокругъ нихъ, недоумѣвали и тяготились общимъ напряженнымъ состояніемъ старшихъ. Чѣмъ ближе подходила рѣшительная минута, тѣмъ тяжелѣе становилось общее положеніе . . .

Разъ вечеромъ, недѣли двѣ спустя послѣ катастрофы, дѣти сидѣли съ Илико, разговаривая съ нимъ о предстоящей поѣздкѣ въ Россію, въ тетину деревню. Илико уже не лежалъ въ постели, а сидѣлъ у отвореннаго окна, смотрѣлъ на красивыя горы и съ оживленіемъ говорилъ о томъ, что радъ будетъ видѣть русскія поля, русскія широкія рѣки, озера, деревни и города, о которыхъ онъ имѣлъ очень смутное понятіе. Они строили съ Колей самые веселые, разнообразные планы, заранѣе смѣясь и радуясь своимъ предположеніемъ. У другого окна, спиною къ нимъ, сидѣла, читая какую-то книгу, или притворяясь, что ее читаетъ, Зарицкая.

— А что, Илико, — спросила она, не оборачи-

ваясь къ нимъ: — ты былъ бы очень огорченъ, если бы поѣздка твоя въ Россію не осуществилась?

Восклицаніе изумленія, печали и досады вырвалось у обоихъ мальчиковъ. Люба подняла голову и посмотрѣла внимательно на Иду Павловну, но лицо ея ей не было видно.

— Еще бы, тетя! — вскричалъ Коля. — Что это вы говорите?!

А Илико отвѣчалъ, подумавъ:

— Я, разумѣется, былъ бы очень этимъ огорченъ; но еслибъ и вы не поѣхали, такъ что же дѣлать . . .

— Не дай, Богъ! — вскричалъ опять Коля.

— Нѣтъ, медленно продолжала Ида Павловна, — если бы мы всѣ должны были ѣхать, а . . . а ты одинъ долженъ бы былъ остаться?

— Одинъ?! — Какъ одинъ? . . — тревожно спросилъ Илико. — Зачѣмъ вы такъ шутите? . .

— Я не шучу. Я серьезно спрашиваю, — очень тихо замѣтила Зарицкая, и Любѣ показалось, что ей очень трудно говорить это, что она дѣлаетъ страшныя усилія, чтобы сохранить спокойствіе. — Кто знаетъ, — продолжала Ида Павловна, — можетъ быть, все такъ могло бы устроиться, что ты самъ былъ бы радъ не ѣхать . . . даже разстаться со мной . . . со всѣми нами и . . . былъ бы счастливъ.

— Никогда этого не могло бы случиться, — твердо отвѣтилъ Илико. — Вы шутите . . . Я никогда нигдѣ и ни съ кѣмъ въ мірѣ не могъ бы быть счастливъ безъ васъ.

— Да? . . А еслибы . . . если бы ты нашелъ своихъ родныхъ . . . своего родного отца? . .

Илико видимо растерялся. Онъ безпокойно за-

метался въ креслѣ, стараясь взглянуть на сидѣвшую спиною къ нему тетю, но та, оставалась неподвижна и даже закрыла лицо рукою. Люба съ братомъ были такъ поражены, что молчали.

— Зачѣмъ вы такъ . . . — наконецъ вымолвилъ Илико. — Этого не можетъ быть . . . вы знаете . . . Зачѣмъ-же? . . А если бы даже это случилось, я никогда бы не разстался съ вами своей волей . . . Мнѣ не нужно никого, кромѣ васъ . . .

Тутъ только опомнился Коля и, подбѣжавъ къ Идѣ Павловнѣ, задергалъ ее за платье, стараясь ей заглянуть въ лицо и допытываясь, съ чего это она вздумала говорить такъ. Зарицкая, высунувшись по поясь въ окно, тихо засмѣялась — очень страннымъ смѣхомъ, какъ показалось Любѣ, и отвѣчала, что она шутитъ.

— Очень нужно такъ шутить? — безцеремонно вскричалъ Коля. — Только пугать бѣднаго Илико . . . Ужъ какая вы, право, тетя! . .

И Коля вернулся на свое мѣсто недовольный.

Мало-по-малу они снова, однако, разговорились и позабыли эти странныя рѣчи тети Иды. Не разговорилась и не забыла ихъ только наблюдательная Люба . . . Черезъ нѣсколько минутъ она встала и послѣдовала за Идою Павловною въ ея спальню, куда та вышла, какъ только отошелъ отъ нея Коля. Люба вошла незамѣтно и увидѣла, что Ида Павловна лежала на постели, уткнувъ лицо въ подушку, и горько плакала . . . Люба вышла такъ же незамѣтно, какъ и вошла, плотно притворила двери спальной и, сама взволнованная до слезъ, прошла прямо къ своей матери. Она нашла ее и Чегодаевыхъ въ самомъ

разгарѣ какого-то серьезнаго совѣщанія. При входѣ ея они смолкли . . . Но Люба долѣе не могла лицемѣрить: она нервно зарыдала и бросилась на грудь матери, повторяя:

— Мамочка! Я не могу такъ! . . Я дольше не могу терпѣть! . . Скажи мнѣ, Христа ради, что случилось? . . Чего вы все тоскуете? . . О чемъ бѣдная тетя такъ горько, горько плачетъ? . .

Княгиня и Людмила Васильевна переглянулись вопросительно съ полковникомъ, глубоко взволнованнымъ. Чегодаева встала и сказала, пройдясь по комнатѣ.

— По моему, незачѣмъ долѣе продолжать эту комедію; скажи ей, Георгій, или ты, Людмила.

— Дитя мое, успокойся, — заговорила Снорьина, ничего дурнаго не случилось . . . Можно сказать, князь?

— Говорите.

— Видишь ли, милая . . . Мы огорчены за тетю Иду, а сама она въ большомъ горѣ отъ мысли, что ей придется разстаться съ Илико . . . можетъ быть.

Князь всталъ и отошелъ къ окну.

— Отчего, мамочка? . .

— Оттого душа моя, что князь узналъ въ Илико своего сына, пропавшаго десять лѣтъ тому назадъ и думаетъ взять его къ себѣ.

Люба тихо ахнула и повернулась къ Чегодаеву, устремивъ на него изумленный, но не обрадованный взоръ.

— Зачѣмъ же вы хотите отнять его у тети Иды? — спросила она прямо. — Ему хорошо съ ней: они такъ любятъ другъ друга, что будутъ очень несчастны

одинъ безъ другого . . . Зачѣмъ же вамъ разлучать ихъ?

— И вы тоже? Развѣ вы не знаете, что дѣти обыкновенно живутъ съ родителями? . . А я — отецъ Илико!

— Я знаю, — нисколько не смутившись, отвѣчала Люба. — Оттого-то вы и должны заботиться о счастіи бѣднаго Илико: онъ такъ много настрадался... такой былъ до сихъ поръ несчастный! Только теперь и отдохнулъ . . . Неужели вы опять хотите его горя?..

— По вашему, жизнь у родного отца — горе?

— Нѣтъ. Но разлука съ тетей, которая ему замѣнила мать, не только горе, но и несчастіе, — твердо отвѣчала Люба. — Онъ васъ не зналъ до сихъ поръ, и потому не можетъ любить. Тетя спасла его отъ смерти, избавила отъ тяжкой жизни раба, заботится о немъ и любитъ, какъ родного сына, какъ вы его не можете любить . . . И онъ самъ не могъ бы матери своей больше любить, чѣмъ любитъ ее! А вы, вы хотите разлучить ихъ? . . Илико никогда не будетъ съ вами такъ счастливъ, какъ съ тетей Идой . . . Вамъ грѣшно его отнимать у нея . . . Если вы въ самомъ дѣлѣ любите бѣднаго Илико, какъ отецъ, вы никогда этого не сдѣлаете . . .

И Люба закрыла лицо руками и заплакала отъ волненія. Плакала и княгиня, и мать Любы, дивясь неожиданной смѣлости своей всегда тихой и скромной дочки.

— Какой славный адвокатъ ваша дочь, Людмила Васильевна! — выговорилъ наконецъ князь, стараясь скрыть волненіе подъ горькой усмѣшкой.

— Разумный, правдивый адвокатъ, — сказала его жена, обнявъ и цѣлуя Любу.

— Мой сынъ не нищій, чтобы жить изъ милости.

— Это фальшивая гордость, мой другъ! Наконецъ, это можно устроить иначе . . .

— Изъ какой милости? — удивилась Люба. — Тетя такъ любитъ Илико, что рада все ему отдать . . .

— Милость вы ей сдѣлаете, князь, — прибавила Людмила Васильевна, — если оставите ей сына.

— Князь, послушайте меня, — снова заговорила Любочка: — вы вѣдь, хорошій, добрый . . . Вы добрый, потому, что сами любите Милочку . . . Ну, подумайте: вѣдь тетя такъ же точно любитъ Илико . .. Вы ни за что его не можете такъ любить! Вѣдь правда? Развѣ вы такъ же любите Илико, какъ Милю? . . Ну-ка скажите! . . Вѣдь нѣтъ! Вотъ вы отворачиваетесь . . . я знаю, что нѣтъ! Вы хотите его взять только *по-долгу* и . . . немножко изъ гордости! . . Вѣдь правда? . . Вы безъ него и онъ безъ васъ не будете несчастны, особенно зная, что ему хорошо, что объ немъ заботятся не меньше, чѣмъ вы бы заботились сами . . . Зачѣмъ же вамъ дѣлать несчастными и тетю, и самого Илико? . . Такъ вотъ что: послушайтесь меня, отдайте это на его волю, — на волю Илико, да! Скажемъ ему все: что вы его родной отецъ, что вы хотите его взять къ себѣ или оставить у тети Иды, — какъ самъ онъ захочетъ! Хорошо? . . Мамочка! Княгиня! развѣ я не дѣло говорю . . . развѣ это не самое лучшее и честное рѣшеніе? . .

— Самое лучшее, и честное, и разумное, — подтвердили обѣ.

— Умница Люба, — раздался голосъ ея вошедшаго отца. — Правда глаголетъ устами младенцевъ, князь! Я давно предлагалъ вамъ то же самое.

— Разумѣется, это лучшій исходъ!

— Илико довольно великъ, чтобы рѣшить самому за себя . . . Онъ имѣетъ право перваго голоса въ своемъ дѣлѣ, — со всѣхъ сторонъ сыпались убѣжденія на бѣднаго князя Чегодаева.

— Что же мнѣ дѣлать? — наконецъ сказалъ онъ, уже не такъ раздражительно, какъ прежде. — Разумѣется, если всѣ противъ меня, если никто, даже родной сынъ мой, не признаетъ моихъ правъ надъ нимъ, — я долженъ буду уступить . . . Я не хочу ничьего несчастія, тѣмъ болѣе этого бѣднаго мальчика . . . Но мнѣ это больно! . .

— Это очень понятно . . . Но какъ же быть? — въ одинъ голосъ спросили Снорьины.

— А мы-то какъ будемъ благодарны вамъ, князь! — вскричала Люба. — Мы привыкли къ Илико и любимъ его, какъ брата! И самъ Илико насъ любитъ... Добрый, милый Георгій Александровичъ! Согласитесь такъ сдѣлать; пожалуйста, согласитесь! . .

— Извольте, барышня. Если вы согласны взять на себя грѣхъ разлучить навсегда отца съ его сыномъ . . .

— Согласны, согласны всѣ, — не правда ли, мама? . . Пусть это будетъ нашъ грѣхъ! . . Да, наконецъ, зачѣмъ же такъ говорить? — прибавила Люба подумавъ. — Вы до сихъ поръ были съ Илико разлучены совершенно и никогда бы не нашли его, если бы не тетя Ида; но теперь вы съ нимъ должны и будете видаться: то вы здѣсь побываете, то онъ у васъ . . .

— Мнѣ часто ѣздить нельзя, барышня, у меня служба, которую я не могу бросить.

— А у тети нѣтъ службы, — живо возразила

Люба, — и она богата: она всякое лѣто можетъ привозить къ вамъ Илико. Вотъ какъ теперь: мы ѣдемъ же всѣ съ нею въ Россію? . . И она, я знаю, съ радостью будетъ всякій годъ ѣздить съ нимъ къ вамъ въ гости . . .

Всѣ засмѣялись. Улыбнулся и князь.

— У этой барышни на все отвѣтъ! — сказалъ онъ. — Красиворѣчивый адвокатъ, право! . .

Такимъ образомъ вмѣшательство четырнадцатилѣтней дѣвочки разрѣшило запутанное положеніе, которое такъ долго ставило всѣхъ въ тупикъ и мучило заинтересованныхъ въ немъ лицъ своей неразрѣшимостью. А между тѣмъ виновникъ всѣхъ этихъ волненій, слезъ и затрудненій — Илико — спокойно разсуждалъ въ своей комнатѣ о всякихъ предстоявшихъ удовольствіяхъ и наконецъ началъ играть съ Колею въ дурачки, разложивъ карты за подушкой, чтобы тотъ ихъ не видалъ, что нисколько не мѣшало тому, ихъ подглядывать и давно плутовать, заливаясь добродушнымъ смѣхомъ.

X.

Рѣшеніе Илико.

На другой день утромъ княгиня Чегодаева объявила, что они разсчитываютъ выѣхать не позже, какъ дня черезъ два. Они и то зажились въ Шемахѣ ради окончательнаго выздоровленія Илико, а теперь, когда почти не подлежитъ сомнѣнію, что онъ съ ними не поѣдетъ, долѣе ждать незачѣмъ.

— Признаюсь тебѣ, душа моя, — говорила она Людмилѣ Васильевнѣ, — не смотря на всю вашу доброту, не смотря на радость мою быть съ тобою, Шемаха наводитъ на меня теперь положительный ужасъ . . . Я здѣсь хожу, какъ надъ бездонной пропастью; со страхомъ засыпаю, и ночью просыпаюсь безпрестанно, въ испугѣ, вся дрожа . . . Я думаю, что сошла бы съ ума, если бы мнѣ пришлось здѣсь прожить еще мѣсяцъ . . . Какъ это люди могутъ селиться и спокойно жить надъ этимъ вѣчнымъ кратеромъ.

— Такъ, значитъ, мужъ твой окончательно рѣшается оставить сына у насъ, у сестры моей?. — радостно освѣдомилась Снорьина.

— Онъ рѣшился поступить по программѣ твоей дочери. Въ самомъ дѣлѣ, твоя Люба словно будто бы сняла съ глазъ нашихъ повязку . . . Лучше придумать ничего нельзя . . . Георгій сегодня-же просилъ твоего мужа сказать Идѣ Павловнѣ, что онъ вполнѣ предоставляетъ выборъ между нимъ и ею самому Илико. Я думаю, что послѣ этого она успокоится. Въ выборѣ его, кажется, сомнѣвается нельзя? . .

Пока этотъ разговоръ происходилъ въ спальнѣ, въ гостиной шло объясненіе между Алексѣемъ Ильичемъ и Зарицкой, при дѣятельномъ участіи Любы. Камень свалился съ сердца бѣдной Иды Павловны . . . Она горячо расцѣловала Любу и просила Снорьина передать князю ея искреннюю, глубокую благодарность. Самой ей теперь трудно было съ нимъ объясняться, но она надѣялась, что князь пойметъ ея чувства и проститъ ей невольную несправедливость ея обращенія съ нимъ, въ послѣднее время, ради привязанности ея къ его сыну.

Такимъ образомъ миръ былъ заключенъ. Оставалось извѣстить Илико объ этомъ важномъ событіи въ его жизни и выслушать его рѣшеніе. Это надо было сдѣлать осторожно, исподволь, чтобы не слишкомъ взволновать едва окрѣпшаго послѣ болѣзни мальчика. Кому это сдѣлать? . .

Князь Чегодаевъ и Ида Павловна были слишкомъ сильно заинтересованныя лица, чтобы ручаться за хладнокровіе и сдержанность. — Другіе — тоже

только головами покачивали да сомнительно пожимали плечами. Сказать: «вотъ твой отецъ; ты — князь Чегодаевъ» — не трудно, но какъ сказать это такъ, чтобы это извѣстіе не поразило своею неожиданностью бѣднаго безъимяннаго сироту, привыкшаго быть всегда и вездѣ чужимъ? . . Эта трудная задача не испугала, однако, Любу. Она взялась исполнить ее не далѣе, какъ въ тотъ же вечеръ, но съ условіемъ, чтобы ее никто не перебивалъ и не мѣшалъ говорить все, что̀ ей угодно, пока суть дѣла не будетъ высказана.

Въ этотъ день Илико въ первый разъ долженъ былъ обѣдать вмѣстѣ со всѣми. Ида Павловна обрадовала его этимъ извѣстіемъ чрезвычайно. Зная, что Чегодаевы скоро уѣзжаютъ, онъ хотѣлъ послѣднее время пробыть съ ними и Милей, которую очень полюбилъ. Дѣвочку къ нему приносили; она часто сидѣла возлѣ него, играя съ нимъ и смѣша всѣхъ своимъ лепетомъ.

Итакъ, въ этотъ памятный для Илико день, онъ вышелъ къ обѣду. Вся семья встрѣтила появленіе его съ особой радостью и лаской; на всѣхъ лицахъ сіяло довольство, и всѣ обращались съ нимъ какъ-то особенно любовно. Болтливый и неугомонный Коля былъ изъятъ изъ общаго заговора; но не смотря на свое легкомысліе, и онъ замѣчалъ общее необыкновенное настроеніе, которое онъ относилъ къ радости выздоровленія товарища. Комната, которая теперь изъ спальной Чегодаевыхъ была снова обращена въ столовую, была свидѣтельницей послѣдняго подвига Илико, но она напомнила всѣмъ и другой добрый и отважный поступокъ его, о которомъ тотчасъ же

шумно разсказалъ Коля, особенно напирая на свою собственную злобу и несправедливость и на великодушіе товарища. Смущенный Илико напрасно отнѣкивался и увѣрялъ, что огонь совсѣмъ не былъ такъ великъ и страшенъ.

За обѣдомъ Илико сидѣлъ между Идой Павловной, которая, смѣясь, что онъ будто опять обратился въ маленькаго ребенка, разрѣзала ему кушанья, и полковникомъ Чегодаевымъ, который, вмѣстѣ съ Любой, одни были молчаливѣе и задумчивѣе обыкновеннаго. Раза два-три во время обѣда, встрѣтясь взглядомъ съ глазами Илико, княгиня улыбалась ему и сейчасъ же бросалась цѣловать свою сосѣдку Милочку, очень капризно принимавшую эти неожиданныя ласки.

Послѣ обѣда все общество перешло въ гостиную. Тутъ-то наступила критическая минута. Какъ ни старались Снорьины и княгиня Чегодаева поддержать общій разговоръ, но неловкое чувство и волненіе все сильнѣе овладѣвало всѣми, кромѣ двухъ, ничего не знавшихъ мальчиковъ. Любу била лихорадка. Она то блѣднѣла, то вспыхивала.

Пользуясь минутнымъ общимъ говоромъ, мать ея наклонилась къ ней и шепнула:

— Боюсь, моя милая, что ты не выдержишь. Смотри, не расплачься раньше времени, среди разсказа.

— О, нѣтъ, мамочка! Не безпокойся. Это я только такъ, пока не начала, а вотъ я сейчасъ . . . Ты только сдѣлай такъ, душечка, чтобы не всѣ на меня сразу уставились . . .

Людмила Васильевна, съ помощью Зарицкой,

немедленно постаралась устроить маленькую диверсію, а въ это время Люба предложила мальчикамъ посмотрѣть только-что полученную ею въ подарокъ иллюстрированную книгу.

Онѣ усѣлись въ сторонкѣ, у маленькаго стола, и нѣкоторое время смотрѣли картины, какъ вдругъ Люба вскричала, будто бы вспомнивъ что-то:

— Ахъ, Илико, я и забыла сказать тебѣ, какой я сонъ про тебя видѣла, — чудо! Точно сказка, право, волшебная . . . Хочешь, разскажу? . .

— Разскажи!

— Разумѣется, разскажи, Люба! Ты такъ хорошо всегда разсказываешь! . . вскричалъ Коля.

— Ну, слушайте, да не перебивайте, пожалуйста! Я терпѣть не могу, когда мѣшаютъ разсказывать . . . Это удивительный сонъ . . . Ты въ немъ — самое главное лицо, Илико. Послушай! . .

Въ группѣ взрослыхъ произошло движеніе, но Людмила Васильевна сдержала его знакомъ и продолжала разговоръ съ княгиней, хотя, по правдѣ, обѣ не знали, о чемъ онѣ говорили, съ біеніемъ сердца прислушиваясь къ голосу Любы. Чегодаевъ закрылся газетой, чтобы скрыть свою внезапную блѣдность. Бѣдный князь переживалъ трудные дни, въ которыхъ эта рѣшительная минута должна была быть послѣднимъ, тягчайшимъ искусомъ. Не то, чтобы онъ очень боялся рѣшенія сына: особой привязанности къ этому, десять лѣтъ тому назадъ оплаканному и мысленно схороненному имъ сыну онъ не могъ чувствовать, но князь былъ человѣкъ строго-нравственный, честный и рыцарски справедливый. Теперь онъ сильно сомнѣвался, что поступаетъ такъ, какъ того требовали

родительскія обязанности и обѣщаніе, данное имъ матери Илико.

— Видишь ли, мнѣ снилось будто я вдругъ попала въ совершенно незнакомое мѣсто, — начала немного взволнованнымъ голосомъ разсказывать Люба.

— Какія-то горы, покрытыя лѣсомъ; церковь на одной изъ нихъ, — старинная, красивая церковь, и множество вокругъ нея народа, будто какая-то ярмарка или приходскій праздникъ, — не знаю! Но только пропасть людей разныхъ: и грузинъ, и татаръ-горцевъ, какихъ-то . . . должно быть лезгинъ . . . Оживленіе такое . . . Всѣ съѣзжаются на арбахъ, верхомъ, и пѣшкомъ бѣгутъ къ церкви. Въ храмѣ служба идетъ, а вокругъ веселятся: поютъ, танцуютъ лезгинку, зурна играетъ, бубны . . . Ну, вотъ, точно такъ, какъ всегда бываетъ въ большіе праздники у грузинъ . . .

— А я не знаю, какъ у нихъ бываетъ — наивно перебилъ Илико, — я вѣдь всегда съ татарами жилъ...

— Ну, все равно! . . Я много разъ въ Тифлисѣ видала . . . Такъ слушай же! Вотъ, кругомъ, знаешь, палатки, арбы стоятъ, много всякаго добра, — лошадей, быковъ. И слышу я, будто разбойники-лезгины между собою сговариваются: хорошо бы, говорятъ, было церковь и всѣхъ богомольцевъ ограбить. Денегъ теперь въ церкви много. На праздникъ Бѣлаго Георгія все богачи съѣхались . . .

— Какъ ты сказала, Люба? — вдругъ встрепенулся Илико. — Постой, постой . . . Бѣлый Георгій? . . Я знаю: *Тетри Георгій*! мнѣ такъ говорила по-грузински Пела! . . Неужели . . . неужели, Люба, ты видала такой сонъ!? . .

Произошло сильное движенiе. Князь невольно поднялся съ мѣста, но слѣдившая за нимъ Ида Павловна быстро положила ему на плечо дрожавшую руку.

Люба совладала съ собой удивительно.

— Что ты говоришь, мой милый! — удивленно воскликнула она. — Вотъ странно! . . Теперь я еще болѣе удивляюсь своему сну . . . Но слушай же, слушай, что будетъ дальше . . .

— Господи! Наша Люба ясновидящая! — вскричалъ Коля.

— Ну, постойте же! Молчите, а то я забуду все! . . теперь уже, пожалуйста, Илико, не перебивай меня . . . Ну, такъ вотъ, вижу я, будто ужъ вечеръ, но кругомъ церкви народъ все еще веселится. Костры вездѣ, музыка; всѣ пьютъ вино, поютъ пѣсни и ужасно кутятъ. И вдругъ, около одного костра, гдѣ сидѣло много людей, очень богато одѣтыхъ, и они очень много пили вина изъ серебряныхъ кувшиновъ, будто, и изъ такихъ роговъ, какъ у папы въ кабинетѣ лежитъ, вы видали? . .

— Изъ турьихъ роговъ. Какъ же! Грузины всегда пьютъ изъ нихъ вино! — сказалъ Коля. — Ну, Люба! Вотъ интересный сонъ какой! . .

— И я въ немъ буду? — не утерпѣлъ Илико.

— Вотъ сейчасъ . . . Только погодите же, не мѣшайте . . . Да, такъ вотъ, будто это богато одѣтые господа, князья вѣрно, встаютъ и садятся на лошадей. И между ними одинъ, молодой, одѣтъ не по-грузински, а въ военномъ сюртукѣ . . .

— Мой отецъ — вскричалъ Илико и вскочилъ, весь дрожа, съ своего мѣста. — Мой отецъ . . . Пела говорила, что онъ былъ офицеръ . . .

— Ну, Илико, если ты будешь не давать говорить, такъ я брошу разсказывать, — притворно разсердилась Люба.

— Нѣтъ! нѣтъ! Ради Бога, говори! . . Я молчу.

Княгиня Чегодаева въ это время подошла, съ Милей на рукахъ, къ мужу, прося его шопотомъ выйти съ нею на балконъ. Князь только сердито мотнулъ головой и совсѣмъ закрылся своей газетой. Жена сѣла возлѣ него, на мѣсто Зарицкой, которая громко сказала, подойдя къ дѣтямъ:

— Да, Любушка, твой разсказъ такъ тревожитъ Илико, что, кажется, лучше отложить его.

— Нѣтъ, ради Бога, теточка, — начали упрашивать ее мальчики.

— Я совершенно здоровъ . . . Разсказывай, душечка, милая Любочка. Разсказывай скорѣе про меня, — просилъ Илико.

И Люба снова принялась за свой разсказъ.

— Ну, милые, такъ тотъ, что въ военномъ русскомъ сюртукѣ былъ, всталъ и велѣлъ подавать лошадей, и говоритъ слугѣ, старому грузину: «Поди, скажи барынѣ, что мы съ отцемъ поѣдемъ въ гости, въ деревню, и скоро, къ завтрашней обѣднѣ, вернемся» . . . Вотъ они поѣхали . . . А я въ это время вижу, славная такая палатка стоитъ, и въ ней — нѣсколько грузинскихъ женщинъ, будто княгиня и ихъ прислуга ложатся спать. У одной изъ нихъ на рукахъ ребенокъ, мальчикъ . . . Я смотрю и думаю: какъ онъ похожъ на нашего Илико, только маленькій . . . И вдругъ эта женщина, мать его, говоритъ ребенку: «Илико-джанъ! Милый мой Илико!» Тутъ я поняла, что это точно ты и есть, только маленькій

еще . . . Потомъ уже не помню, что̀ было, все перемѣшалось . . . Звонъ какой-то раздался . . . Потомъ смотрю: ночь; всѣ спятъ . . . И вдругъ раздались страшные крики, стоны, звонъ оружія! . . Кругомъ все загорѣлось . . . пламя . . . кровь . . . и кажется я видѣла, что эта самая женщина, твоя мать, Илико, бѣжала въ церковь съ тобою на рукахъ и съ маленькой служанкой . . . Пепелой ее звали . . .

— Пела!! — вскричалъ весь блѣдный Илико.

Зарицкая сѣла возлѣ него, обнявъ его рукой, и, сама вся блѣдная, шептала ему на ухо:

— Полно, полно, дружечекъ! . . Успокойся . . . Вѣдь это *только сонъ*.

— Знаю, знаю, тетя! . . Ну, Люба, дальше!

— А дальше, милый, я сама хорошо не знаю, — дрожащимъ голосомъ продолжала Люба. — Видѣла я, кажется, какія-то ужасныя горы . . . войну и много разныхъ страховъ: но ясно помню только окончаніе своего сна . . .

— Ну, говори! . .

— Кончай же скорѣй! — вскричалъ Коля.

— Нѣтъ . . . Погодите . . . Мой сонъ теперь такъ похожъ на правду . . . что я его договорю только, когда Илико успокоится . . . Вотъ на, выпей воды . . .

— Что за нѣжности! Илико не дѣвочка!

Но бѣдный Илико былъ взволнованъ хуже всякой дѣвочки, а стаканъ съ водой, поданный ему Зарицкой, оказался очень не лишнимъ. Передохнувъ немножко, онъ весь блѣдный, съ горящими глазами, сказалъ, умоляющимъ взглядомъ смотря на Любу:

— Кончай! Говори же теперь, Люба! . .

— Доканчивай, — шепнулъ ей съ другой стороны отецъ.

Всѣ подошли къ нимъ. Ида Павловна переглянулась съ княземъ, на которомъ положительно лица не было отъ усилій сдержать свои чувства, и молча уступила ему мѣсто на диванѣ, рядомъ съ его сыномъ. Илико ничего не замѣчалъ: онъ впился глазами въ разсказчицу.

— Конецъ всего удивительнѣе, Илико! — снова начала она. — Я увидала опять землетрясеніе и какъ тебя принесли и положили, чтобы сдѣлать перевязку на рукѣ . . . На той рукѣ, гдѣ у тебя этотъ крестъ, родимый знакъ, по которому Пела предсказывала тебѣ что твой отецъ тебя узнаетъ . . . Помнишь? . .

— Помню . . . Ну, и что же? . .

— Ну . . . и предсказаніе ея сбылось . . .

— Какъ сбылось, Люба?! . .

— Ты помнишь, Илико, что я сказала тебѣ, что сонъ мой похожъ на правду? . .

— Ну?!

Онъ схватилъ ее за руку, едва владѣя собою. Люба встала.

— Илико! — торжественно сказала она. — ты не можешь перекреститься: рука твоя болитъ; но я перекрещусь за тебя . . . Видишь? Благодари Бога, Илико: твой отецъ въ самомъ дѣлѣ узналъ тебя! . .

Настала минута глубокаго торжественнаго молчанія. Всѣ плакали и улыбались въ то же время, глядя на бѣднаго мальчика, обводившаго всѣхъ растеряннымъ взглядомъ.

Онъ понялъ, что это ужъ не шутка, не сонъ, но еще не понималъ правды и ничего не могъ сообразить . . .

Въ эту минуту за нимъ раздалось сдержанное рыданіе . . . Илико, какъ ужаленный, обернулся . . . Чегодаевъ протянулъ къ нему руки, и тутъ только мальчикъ понялъ, что возлѣ него его отецъ . . .

Илико вскрикнулъ и упалъ въ объятія князя Чегодаева.

Когда прошли первыя минуты радости, но когда никто еще не успѣлъ найти словъ, чтобы выразить волновавшія всѣхъ чувства, Коля первый прервалъ общее оцѣпенѣніе, наконецъ уразумѣвъ суть дѣла.

— Это что же такое? — вскричалъ онъ, бросаясь поочереди ко всѣмъ . . . — Люба, что же это? . . Папа! Мама! Развѣ правда? . . Развѣ въ самомъ дѣлѣ, теточка? . . Да скажите же, Господи! . . Илико сынъ князя?! Клавдія Михайловна! Нашъ Илико — вашъ сынъ? . .

— Да, мой милый; не мой, но сынъ моего мужа. Князь былъ раньше, въ первый разъ, женатъ на грузинкѣ.

— Правда-а? . . — протянулъ Коля. Какъ же это — Любинъ сонъ? . .

— Любинъ сонъ былъ ею выдуманъ, чтобы приготовить къ этому Илико, — отвѣчала ему мать.

— И какъ искусно и хорошо она исполнила принятую на себя обязанность! — сказалъ князь, протягивая руку безмолвно плакавшей Любѣ. — Благодарю васъ, барышня, вы превосходно исполнили свою задачу.

— Но я все-таки не понимаю, — заговорилъ неугомонный Коля, — когда же, какъ князь узналъ, что Илико его сынъ! . .

Всѣ принялись наперерывъ разсказывать ему,

какъ было дѣло. Въ это время княгиня подошла къ растерянному, оглушенному всѣмъ происшедшимъ Илико. Онъ, оторвавшись отъ отца, безпокойно оглядывалъ всѣхъ, прислушиваясь къ общему говору и не зная, плакать ему или смѣяться . . . Онъ безсознательно искалъ ту, къ которой привыкъ за послѣдніе два года своей жизни обращаться со всякой радостью и печалью; но Ида Павловна отошла и издали смотрѣла на своего пріемнаго сына, и радуясь, и сильно смущаясь за будущее.

«Ну, какъ онъ самъ захочетъ жить въ родной семьѣ, съ роднымъ отцомъ? — думалось ей. — Трудно мнѣ будетъ отвыкнуть . . . И какъ это я успѣла его полюбить такъ крѣпко? . . Ужъ лучше бы мнѣ его держать подальше . . . Вѣчно я все дѣлаю не въ мѣру, вѣчно пересолю!» — недовольно заключила она и вышла на маленькій балконъ, что̀ выходилъ прямо изъ гостиной на улицу.

Клавдія Михайловна обняла своего пасынка, сѣвъ возлѣ него съ другой стороны, и посадила ему на колѣна Милочку, сказавъ:

— Милый мой мальчикъ! Ты понимаешь теперь, что Богъ помогъ тебѣ спасти свою сестру! Дорогой мой! Я вдвойнѣ люблю тебя за это . . .

Миля, которая вообще очень дружила съ нимъ, видя, что мать цѣлуетъ Илико, протянула къ нему рученки и обвила ими его шею. Онъ отвѣчалъ на объятія и поцѣлуи почти безсознательно. Въ мысляхъ его былъ хаосъ, и на сердце, послѣ первыхъ минутъ радостнаго изумленія, залегла какая-то необъяснимая тяжесть. Онъ машинально улыбался, прислушиваясь къ общему веселью и шумному говору. Всѣ

его поздравляли, ласкали, но Илико недоставало ласки самой близкой и дорогой ему. Растерявшись совершенно, онъ не умѣлъ еще объяснить себѣ, чего или кого ему недоставало, какъ вдругъ тотъ же несдержанный, всегда искренній Коля вскричалъ, всплеснувъ руками:

— Вотъ тебѣ разъ! Такъ какъ же теперь будетъ? Илико не можетъ уже жить съ нами?

Мать положила ему руку на плечо и шепнула, что теперь не время говорить объ этомъ и что это совсѣмъ не его дѣло; но этого вопроса было достаточно, чтобы открыть его товарищу смыслъ того, что дѣлалось у него на сердцѣ. Илико всталъ и обвелъ глазами всю комнату. Нѣтъ, его тети здѣсь нѣтъ! . . Такъ гдѣ же она? . . Неужели она не знаетъ, не радуется его счастію? . . «Счастію? . . Но счастіе-ли это? . . — подумалось ему.

Онъ взглянулъ вскользь на Милю, перебравшуюся на колѣна матери; на красивую даму, княгиню, гостью ихъ, всегда къ нему ласковую, но все-же-таки ему постороннюю . . . Она сейчасъ назвала свою дочь его сестрой. Сестрой? . . Это очень странно. А Люба? . . Вотъ ,Люба и Коля — ему скорѣе сестра и братъ, а не эта маленькая, хорошенькая дѣвочка, которую онъ очень любилъ какъ забавную крошку, которую ему удалось спасти отъ большой опасности, но все же не какъ сестру . . . А князь? . . Онъ посмотрѣлъ долгимъ, недоумѣвающимъ взглядомъ на высокаго, красиваго господина въ военномъ сюртукѣ на распашку, ходившаго взадъ и впередъ вдоль комнаты, опустивъ голову и думая тоже о немъ и о своей трудной задачѣ относительно найденнаго

сына . . . Илико не зналъ, что мысли отца его были также заняты вопросомъ, вокругъ да около котораго вертѣлись безсознательно и собственныя его помышленія. Онъ смотрѣлъ съ замираніемъ сердца, близкимъ къ боязни, на этого «чужого», вспоминая, какъ онъ только-что обнималъ его, прижимая голову его къ своей груди, называя своимъ сыномъ, своимъ дорогимъ Илико! . . Сердце его забилось благодарностью, онъ чувствовалъ себя очень счастливымъ вслѣдствіе сознанія, что теперь онъ уже не безродный, вездѣ чужой сиротка, неизвѣстнаго происхожденія, а сынъ этого красиваго, добраго князя, который самъ сказалъ ему объ этомъ, самъ призналъ его своимъ роднымъ сыномъ . . . Это все такъ, но только, что это сейчасъ сказалъ Коля? . .

«Боже мой! Неужели они возьмутъ меня отсюда? — вдругъ подумалъ Илико, и сердце его сжалось. — Какъ? Опять къ чужимъ людямъ, въ чужой домъ? . . Они увезутъ меня? Я никогда не увижу больше Любушку, Колю и . . . ее, мою тетю? . . Какъ же это? . . Я не могу жить безъ тети Иды!»

Тутъ что-то сжало горло Илико и что-то горячее подступило къ глазамъ его. Онъ оглядѣлъ всѣхъ изъ-подлобья, прежнимъ своимъ взглядомъ испуганнаго волченка, какимъ бывало, въ тяжелыя или опасныя минуты горькой своей жизни, оглядывалъ чужихъ людей, отъ которыхъ ждалъ только обиды. Поднявшись съ своего мѣста, мальчикъ выскользнулъ изъ гостиной на балконъ. Бѣдняжка искалъ только уединенія: ему хотѣлось собраться съ мыслями и скрыть отъ всѣхъ свою печаль, боясь, что не имѣетъ на нее права, что всѣ его осудятъ. Но когда онъ

увидалъ на балконѣ Иду Павловну, онъ не совладалъ съ собою, бросился къ ней и горько заплакалъ.

Зарицкая никакъ этого не ожидала. Она сама ушла сюда, чтобы скрыть свое тревожное состояніе и все время добросовѣстно старалась совладать съ собою, благоразумно приготовлялась не показать ему и виду, что огорчена, въ случаѣ даже если придется съ нимъ разставаться. Но тутъ бѣдная тетя Ида не выдержала! Она охватила голову пріемнаго своего сына, крѣпко прижала ее къ груди своей, склонилась къ нему и вмѣстѣ съ нимъ заплакала, словно бы надъ ними обоими стряслась великая бѣда . . .

Вдругъ они услышали надъ собою голосъ князя Чегодаева.

— О чемъ же ты плачешь, Илико? Что васъ такъ сильно огорчаетъ: тебя и твою пріемную мать? . . Нельзя ли мнѣ узнать это, друзья мои?

Оба встрепенулись, словно въ чемъ-нибудь провинились. Илико заплакалъ еще неутѣшнѣе, а Зарицкая подняла голову, поспѣшно отирая слезы, и сказала:

— Извините, князь! . . Вы конечно не можете сомнѣваться въ моей искренней радости за Илико; но, не зная навѣрно вашихъ намѣреній, намъ съ нимъ немножко взгрустнулось . . . Быть можетъ, вы захотите, чтобы теперь сынъ вашъ жилъ съ вами, на что̀ имѣете полное право . . . А мы съ нимъ привыкли думать, что никогда не разстанемся . . . Такъ-ли я говорю, Илико? Скажи отцу, оттого ли ты плачешь...

Илико поднялъ немного голову, но ничего не могъ отвѣтить.

— Говори же, Илико, не бойся! Неужели ты

считаешь меня своимъ врагомъ, что боишься говорить прямо? — печально, но ласково заговорилъ князь. — Я, разумѣется, желалъ бы имѣть всегда съ собою своего сына; но я понимаю, что ты не можешь сразу полюбить меня такъ, какъ любишь Иду Павловну . . . Меня ты совсѣмъ не знаешь, а ей всѣмъ обязанъ . . . Я самъ такъ глубоко ей благодаренъ, такъ уважаю ее и такъ желаю, чтобы ты, мой бѣдный мальчикъ, былъ совершенно счастливъ, что готовъ подчиниться всѣмъ вашимъ требованіямъ . . .

Князь быстро вошелъ въ комнату, будто рѣшившись на что то. Илико поднялъ голову.

— Что онъ сказалъ? — радостно прошепталъ онъ.

— Отецъ твой сказалъ, что желаетъ твоего счастія, — отвѣчала Зарицкая.

Въ эту минуту князь вернулся, ведя за руку Любу.

— Вотъ эта барышня, Илико, — сказалъ онъ, — говоритъ, что любитъ тебя, какъ родного брата. Спроси ее, что она вчера придумала и что мы съ нею рѣшили сдѣлать.

Люба обняла одной рукою голову Илико и, улыбаясь, заставила его поднять заплаканное лицо.

— Я говорила, что всего лучше тебѣ самому рѣшить, съ кѣмъ ты хочешь жить, — сказала она, — съ тетей остаться, или уѣхать съ княземъ? Отецъ твой любитъ тебя крѣпко, Илико; онъ очень бы желалъ взять тебя и сначала былъ очень огорченъ, когда я сказала, что ты не можешь быть счастливъ безъ тети Иды. Но онъ такой добрый! Такой добрый, — повторила она, взявъ руку тронутаго князя, — что не думаетъ о себѣ, а о тебѣ одномъ, Илико . . .

Онъ рѣшилъ, что отъ тебя зависитъ выборъ; что ты можешь, если захочешь, остаться съ тетей, съ нами, а къ нему пріѣзжать въ гости. Понимаешь? Тетя, вѣдь вы будете ѣздить къ князю съ Илико всякій годъ на вакаціи? . . Я обѣщала за васъ . . .

— Милая моя! — могла только вымолвить Ида Павловна.

— Ну, Илико, ты слышишь? — сказалъ князь, ласково взявъ за руку сына, — говори же! Какъ ты скажешь, такъ тому и быть . . .

Илико собрался съ духомъ.

— Я . . . я . . . — пробормоталъ онъ, — я сдѣлаю, какъ вамъ угодно . . . но . . . я люблю тетю Иду!

И онъ бросился къ ней въ объятія.

— Аминь! — промолвилъ князь съ прежней печальной улыбкой.

Онъ повернулся и хотѣлъ уже выйти съ балкона, какъ вдругъ словно сердце подсказало его сыну, какъ больно огорчилъ онъ своего отца. Илико поднялъ голову, оторвался отъ Зарицкой и со слезами благодарности обвилъ руками шею князя Чегодаева . . .

Несмотря на страхъ Клавдіи Михайловны, все боявшейся новаго землетрясенія, Чегодаевы пробыли еще нѣсколько дней въ Шемахѣ. Для Илико и дѣтей Снорьиныхъ это были такіе счастливые дни, которые долго вспоминались ими не иначе, какъ съ блистающими глазами и улыбками удовольствія.

Разстались обѣ семьи безъ особой печали, потому что князь далъ честное слово постараться скорѣе покончить дѣла свои въ Кахетіи, гдѣ у него

не было теперь уже близкихъ родныхъ, такъ какъ обѣ сестрѣ его были давно въ Москвѣ, и въ концѣ лѣта пріѣхать тоже погостить въ деревню Иды Павловны. Обѣщаніе это прибавило еще новое счастье ко всѣмъ счастливымъ планамъ троихъ дѣтей, въ которыхъ совершенно довольная теперь Ида Павловна принимала самое дѣятельное участіе. Но болѣе всѣхъ торжествовала Люба. Она сознавала, что ея вмѣшательство вывело всѣхъ изъ очень труднаго положенія и болѣе всего была счастлива тѣмъ, что сдѣлала счастливыми свою дорогую тетю Иду и бѣднаго, всѣмъ чужого мальчика.

— Теперь ужъ Илико не можетъ такъ называть себя, — говорили дѣти наканунѣ отъѣзда гостей своихъ въ Тифлисъ, — у него теперь двѣ семьи . . .

— Которыя чуть изъ-за него не поссорились, — прибавила, услышавъ этотъ разговоръ, княгиня Чегодаева. — Теперь у насъ, у Иды Павловны и въ вашей семьѣ онъ будетъ всегда *всѣмъ своимъ*, дорогимъ сыномъ и братомъ.

— Счастливый, право! Даже завидно, сколько у него вдругъ родныхъ! — вскричалъ Коля.

— За-то сколько онъ натерпѣлся прежде, — замѣтила Люба.

— О прошломъ надо теперь забыть. При хорошемъ настоящемъ прошлое легко забывается, — сказала Людмила Васильевна.

— Надо думать, что Илико тѣмъ болѣе оцѣнитъ настоящее и будущее свое счастіе, что если бы не особая милость Божія, вся жизнь его могла бы пройти въ несчастіи и униженіи. Хорошо что Богъ послалъ ему его тетю Иду, — заключилъ князь Чегодаевъ.

— А вѣдь всему причиною праздники имама Гуссейна! воскликнулъ Коля, разсмѣявшись.

— И землетрясеніе, — прибавила Люба.

Илико, молчавшій все время, тутъ оглядѣлъ всѣхъ со счастливой улыбкой и промолвилъ:

— Правда! Вотъ и выходитъ по старой пословицѣ: *нѣтъ худа безъ добра*! . . .

— Особенно, если Богъ приведетъ добрыхъ людей узнать это «худо» впору и повернуть его на «добро», — улыбаясь прибавила Люба.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

			стр.
Глава	I	Набѣгъ	1
,,	II	Во вражьихъ горахъ	29
,,	III	Отъ Тифлиса до Ганжи	47
,,	IV	Страшный случай	67
,,	V	Иные люди—иные нравы	79
,,	VI	Похороны Амилеты	101
,,	VII	Празнество Имама Гуссейна	115
,,	VIII	Новая жизнь	145
,,	IX	Неожиданное открытіе	167
,,	X	Рѣшеніе Илико	212

КНИГИ-ПОДАРКИ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Для малютокъ:

ЧЕРНИЧНЫЙ ДѢДКА

16 рисунковъ и текстъ Э. БЕСКОВОЙ — Переводъ со шведскаго В. Н. КРЕСТЬЯНОВА — По старой орѳографіи

Для средняго возраста:

КАКЪ Я БЫЛА МАЛЕНЬКОЙ

Изъ воспоминаній ранняго дѣтства В. П. ЖЕЛИХОВСКОЙ. Съ рисунками В. ЗАХАРОВА — 8-е изданіе (по старой орѳографіи)

СЛЕЗЫ

Повѣсть изъ гимназическаго быта А. И КРАСНИЦКАГО Съ 8 рисунками А. А. ЧИКИНА — 3-е изданіе (по старой орѳогр.)

Для старшего возраста:

ИЗБРАННИКЪ БОЖІЙ

Историческая повѣсть начала XVII вѣка П. Н. ПОЛЕВОГО. Съ рис. художника К. В ЛЕБЕДЕВА 3-е изд. (по старой орѳогр.)

РОДНАЯ ЖИЗНЬ

Рассказы по родиноведению М. А. КРУКОВСКОГО С рис. С. М. ДУДИНА, Н. И. ТКАЧЕНКИ и Н. Н. ГЕРАРДОВА 2-е издание (по новой орфографии)

КУДЕСНИК

Историческая повесть для юношества П. Н. ПОЛЕВОГО С 12 отдельными рисунками акад. К. В. ЛЕБЕДЕВА 3-е издание (по новой орфографии)

Съ заказами просимъ обращаться въ мѣстные книжные магазины или непосредственно въ контору издательства

VERLAG A. F. DEVRIENT

Berlin SW 48, Wilhelmstrasse 9